

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 4 (32)

2024

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, профессор, Россия
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration III № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Full Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

Статьи, представленные в № 4 за 2024 г.,
опубликованы на основе докладов,
подготовленных для участия в
V Международной научной конференции
«ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА
В ИСТОРИИ РОССИИ»

Санкт-Петербург, г. Пушкин
25–26 октября 2024 г.

Конференция проводилась за счет средств гранта
Российского научного фонда и Санкт-Петербургского науч-
ного фонда № 23-18-20025.
URL: <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- Д. А. Коско** [10]
Образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860–1870-е гг.
- О. В. Кобец** [24]
Саморусификация белорусов в российско-белорусском приграничье в конце XIX – начале XX в.: динамика, причины, результаты
- А. А. Кружалина** [41]
Практика применения избирательного права Российской империи как инструмент национальной политики (по материалам выборов депутатов Государственной думы от территорий Иркутского генерал-губернаторства)
- В. Б. Безгин, К. А. Якимов** [59]
Латыши поколения «революционного перелома» в обыденности российской провинции периода Гражданской войны

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Ш. Н. Исянгулов** [76]
Этноконфессиональные особенности в брачности сельского населения Южного Урала (конец XIX – начало XX в.)
- А. А. Мусеева** [90]
Сельский сход и православный приход: повседневные практики прихожан по решению актуальных вопросов в Казанской епархии в 1917 г.
- Р. Р. Агишев** [103]
«Народный ислам». Религиозный синкретизм татар Республики Мордовия

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

А. Н. Гребенкин [118]
«Служащий же финляндец привыкает уважать и любить Россию...»: военно-учебные заведения Великого княжества Финляндского в системе военной школы Российской империи

И. В. Лиджиева [137]
Дуализм имперской образовательной политики: подготовка национальных кадров в инородческом обществе

Л. Р. Габдрафикова [150]
Трансформация татарской социокультурной инфраструктуры уездного города в первой трети XX в. (на примере г. Троицка Оренбургской губернии)

К. А. Тишкина [170]
Праздник культуры как форма агитационно-просветительской работы среди национальных меньшинств Красноярского округа в 1928–1929 гг.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. А. Станулевич, С. С. Сабрукова [183]
Фотографирование бурятскими учеными в экспедициях в Центральную Азию начала XX в. (по дневникам Базара Барадийна)

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Е. А. Скоп [206]
Личные истории германских граждан и бывших военнопленных Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Новосибирской области)

Иллюстрации [231]

CONTENTS

THE AUTHORITIES AND SOCIETY

- Danila A. Kosko** [10]
The Image of the Russian Government in the Views
of Polish Emigration in the 1860s – 1870s
- Olga V. Kobets** [24]
The Belarusians Self-Russification of in the Russian-
Belarusian Border Area in the Late 19th – Early 20th
Centuries: the Dynamics, Causes, Results
- Anastasiia A. Kruzhalina** [41]
The Practice of Applying the Electoral Law
of the Russian Empire as a National Policy Instrument
(Based on the Materials of the State Duma Deputies'
Elections from the Irkutsk Governorate General Territories)
- Vladimir B. Bezgin, Kuzma A. Yakimov** [59]
The "Revolutionary Breakthrough" Generation Latvians
in Everyday Life of the Russian Provinces
During the Civil War

REGIONAL EVERYDAY LIFE

- Shamil N. Isyangulov** [76]
Ethno-Confessional Peculiarities in the Marriage Rate
of the Southern Urals Rural Population
(Late 19th – Early 20th Century)
- Alina A. Museeva** [90]
A Rural Gathering and an Orthodox Parish:
Parishioners' Everyday Practices in Resolving Actual Issues
in the Kazan Diocese in 1917
- Ruslan R. Agishev** [103]
"Folk Islam". The Tatars Religious Syncretism
in the Mordovian Republic

EDUCATION AND CULTURE HISTORY

Aleksey N. Grebenkin [118]
"A Finnish Employee Gets Used to Respecting
and Loving Russia...": Military Educational Institutions
of the Grand Duchy of Finland in the Military School System
of the Russian Empire

Irina V. Lidzhieva [137]
The Imperial Educational Policy Dualism:
Training National Personnel in the Aliens' Society

Liliya R. Gabdrafikova [150]
The Tatar Socio-Cultural Infrastructure Transformation
in a District Town in the First Third of the 20th Century
(the Case of the Troitsk Town, Orenburg Province)

Ksenia A. Tishkina [170]
The Festival of Culture as a Form of Agitation
and Educational Work among National Minorities
of the Krasnoyarsk District in 1928–1929

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

Nadezhda A. Stanulevich, Svetlana S. Sabrukova [183]
Photographing by Buryat Scientists in the Early 20th Century
Expeditions to Central Asia
(based on the Diaries of Bazar Baradiin)

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Evgenia A. Skop [206]
Personal Histories of German Citizens
and Former First World War Prisoners (on the State Archive
of the Novosibirsk Region Materials)

Illustrations [231]

Образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860–1870-е гг.

Д. А. Коско

В статье предпринята попытка определить образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860–1870-е гг. В письмах, статьях, донесениях Третьего отделения, публикациях и воспоминаниях представителей польской эмиграции зачастую образ российского правительства в польской эмиграции носил черты «угнетателя» и «грабителя». Это объясняется несколькими факторами: многие эмигранты были участниками польских восстаний и лично столкнулись с репрессивной политикой царских властей. Политика русификации, развернувшаяся после январского восстания, также способствовала формированию негативного образа царских властей в польской эмиграции, так как она угрожала культурной идентичности поляков. Тем не менее, среди эмигрантов встречались и исключения: некоторые воспринимали российскую политику как испытание, необходимое для развития польского народа. Разнообразие взглядов в польской эмиграции на российскую власть связано как с католическим мировоззрением, воспринимающим страдания как вектор развития, так и с политической неоднородностью самих эмигрантов. В то время, как консервативное крыло искало поддержку в европейских правительствах, демократическое пыталось найти свое место в политической борьбе.

Ключевые слова: польская эмиграция, российское правительство, царизм, польское консервативное движение, польское демократическое движение, Александр II.

Для цитирования: Коско Д. А. Образ российского правительства в воззрениях польской эмиграции в 1860–1870-е гг. // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 10–23. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_10. EDN: BHHBDU

Введение

Польскую эмиграцию XIX в. в историографии принято называть великой. Она началась в 1830-х гг. и была вызвана напряженной политической ситуацией в царстве Польском после подавления ноябрьского восстания, которое проходило под лозунгом восстановления независимой Речи Посполитой в границах 1772 г. Новые волны эмиграции последовали и после неудачных попыток революции 1848 г. и январского восстания 1863–1864 гг. Однако послеянварская эмиграция не сыграла большой политической роли и не была такой многочисленной и продолжительной, как после ноябрьского восстания. По оценкам исследователей, на рубеже 1864–1865 гг. царство Польское покинуло около 8 тыс. беженцев, но значительная их часть осталась в Галиции, а остальные присоединились к небольшим группам эмигрантов 1831 и 1848 гг., главным образом во Франции (3,4 тыс.) и Швейцарии (600 чел.). Польские группы появились также в Бельгии, Германии, Англии, а также в Турции и Румынии (1,5 тыс.) [1, с. 8].

Во Франции, куда отправилось большинство польских эмигрантов, бывших участников восстания встретили с энтузиазмом во многом благодаря воинствующему и патриотическому духу. Эмигрантов здесь воспринимали скорее как гостей, чем чужаков, ведь у французов и поляков было много общего как в культурном, так и в политическом плане, поэтому были рады польским патриотам, которых воспринимали как романтиков, готовых на все ради справедливости.

Живя за пределами польских земель, эмигранты в большинстве своем вели активную политическую жизнь, они не забывали о своей родине и продолжали вести патриотическую пропаганду на территории царства Польского, создавали различные тайные организации, нацеленные на освободительную борьбу польского народа.

Вместе с тем в польской эмиграции существовали различные идеологические направления – консервативное и демократическое. Подобное деление было связано с пестрым составом эмиграции, который включал в себя как представителей шляхты, так и выходцев из крестьянских и мещанских сословий.

Неоднородность и идейно-политическая борьба во многом влияли на мировоззрение польских эмигрантов. Если представители консервативного направления были относительно уме-

ренными, старались искать поддержку в правительствах других монархических стран и опасались восстания среди польских крестьянских масс, то демократы чаще выступали под революционными лозунгами за независимость Польши.

В мировоззрении представителей обоих политических лагерей особое место всегда занимал образ России, который нередко было тесно связан с формированием и последующими трансформациями польской самоидентичности.

Новый этап в восприятии Российской империи в общественном мнении польской эмиграции наступил в 1864 г. в результате подавления январского восстания и его последствий в виде активной политики русификации Польши. Логично, что особое место в восприятии России в польском общественном мнении заняло царское правительство, проводившее репрессивную политику в отношении польского народа, которая трансформировалась в русификацию польских земель.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью глубокого анализа многовековой истории сложных отношений между Польшей и Россией. Польша продолжает оставаться одним из ближайших соседей России, и многие противоречия, существовавшие на протяжении веков, остаются непонятными для обществ обеих стран.

Целью статьи является определение образа российского правительства в воззрениях представителей польской эмиграции в период после подавления январского восстания.

В польской историографии значительное количество трудов освещает деятельность великой эмиграции, отношение польских эмигрантов к российскому правительству после подавления январского восстания [2–5]. Следует отметить работы А. Кежунь и М. Понксиньского, которые, изучая тему образа России в польском общественном мнении второй половины XIX в., затрагивали и польскую эмиграцию [6; 7].

Отечественная историография в меньшей степени обращалась к теме образа российского правительства в польской эмиграции, чаще всего это происходило в контексте изучения вопроса о российско-польском революционном сотрудничестве [8; 9]. Так, в работах С. М. Фалькович и А. А. Травкиной, в той или иной степени раскрывается отношение поляков к Российской империи и к ее властям [10–12].

В отечественной историографии нет комплексных исследований образа российского правительства в польской эмиграции после подавления январского восстания.

Для написания статьи были привлечены документы из Государственного архива Российской Федерации: донесения российских посольств и агентурные донесения Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии о деятельности польских эмигрантов, а также перлюстрированные письма [13–17]. В числе важных источников исследования – издания эмигрантской и российской прессы [18–20], а также польские брошюры [21; 22].

Методологическая основа исследования опирается на принципы историзма и объективности, что позволяет анализировать объект в его конкретно-историческом контексте. Применяется метод систематического изучения источников и литературы, а также сравнительно-исторический метод. Для достижения комплексного понимания образа другого – образа российского правительства среди польской эмиграции – в статье используется имагологический метод с целью создания целостного представления о «другом», олицетворяемом российским правительством.

Результаты

Многие из польских эмигрантов являлись бывшими участниками, идеологами и лидерами январского восстания 1863–1864 гг. Поскольку оно носило освободительный характер и было направлено против власти Российской империи, то его подавление напрямую сказалось и на трансформации образа царского правительства в воззрениях польской эмиграции, чему во многом способствовали как факт подавления восстания в Польше, так и характер проводившейся впоследствии политики на ее территории.

Так, активный участник Польского демократического общества в Лондоне Антоний Жабицкий (1810–1877) на праздновании в 1865 г. годовщины ноябрьского восстания в своей речи закономерно затронул Российскую империю, охарактеризовав ее как государство, держащее в неволе страдающий польский народ. Обратившись к личности Александра II, Жабицкий обвинил его в полонофобской политике и сравнил его

с безумным императором Нероном. Характеризуя личности польского политика Александра Велёполского и брата императора Константина Николаевича, Жабицкий назвал их «верными соучастниками» русификаторской политики польских земель, созданными, чтобы «злобным смехом встретить кончину столетней жертвы и на ее могиле возобновить союз против свободы народов» [14, л. 6].

Характеризуя подавление январского восстания, Жабицкий называл Польшу «оплотом христианства и цивилизации», который был повторно унижен. А после событий 1863–1864 гг. Москва продолжила «издеваться над побежденной Польшей, грабить и наносить новые удары» [14, л. 8].

Будучи представителем демократического крыла польской эмиграции, Жабицкий сотрудничал с издававшимся А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым «Колоколом» [23, s. 75], выступая за союз с русскими революционерами с целью избавиться от общих оков царского деспотизма: «Связанные с русским народом узами общего происхождения и говоря на близком ему языке, мы сумели передать ему наши чувства и убеждения <...>. Союз Польши с революционной Россией... не угрожает никому расовой войной» [19, s. 75].

Жабицкий с почетом относился и к декабристскому движению, но, несмотря на симпатии к русским революционерам, выступал с критикой панславистской идеологии, характеризуя союз с ними как ничего не имеющий «с утопией славянской федерации», поскольку в мировоззрении русских панславистов Россия должна была стоять во главе всех остальных славянских народов [2, s. 10].

Бывший участник январского восстания и активный представитель демократического крыла польской эмиграции в Швейцарии Агатон Гиллер (1831–1887) схожим образом высказывался в отношении русификаторской политики в царстве Польском. Так, по мнению Гиллера, царские власти с помощью цензуры и полиции распространили на польских землях «гробовое молчание, среди которого раздаётся только адский, искусительный голос сатаны» [14, л. 17].

Вместе с тем, давая оценку ситуации на польских землях после подавления Январского восстания, Гиллер делал акцент на необходимости влияния польской эмиграции на жителей

Царства Польского. Так, по мнению политика, периодическая печать в Российской империи всячески очерняла деятельность польских эмигрантов и приуменьшала ее значимость: «В продажных и полицейских журналах, издаваемых как на русском, так и на немецком языках, открыты целые столбцы лживой корреспонденции, почерпнутой якобы из ежедневной жизни эмиграции. С целью разрушения влияния эмиграции» [14, л. 19].

Крыстин Островский (1811–1882), бывший участник ноябрьского восстания, основавший совместно с Агатоном Гиллером Польский национальный музей в Рапперсвиле, дал характеристику политической элите Российской империи. В 1867 г. поэт выпустил художественное произведение «Два проклятия: Муравьев II и Александр II» [22], состоявшее из двух стихотворений. Первое посвящено личности Михаила Николаевича Муравьева, отношение к которому среди поляков было особенно негативным, поскольку под его руководством январское восстание было подавлено чрезвычайно жестокими методами, за что он был прозван в либеральных кругах «вешателем». В своем произведении К. Островский обвиняет Муравьева во всех злодеяниях, называя его «правой рукой разбойника-царя» и сравнивая его с библейскими чудовищами. И даже после смерти, он, как «кровавый призрак», продолжает пугать весь мир своими «преступными деяниями» [22, s. 3].

Во втором стихотворении К. Островский также не скупится на яркие образы, характеризуя личность Александра II. Он называет его «диким монстром в царском обличьи», который продолжает преследовать польский народ, и сравнивает его по степени жестокости с Иваном Грозным и Чингисханом [22, s. 12].

К образу Муравьева обращалась и пресса польской эмиграции, сводя во многом политику царских властей в Польше к жестокости подавления восстания военным деятелем. Так, в седьмом номере польской газеты «*Niepodleglosc*» дается следующая характеристика репрессивной политике России в Польше: «Москва – отчизна Муравьева, неистощимая в изыскании новых насилий и жестокостей» [18].

Владислав Эварист Броэль-Плятер (1808–1889), несмотря на принадлежность к консервативному направлению польской эмиграции, в 1876 г. на праздновании 45-летия «от памятного дня, в который Польша восстала против своего врага», произ-

нося речь, посвященную годовщине ноябрьского восстания, высказал схожее с Гиллером мнение в отношении политики Российской империи в царстве Польском. Так, для Плятера она представляла собой бесконечную череду злодеяний и угнетений в отношении польского народа: «Чрезмерные преследования религии и национальности, тюрьмы, ссылки, Сибирь, конфискации, грабежи и мученические смерти». Но все эти невзгоды, выпавшие на долю польского народа, по мнению Плятера, являются испытаниями, которые неспособны «ослабить польский дух» [13, л. 4].

Наполнено критикой царской власти и коллективное письмо, направленное в 1867 г. от лица польских эмигрантов министру иностранных дел Александру Михайловичу Горчакову (1798–1883). В письме анонимные авторы упрекали российское правительство в неслыханном варварстве и издевательствах над польским народом. На русификаторскую политику царских властей авторы письма готовы были ответить мстостью «правительству и подвластным ему, а также подданным и сторонниками российским» [16, л. 2].

Перечисленные выше мнения в отношении русского правительства были вполне органичны для представителей политически активных участников польской эмиграции, вне зависимости от приверженности к консервативному или же к демократическому лагерю. Упомянутые деятели польской эмиграции принимали активное участие в борьбе за независимость Польши, и вполне логично, что в Российской империи, частью которой являлось Царство Польское, они видели врага и угнетателя, стремившегося лишить польский народ свободы и культурной идентичности, прибегая к русификаторской политике.

Однако, несмотря на преобладающий негативный образ российского правительства в общественном мнении польской эмиграции, встречались и примеры объективно позитивного отношения к царским властям.

Один из них ксендз Кароль Микошевский (1832–1886), который в годы январского восстания будучи представителем демократического крыла эмиграции, как и А. Гиллер, состоял в Национальном центральном комитете. После событий 1863–1864 гг., Микошевский эмигрировал в Швейцарию, продолжая вести активную политическую деятельность. Однако в 1872 г.,

на праздновании годовщины январского восстания он неожиданно заявил, что польская эмиграция не может больше рассчитывать на Францию и западный мир в своих политических стремлениях к восстановлению независимости, в связи с чем полякам следует искать мира со своим братским народом: «будущность Польши в силах удовлетворительно устроить, с пользою для себя же, только русские» [21, s. 23].

По мнению Микошевского, страдания, через которые прошла Польша, были божьим испытанием, избавившим поляков от будущих ошибок. А российское правительство само стремилось как к примирению с польским народом, так и к осознанию его желаний и стремлений.

Речь Микошевского о воссоединении двух славянских народов нашла отклик и среди других представителей польской эмиграции. Так, вдохновленный речью Микошевского Марцелл Важневский направил найденное в Государственном архиве Российской Федерации верноподданническое письмо главному управляющему Третьего отделения Петру Андреевичу Шувалову (1827–1889) с просьбой профинансировать открытие в Женеве Славянского комитета, который помог бы полякам забыть давние споры с Россией и поспособствовал бы сближению двух славянских народов, соединив их «узлами неразрывного союза на вечные времена и для славы всего Славянского племени». По мнению Важневского, многие польские эмигранты уже давно желают «быть братьями России и соединенными с нею под скипетром Русских Царей для блага и свободы всего Славянства» [17, л. 6].

Интересным примером неоднозначного отношения к российскому правительству служит также отложившееся в Государственном архиве Российской Федерации письмо польского эмигранта Карла Байковского директору газеты «Варшавского дневника» с описанием своей жизни. Письмо, по мнению Байковского, должно было поспособствовать «прекращению распространяющегося безбожия» в царстве Польском.

В письме автор рассказывал о трансформации своего отношения к царским властям, которой поспособствовала религиозность Байковского. Характеризуя свои во многом русофобские взгляды в прошлом, Байковский пишет: «Мне было еще невозможно искренне смириться и сознать вину перед русскими..., и я чувствовал, что один только учитель может освободить меня

от ненависти к правительству и народу русскому без ущерба моему патриотическому чувству» [15, л. 2].

Размышляя с позиции веры, Байковский абсолютизирует мученическую роль польского народа и высказывает мнение о том, что все притеснения со стороны царских властей в отношении поляков стали заслуженным испытанием для них. Ведь только через страдания Польша сможет набраться мудрости и зрелости, которые помогут найти примирение между двумя народами и «протянуть друг другу братскую руку и раскаяться от глубины души, одни в том, что заслужили так долго страдать под игом своих братьев, другие в том, что заслужили быть орудием страданий для своих братьев» [15, л. 5].

Аналогичного содержания письмо направил на имя Александра II и Карл Грациянов, где выражал уверенность, что император «сожалеет об угнетениях и страданиях, которые нисходят на поляков» [15, л. 10]. И подобно Микошевскому и Байковскому, Грациянов рассматривал все эти несчастья как божье испытание для польского народа.

Обсуждение и выводы

Образ российского правительства в среде польских эмигрантов после событий 1863–1864 гг. нередко обладал чертами «угнетателя» и «грабителя». В свою очередь, представители политической элиты Российской империи воспринимались как жестокие «монстры», «разбойники» и «варвары».

Причин для такого восприятия российского правительства среди польских эмигрантов было несколько. Во-первых, польская эмиграция во многом состояла из бывших участников польских восстаний, которые лично столкнулись с жестоким подавлением освободительного движения, включающим в себя показательные казни и массовую ссылку участников восстания в Сибирь.

Во-вторых, после подавления январского восстания политика царских властей стала носить русификаторский характер, будучи направлена на ликвидацию автономии царства Польского. Был запрещен польский язык в школах и общественных местах, а поляки были вытеснены из государственных учреждений. Все эти меры, предпринятые российским правительством в Польше, были также негативно восприняты польскими эмигрантами, стремившимися сохранить культурную идентичность своего народа.

В-третьих, негативное отношение к российскому правительству способствовало сближению демократического крыла польской эмиграции с русским революционным движением на почве неприятия царизма и стремления к освобождению обоих народов от деспотичной власти Российской империи.

Неоднозначно было отношение польской эмиграции к российскому правительству – как к «мучителю», многие придавали этому сугубо негативный окрас. Однако были и исключения: некоторые поляки воспринимали подавление восстания царскими властями и русификаторскую политику в Польше как испытания для своего народа, которые он заслужил и которые должны были способствовать его развитию и даже сближению с Россией.

С одной стороны, причиной для такого восприятия российского правительства польскими эмигрантами могла быть присущая им система взглядов, основанная прежде всего на религиозном мировоззрении. Католическая вера формировала восприятие своего народа как мученика, способного вынести все испытания. Мученик, более того, должен был испытывать благодарность за эти испытания.

Другая причина прозаичнее – неоднородность польской эмиграции, направления которой ставили перед собой разные цели. Консервативное крыло выступало за монархическую форму правления и безуспешно пыталось найти опору в правительствах европейских стран. Демократы, в свою очередь, не были однородными и размежевались на отдельные течения, которые были увлечены политической борьбой между друг другом. И со временем, в связи с отсутствием единения, пониманием безрезультатности январского восстания и в условиях дефицита значимой поддержки европейских держав польская эмиграция стала редеть и терять свой политический вес. На это обращали внимание в том числе и агенты Третьего отделения в своих донесениях: «Политические обстоятельства не благоприятствуют мечтам поляков о возможности восстановить независимость Польши, при всем том, большинство этих выходцев не теряет надежду достичь осуществления своих преднамерений и даже уверены, что Франция по окончании войны с Пруссией и Австрией будут в состоянии возбудить польский вопрос» [16, л. 1].

Кроме того, на фоне усилившейся германизации польского населения в Познани и падения лояльной к польскому освобо-

дительному движению Второй империи, на рубеже 1860–1870 гг. встречается лояльное отношение некоторых представителей польской эмиграции к российскому правительству и их стремление к объединению двух народов. Показательным примером смягчения взглядов в этом отношении является статья «Польская программа 1872 года. Мысли о национальной задаче» Юзефа Крашевского, в которой автор польские восстания называет самоубийственными порывами слабой Польши против сильных империй, которые привели последнюю к истощению и ослаблению. Размышляя на тему русификаторской политики в царстве Польском, Юзеф Крашевский неожиданно называет ее временным явлением, которое в разы менее опасно, чем германизация, которая представляет собой для поляков «борьбу не на жизнь, а на смерть» [24, с. 49].

Список литературы

1. Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с. EDN: BIBUTG
2. Zdrada J. Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. – Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987. – 80 s.
3. Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. – Warszawa, Krakow: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1990. – 221 s.
4. Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). – Kielce, Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2002. – 446 s.
5. Nowak A. Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX w. – Kraków: Arkana, 1998. – 270 s.
6. Kieźni A. Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji. – Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2004. – 12 s.
7. Понксинский М. Русские и Россия в польской культуре конца XIX – начала XX вв. // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М.: Индрик, 2000. С. 93–107. EDN: SBZRQW.
8. Ратч В. Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. Вильна: Тип. Р. М. Ромма, 1866. 412 с.
9. Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши (1830–1860-е гг.). М.: Изд. соц-экон. лит., 1962. 425 с.
10. Фалькович С. М. Представления русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа // Россия-Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. С. 99–109. EDN: UCFWOW.
11. Фалькович С. М. Польское национально-освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М.: Индрик, 2002. С. 228–242. EDN: UCCXEX.
12. Травкина А. А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур. М.: Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Институт славянской культуры, 2008. С. 56–64.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 553.
14. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 561.
15. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 145.

16. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2, Д. 547.
17. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2, Д. 502.
18. Московские ведомости. 1863. № 206.
19. *Demokrata Polski*. London. 1861. T. 12. S. 75–86.
20. *Przegląd rzeczy polskich*. 1863. № 7.
21. Mikoszewski K. Polska i Rossya w słowiańszczyźnie: mowa miana w Genewie, na zebraniu Polaków, dnia 22 stycznia 1872 roku w rocznicę Powstania Narodowego. – Genewa, 1872. – 24 s.
22. Ostrowski K. Dwa przekleństwa: Murawiew II, Aleksander II. – Paris: Księgarnia Luxemburska, 1867. – 17 s.
23. Драницын С. Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 304 с.
24. Kraszewski J. Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym. – Poznań: Księgarnia J. K. Żupańskiego, 1872. – 52 s.

The Image of the Russian Government in the Views of Polish Emigration in the 1860s – 1870s

Danila A. Kosko

This article attempts to define the image of the Russian government in the views of Polish emigration during the 1860s and 1870s. The author examines letters, articles, reports from the Third Section, publications, and memoirs of representatives of Polish emigration and concludes that the image of the Russian government often bore the characteristics of an "oppressor" and "plunderer". This perception is explained by several factors: a lot of emigrants took part in Polish uprisings and personally encountered the repressive policies of the tsarist authorities. The policy of Russification that unfolded after the January Uprising also contributed to the formation of negative image of the tsarist authorities in Polish emigration, as it threatened the cultural identity of the Poles. Nevertheless, there were exceptions among the emigrants: some perceived Russian policy as a necessary trial for the development of the Polish people. The diversity of views within Polish emigration regarding the Russian authority was linked both to the Catholic worldview, which perceives suffering as a vector for development, and to the political heterogeneity of the emigrants themselves. While the conservative wing sought support from European governments, the democratic wing attempted to find its place in the political struggle.

Key words: Polish emigration, Russian government, tsarism, Polish conservative movement, Polish democratic movement, Alexander II.

For citation: Kosko, D. A. (2024) Obraz rossijskogo pravitel'stva v vozzreniyah pol'skoy emigracii v 1860–1870-e gg. [The Image of the Russian Government in the Views of Polish Emigration in the 1860s – 1870s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 10–23. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_10. EDN: BHHBDU

References

1. Fal'kovich, S. M. (2017) *Pol'skaya politicheskaya emigraciya v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Evropy 30–60-h godov XIX veka* [Polish political emigration in the socio-political life of Europe in the 30s–60s of the 19th century]. Moscow, Saint-Petersburg (In Russ.). EDN: BIBUTG.
2. Zdrada, J. (1987) *Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym* [The Great Emigration after the November Uprising]. Warsaw (In Polish.)

3. Kepinski, A. (1990) Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu [Lach and Moskal. From the history of stereotype]. Warsaw, Krakow (In Polish.)
4. Wiech, S. (2002) Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896) [Society of the Kingdom of Poland in the eyes of the tsarist political police (1866–1896)]. Kielce. (In Polish.)
5. Nowak, A. (1998) Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX w. [Poles, Russians and Demons. Studies and Historical Sketches from the 19th and 20th Centuries.] Krakow. (In Polish.)
6. Kieżun, A. (2004) Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji [The January Uprising in the Novel and Short Story Cycle: Some Observations]. Białystok. (In Polish.)
7. Ponsin'skij, M. (2000) *Russkie i Rossiya v pol'skoj kul'ture konca XIX – nachala XX vv.* [Russians and Russia in Polish culture of the late 19th – early 20th centuries]. *Polyaki i russkie v glazach drug druga* [Poles and Russians in each other's eyes]. Pp. 93–108. (In Russ.). EDN: SBZRQW.
8. Ratch, V. F. (1866) *Pol'skaya emigraciya do i vo vremya poslednego myatezha* [Polish emigration before and during the last rebellion]. Vilna. (In Russ.)
9. Smirnov, A. F. (1962) *Revolucionnyye svyazi narodov Rossii i Pol'shi (1830–1860-e gg.)* [Revolutionary ties between the peoples of Russia and Poland (1830–1860s)]. Moscow. (In Russ.)
10. Fal'kovich, S. M. (2002) *Predstavleniya russkikh o religioznosti polyakov i ego rol' v sozdanii nacional'nogo pol'skogo stereotipa* [Russians' ideas about the religiosity of Poles and its role in the creation of the national Polish stereotype]. *Rossiya–Pol'sha. Obrazy i stereotipy v literature i kul'ture* [Russia–Poland. Images and stereotypes in literature and culture]. Pp. 99–109. (In Russ.). EDN: UCFWVOV.
11. Fal'kovich, S. M. (2002) *Pol'skoe nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mezhdum panslavizmom i pangermanizmom* [Polish national liberation movement between Pan-Slavism and Pan-Germanism]. *Rossiya, Pol'sha, Germaniya v evropejskoj i mirovoj politike XVI–XX vv.* [Russia, Poland, Germany in European and world politics in the 16th – 20th centuries]. Pp. 228–242. (In Russ.). EDN: UCCXEX.
12. Travkina, A. A. *Specyfika pol'skogo romantycznego messianizmu XIX wieku* [Specifics of Polish romantic messianism of the 19th century]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Pp. 56–64. (In Russ.)
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossijskoj Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. 109. Op. 2. D. 553.
14. GARF. F. 109. Op. 2. D. 561.
15. GARF. F. 109. Op. 2. D. 145.
16. GARF. F. 109. Op. 2. D. 547.
17. GARF. F. 109. Op. 2. D. 502.
18. *Moskovskie vedomosti* (1863) [Moscow Gazette]. No. 206. (In Russ.)
19. *Demokrata Polski* (1861) [Polish Democrat]. London. Vol. 12. Pp. 75–86. (In Polish.)
20. *Przegląd rzeczy polskich* (1863) [Review of Polish Things]. No. 7. (In Polish.)
21. Mikoszewski, K. (1872) Polska i Rossya w słowiańszczyźnie: mowa miana w Genewie, na zebraniu Polaków, dnia 22 stycznia 1872 roku w rocznicę Powstania Narodowego [Poland and Russia in Slavic: a speech given in Geneva at a meeting of Poles on January 22, 1872, on the anniversary of the National Uprising]. Geneva. (In Polish.)
22. Ostrowski, K. (1867) Dwa przekleństwa: Murawiew II, Aleksander II. Paris. (In Polish.)
23. Drancyn, S. N. (1937) *Pol'skoe vosstanie 1863 g. i ego klassovaya sushchnost'* [The Polish uprising of 1863 and its class essence]. Leningrad. (In Russ.)
24. Kraszewski, J. (1872) Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym [The Polish Program of 1872. Thoughts on the National Task]. Poznan. (In Polish.)

Об авторе

Коско Данила Александрович, преподаватель-исследователь, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Российская Федерация; e-mail: dkoskoo@gmail.com; ORCID ID: 0009-0004-5742-4741

About the author

Kosko Danila A., Teacher-Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: dkoskoo@gmail.com; ORCID ID: 0009-0004-5742-4741

Статья поступила в редакцию 13.11.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2024

Принята к публикации 20.11.2024

Саморусификация белорусов в российско-белорусском приграничье в конце XIX – начале XX в.: динамика, причины, результаты

О. В. Кобец

Уже с конца XIX в. в российско-белорусском приграничье стала очевидной тенденция существенного уменьшения белорусской части населения российских регионов. При этом речь шла не о физическом сокращении числа белорусов, а об их самозачислении в состав великорусского этноса или выборе ими русского языка как родного. Этот процесс саморусификации белорусов более интенсивно проявился в 1920-е гг. Сравнительно-сопоставительный анализ общенациональных переписей населения 1897, 1920 и 1926 гг. свидетельствует об этом в полной мере. Основным мотивом перехода белорусов в великорусскую нацию и предпочтение русского языка белорусскому становились мощные модернизационные процессы, развернувшиеся в указанный период в центральных российских регионах и создававшие новые социальные лифты для белорусского крестьянства, в первую очередь из числа молодежи. Политика белорусизации 1920-х гг. в регионах РСФСР с компактным проживанием белорусов, в том числе и в российско-белорусском порубежье, на динамичных процессах саморусификации никак не отразилась.

Ключевые слова: коренизация, белорусизация, российское приграничье, великороссы, белорусы, саморусификация.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>

Для цитирования: Кобец О. В. Саморусификация белорусов в российско-белорусском приграничье в конце XIX – начале XX в.: динамика, причины, результаты // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 24–40. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_24. EDN: CRPANW

Введение

В настоящее время, как и многие десятилетия назад, приграничными с Белоруссией являются три российских региона: Псковская, Смоленская и Брянская области. Еще по первым исследованиям середины XIX века в территориальных границах этих губерний (брянские земли большей своей частью входили тогда в состав Орловской губернии) здесь отмечалось значительное количество белорусского населения. Особенно на Смоленщине, где белорусов насчитывалось более 51 % всего населения губернии (550 тыс. чел.) [1].

Однако уже первая советская перепись населения 1920 г. показала существенное снижение численности белорусов. Еще большую динамику сокращения белорусского населения отразила перепись 1926 г. Даже в Смоленской губернии, которая в свое время полностью входила в состав белорусской государственности, численность белорусов упала до 20 тыс. чел.

Чем объяснялись такие резкие трансформации в национальном составе российских приграничных территорий? При этом в самый пик политики белорусизации. Очевидно, что связано это было не с физическим сокращением самого белорусского этноса в приграничных российских регионах, а с его саморусификацией.

Результаты саморусификации белорусов в многовекторной увязке с промышленным развитием и политикой белорусизации определили как самую научную проблему (изменение этнического состава регионов), так и предмет настоящего исследования (причисление себя к великорусскому этносу и выбор русского языка как родного). В такой постановке проблема не рассматривалась в современной и более ранней историографии.

Одним из первых этот вопрос затронул еще в 1956 г. гарвардский профессор Н. П. Вакар в работе «Белоруссия. Формирование нации» [2]. А в статье 1968 г. «Белорусский народ между государственностью и исчезновением» Вакар так комментировал отсутствие какого-либо сопротивления «систематической русификации» [3, р. 222] в 1960-е гг.: новая белорусская интеллигенция считает, что русский язык необходим и выгоден, при этом он «несколько не делает их менее белорусами» в сравнении с теми, кто не говорит по-русски [3, р. 222]. С такой постановкой вопроса о белорусской нации совершенно не согласен современный американский историк Тимоти Снайдер,

считающий, что Россия не дала белорусскому народу развить свою национальную идентичность, в том числе и в языковом отношении, и потому, даже будучи независимым государством, Белоруссия пока так и не стала нацией [4, p. 39].

Шведский историк Перл Рудлинг одну из главных проблем, как для белорусских, так и для московских властей в ходе реализации политики коренизации усматривает в, казалось бы, простом вопросе: как можно было и нужно ли было переводить страну на белорусский язык, если она говорит на русском как на родном языке, а навязываемый ей белорусский язык не соответствовал языку их повседневного общения? [5].

В монографии активного критика позиций Пера Рудлинга Алены Марковой из Карлова университета в Праге «Путь к советской нации. Политика белорусизации (1924–1929)» [6] и ее статье 2018 г. «Язык, идентичность и нация» [7] на общем фоне развития школьного белорусского образования также проблема языковой идентичности ставится на одно из первых мест в эпоху белорусизации.

Общее направление исследований по политике белорусизации, объясняющее ее необходимость с позиций противопоставления практике полонизации в отошедших Польше в 1921 г. по Рижскому мирному договору западных белорусских землях и расширения территориальных границ за счет РСФСР, в значительной степени определяется в работах доцента МГУ им. М. В. Ломоносова Ю. А. Борисенка [8; 9], научного сотрудника ИРИ РАН К. С. Дроздова [10], научного сотрудника Института славяноведения РАН Д. А. Коротковой [11].

На Смоленщине данной тематикой активно занимаются Е. В. Кодин и О. В. Кобец [12–15], особо выделяя интенсивный процесс саморусификации смоленских белорусов, начиная с конца XIX в., который привел к такому значительному их численному сокращению, что это давало основание местным властям утверждать об отсутствии в уездах и волостях белорусов, а следовательно, и ненужности политики белорусизации.

В Псковской области вопросы белорусизации, включая языковую проблему, достаточно объемно представлены А. В. Филимоновым [16]. Органично дополняют данное исследование работы псковских географов А. Г. Манакова [17] и В. С. Дементьева [18], подчеркивающие активность процессов ассимиляции бело-

русов даже в местах компактного их проживания в границах Псковской губернии.

В Брянской губернии имели место схожие с другими приграничными регионами миграционные процессы: белорусы и украинцы предпочитали называть себя русскими, отмечается в коллективной монографии по истории Брянской области [19].

Аналогичные процессы имели место и в Сибири: в исследовании А. А. Крих, к примеру, в отношении белорусов Прииртышья говорится: «из состава национальных меньшинств белорусы ... почти совершенно обрусели, поэтому нет надобности вести среди них работу на их родном языке, да и сами они от этого отказываются ...» [20, с. 127].

В основу настоящего исследования положены главным образом статистические материалы, в первую очередь общенациональные переписи населения 1897, 1920 и 1926 гг., а также изданные на их основе статистические тематические справочники по регионам. По отдельным направлениям существенно дополняют исследование делопроизводственные архивные документы местных партийных и государственных органов власти, а также публикации в периодической печати. Значительное внимание уделено научным трудам отечественных и зарубежных ученых, причем не столько в фактологическом, сколько в оценочном аспекте.

Цели и задачи исследования предполагают выявление причин, динамики и результатов саморусификации белорусского населения, начиная с конца XIX в. и до середины 1920-х гг. Эти процессы происходили в тесной увязке с модернизационными преобразованиями в российских регионах и неизбежным ростом значения русского языка для социальных лифтов. В данном контексте настоящее исследование полностью укладывается в концепцию фронтальной модернизации. Для достижения поставленных задач исследования преимущественно использовался метод сравнительного анализа, статистический, а также описательный и историко-типологический методы.

Наработанные по разным российским регионам материалы требуют своего сравнительно-сопоставительного анализа для выявления общих тенденций и имевших место особенностей как в национальной политике в целом, так и проведении белорусизации в частности.

Результаты

Следует изначально подчеркнуть, что в настоящем исследовании речь идет не о политике русификации в отношении белорусов, как это имело место в определенной степени в имперской России, а о саморусификации, т. е. о добровольном причислении себя к русскому этносу в территориальных границах РСФСР и/или о признании русского языка своим родным, даже оставаясь при этом белорусом по этническому признаку. Динамика здесь очевидна и она значительная, при этом не только в приграничных с Белоруссией российских губерниях, но и в будущих белорусских уездах после административно-территориальных изменений 1924 и 1926 гг., а также в восточных российских регионах, начиная с Урала и заканчивая Дальним Востоком.

Наиболее показательными в этом вопросе являются результаты всесоюзной переписи населения 1926 г., состоявшейся как раз в разгар политики белорусизации. Возьмем вначале сводные данные табл. 1 по приграничным российским губерниям. В первую очередь они свидетельствуют, что к середине 1920-х гг. эти регионы становятся фактически русскими по национальному составу: и в Псковской, и в Смоленской, и в Брянской губерниях русское население составляло более 90 %. Русских же по языку было и того больше: везде свыше 97 %, включая Брянщину, где русских по национальности имелось меньше, чем у соседей – «всего» немногим более 90 %.

Таблица 1

Численность русского и белорусского населения по переписи 1926 г.
в российских приграничных регионах
(по народности и языку, человек/процентов)

Губерния	Русские		Белорусы		Всего населения
	по национальности	по языку	по национальности	по языку	
Псковская	1 695 739 94,82	1 737 517 97,15	34 277 1,92	1258 0,07	1 788 418
Смоленская	2 213 939 96,56	2 243 942 97,87	20 408 0,89	4366 0,19	2 292 712
Брянская	1 806 260 90,02	1 956 038 97,49	21 060 1,05	4716 0,24	2 006 438

Сост. по: **Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.**: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. 46–48.

Первая же всероссийская перепись населения 1897 г. давала существенно иной национальный расклад: на Смоленщине русские составляли в конце XIX в. 91,65 % населения [21, с. XVI], в Псковской губернии – 94,71 % [22, с. V]. Брянские земли в то время входили в основном в состав Орловской губернии. При этом следует иметь в виду, что в переписи вопрос ставился не об этнической принадлежности жителей, а об их родном языке. Белорусами по языку в конце XIX в. в Смоленской губернии оказалось 100 700 чел., или 6,6 % [21, с. XV], в Псковской – всего 2 247 чел., или 0,21 % [22, с. V, 48].

Во вступительной статье к 40-му тому материалов переписи делался совершенно однозначный вывод, что «Смоленская губерния может быть причислена по своему этнографическому составу к губерниям великорусским, но никак не к белорусским, так как великоруссы более чем в 13 раз превосходят численностью белорусов» [21, с. XVI]. Из всех смоленских уездов только в одном Краснинском было преобладание белорусского населения, при этом очень значительное – почти 90 % всего населения уезда. Именно здесь и были в основном сосредоточены белорусы – более 92 тыс. чел., или 91,3 % всех смоленских белорусов. Все остальные 11 уездов были великорусскими. В 1860-е же гг. «на Смоленскую губернию смотрели, как на белорусскую, определяя количество белорусского населения в 46,6 %», которое по первой переписи сократилось в семь раз. Основная причина – быстрое распространение среди белорусов русского языка [21, с. XVI].

На основе первой всероссийской переписи населения было подготовлено и опубликовано много материалов по разным «узким» аспектам полученных статистических данных. Одним из них стал изданный в 1905 г. справочный том под редакцией заведующего разработкой переписи Н. А. Тройницкого (выпуск 7) «Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков». В нем население губерний представлено по национальностям на основе выбранных самими жителями империи своих родных языков. И здесь белорусы как бы растворяются в русском населении. Их численность представлена в довольно своеобразной манере: вначале называется общая численность населения, затем из нее вычленяется население русское, и уже из этого числа

в скобках дается цифра непосредственно белорусов. Получается, что белорусы как бы изначально включены в состав русского населения империи.

Посмотрим на примере двух соседних губерний – Витебской и Смоленской. *Витебская губерния*. Всего населения 1 489 246 чел. Русские – 987 020 чел. (белорусы – 788 599). *Смоленская губерния*. Всего населения 1 525 279 чел. Далее же указана только одна позиция: русские – 1 500 006 чел., т. е. получается, что белорусов на Смоленщине как бы и нет вовсе [23, с. 11, 17, 28].

Такой формат презентации материалов получил свое развитие и в последующие годы в общероссийских статистических ежегодниках, когда в таблицах разделов о национальном составе губерний вообще отсутствовала отдельная графа – «белорусы». Приведем примеры. В соответствующих формах статистических ежегодников по Смоленской губернии за 1914 и 1916 гг. имеются только две «национальные» графы – «евреи» и «поляки». Белорусов нет ни в скобках, ни без таковых. А процент русского населения в губернии уже достигал 98,4 % [24, с. 63; 25, с. 52].

Существенное преобладание «российской» идентичности над «белорусской» [8, с. 123] в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях показала и первая советская перепись населения 1920 г. В Смоленской губернии, по данным переписи 1920 г., из 2 083 465 чел. всего населения великороссы составляли 2 011 993 (96,56 %), белорусы – 54 700 (2,62 %), будучи второй по численности нацией [26, л. 24].

Как общее для всех уездов Псковской губернии правило – главную массу населения представляла собой великорусская национальность: от 92,8 % по Торопецкому уезду до 99 % в Опочецком. В среднем по губернии население великорусской национальности составляло 96,6 % [27, с. III]. Белорусов было 1 590 чел., что составляло всего 0,13 % населения губернии [27, с. 41–42]. Их значительно «обходили» по численности латыши – 10 тыс. чел., или 0,8 % населения губернии, и евреи – 8,5 тыс. чел., или 0,68 % населения.

На Брянщине белорусы также были третьими из национальных меньшинств – 3 646 чел., что составляло 0,33 % от почти 1 млн 100 тысяч населения губернии. Их «опережали» по численности украинцы – 4 929 чел. и особенно евреи – 11 821 чел.

В целом же Брянская губерния была, безусловно, великорусской – 97,6 % составляло русское население [28, с. 32–33, 34–35].

Но уже по прошествии всего пяти лет, т. е. в 1926 г., ситуация с белорусским населением в губерниях изменится еще более существенно: как по национальной принадлежности, так и особенно по языку. На Псковщине в 1926 г. в этнические белорусы себя зачислили более 34 тыс. чел, что составляло почти 2 % всего населения губернии, на Смоленщине, соответственно, – около 20,5 тыс. чел. или 0,89 %, на Брянщине – свыше 21 тыс. или 1,05 % населения губернии. Количество же белорусов по родному языку упало за это время катастрофически: до 0,24 % в Брянской губернии, 0,19 % – в Смоленской и вплоть до 0,07 % – в Псковской (см. табл. 1).

Основную причину таких этнических трансформаций следует искать в происходивших с конца XIX в. модернизационных преобразованиях в российских регионах, где разворачивались мощные процессы индустриального развития, создававшие благоприятные условия для различных социальных лифтов, в первую очередь для молодежи. В части исследуемых нами регионов, это в большей степени относилось к созданной в 1920 г. Брянской губернии. Фактически уже к тому времени о ней можно говорить как об индустриальной, а не сельскохозяйственной губернии. В одном только Бежицком уезде было средоточие значительного числа крупных предприятий: паровозо-вагоностроительный завод «Профинтерн» (14 тыс. рабочих), Людиновский паровозостроительный завод (4,5 тыс.), Радицкий вагоностроительный завод им. Урицкого (1,5 тыс.), Песоченский чугунолитейный (1,3 чел.), Сукремльский чугунолитейный (1 тыс.), всего – от 22 до 23 тыс. рабочих. Кроме этого, в уезде работали Песоченская фаянсовая фабрика, Дятьковская хрустальная, Бытошевская, Ивотская, Чернятинская стекольные фабрики и цементный завод [29, л. 110].

В Псковской губернии главным занятием населения осталось земледелие, промышленность здесь не получила значительного развития, отмечает А. В. Филимонов. Однако тенденция на саморусификацию и здесь была очевидной. Автор показывает это на примере Невельского уезда, где позиции белорусов были традиционно крепкими. Читаем: «Экономика уезда носила ярко выраженный "потребляющий" характер:

хлеба собственного производства никогда не хватало, большое количество продуктов было привозным... Вследствие этого широкое распространение получили отхожие промыслы, и они были направлены отнюдь не в сторону Беларуси, а прежде всего Ленинграда, чему во многом способствовало удобное железнодорожное сообщение... Экономические связи с Беларусью были слабыми: оттуда уезд получал спички, а в Витебск отправлял некоторое количество рыбы, с Ленинградом же, наоборот, эта связь крепла. Все это не могло не сказаться на "русификации" белорусского населения и выходе из обращения белорусского языка» [16, с. 52–53]. Так, А. В. Филимонов приводит выводы комиссии, изучавшей «белорусский вопрос» в Невельском уезде в 1926–1927 уч. г.: «Белорусский язык, имевший в прошлом в Невельском уезде несомненно большие нормы, в течение последних 50 лет систематически и очень быстро вытесняется, т. к. все экономические связи населения Невельского уезда идут к северу (к Ленинграду)... Это определяет и направление эволюции языка, а значит население на белорусском языке в Невельском уезде будет уменьшаться, и потребность в нем тоже» [16, с. 53].

Также А. В. Филимонов подмечает важную деталь, которая нашла свое отражение в отчете о работе с белорусами в 1926/927 уч. году в Псковской губернии: «Основная масса белорусов в большой степени русифицировалась..., лишь весьма небольшой процент родителей-белорусов согласился на открытие для их детей чисто белорусских школ. Такое же отношение части взрослого белорусского населения и к белорусским культпросветучреждениям». И далее следует главное: «Если со стороны других национальностей в деле поднятия своей национальной культуры было проявлено много энергии, со стороны же белорусских масс, благодаря, может быть, их более низкому культурному уровню, энергии в этом направлении проявлено было мало или вовсе не было...» [16, с. 48–49]. Другими словами, российским белорусам белорусизация была не нужна. Их в полной мере устраивали русский язык и русские школы для обучения детей. Что было совсем наоборот в части украинизации, где украинские власти, как отмечает К. С. Дроздов, всемерно и настойчиво способствовали продвижению украинизации в российских регионах [10].

«И в самом деле, – заключает В. А. Филимонов, – несмотря на 9-летнее существование Советской власти, не было никакого требования со стороны самого белорусского населения, которое свидетельствовало бы о необходимости для белорусов иметь свои школы на своем родном языке. Выходило так, что сами белорусы как будто бы совершенно забыли свой родной язык [16, с. 48]. А ведь это был 1926 г., самый пик политики белорусизации!

На Смоленщине к концу 1920-х гг. местные власти также констатировали, что само белорусское население «уже настолько обрусело, что оно не придает белорусизации никакого значения» [26, л. 278]. К созданию школ на родном языке оно относилось «безразлично, а нередко и враждебно». Объяснение было весомым и рациональным: родители вполне обоснованно считали, что для будущей жизни, а тем более в России, детям нужен будет именно русский, а не белорусский язык.

Экспедиция фольклорно-диалектологической комиссии Института белорусской культуры, обследовавшая летом 1927 г. Смоленскую губернию, констатировала у проживавших в г. Смоленске белорусов наличие какой-то боязни чего-то, «будто их может кто-то наказать за то, что они – смоленские белорусы». Списывалось это на «наследие упорного, в продолжении двухсот с лишком лет, проведения “царской национальной политики”» [30]. В итоге минская комиссия вынуждена была констатировать, что население Смоленского уезда являлось «частью белорусского народа, хотя в большой степени срусифицированного» [30]. При этом сами смоляне-белорусы определяли свой статус так: «Мы не великороссы и не белоруссы, а смоляне» [14, с. 87].

Примечательно, что тенденция саморусификации имела место и в приграничных с РСФСР белорусских губерниях, особенно в уездах, еще недавно находившихся под российской юрисдикцией. Цифры табл. 2 по той же переписи 1926 г. очень показательны в части «языковой национальной идентичности». Перепад значений очень большой. Особенно по русской национальности. В белорусских приграничных землях в категорию русских по языку зачисляли себя далеко не только русские. Иначе не было бы такого перепада в значениях, как, например, в Оршанском округе – по национальности русских только 3,35 %,

а по языку – целых 30,30 %; или в Гомельском округе – около 37 % по национальности, и почти 80 % по языку.

Таблица 2

Численность русского и белорусского населения по переписи 1926 г.
в белорусских приграничных регионах
(по народности и языку, человек/процентов)

Округа	Русские		Белорусы		Всего населения
	по национальности	по языку	по национальности	по языку	
Полоцкий	14 791 4,57	47 660 14,72	278 759 86,07	252 873 78,07	323 861
Витебский	53 698 9,20	174 004 29,83	454 402 77,89	346 517 59,40	583 391
Оршанский	13 943 3,35	126 142 30,30	368 467 88,51	262 081 62,96	416 309
Калининский*	6 321 1,69	85 419 22,79	346 449 92,40	268 271 71,56	374 923
Гомельский	150 472 36,88	319 893 78,39	194 712 47,72	51 046 12,51	408 074

Сост. по: **Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.**: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. 99–102.

* Ныне г. Климовичи – районный центр в Могилевской области Беларуси.

Как видно из табл. 2, не менее впечатляющими выглядят цифры и по белорусам, хотя и в обратном порядке: фактически везде своим родным белорусский язык выбрало меньшее число белорусов из признавших себя таковыми по национальности. И здесь вновь «отличился» Гомельский округ – из почти 48 % белорусского населения белорусов по языку оказалось только 12,51 %, в Оршанском, соответственно, – 88,51 и 62,96 %, в Витебском – 77,89 и 59,40 %.

Конечно, эти цифры по российским и белорусским приграничным территориям сопоставлять напрямую было бы методически неверно. Тем не менее, они красноречиво свидетельствуют о возрастающей тенденции к саморусификации белорусов в приграничных регионах.

Аналогичной тенденция была и в целом по Советскому Союзу, где из 4 млн 740 тыс. белорусов непосредственно в БССР проживало около 85 % их общей численности. Вне Белорус-

сии проживало почти 722 тыс. чел., из которых в Сибири было свыше 320 тыс., в Европейской части РСФСР – 250 тыс. (из них в приграничных Псковской, Смоленской и Брянской губерниях – 47,5 тыс. человек) [31, с. VII]. Однако по родному языку даже в европейской части СССР, включая БССР, белорусов по языку было менее 72 %, а в восточных регионах Советского Союза процесс саморусификации фактически завершился – всего 0,11 % признавали белорусский своим родным языком (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность белорусского населения в отдельных регионах СССР по переписи 1926 г.
(по народности и языку, человек/процентов**)

Численность	По СССР	Регионы СССР			
		Европейская часть*	Закавказье	Средняя Азия	Прочие части СССР
По народности	4 738 200 100,00	4 343 200 91,66	3 800 0,08	29 600 0,62	361 600 7,63
По языку	3 466 900 73,17	3 409 000 71,95	30 -	7 200 0,16	5 040 0,11

* Включая БССР.

** В процентах от всей численности белорусов в СССР.

Сост. по: **Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.**: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. XXIV–XXV.

Обсуждение и выводы

Политическая суть белорусизации заключалась в стремлении Москвы противопоставить национальную политику СССР практике полонизации в Западной Белоруссии. В соответствии с партийными установками, белорусизация должна была иметь большое значение для зарубежной части белорусского населения, подпитывая революционное движение в белорусских окраинах Польши на фоне значительной поддержки белорусов в СССР, в том числе и в российских регионах. Однако с этим было все далеко неоднозначно. Местным властям так и не удалось преодолеть упорное нежелание самого «обрусевшего» белорусского населения приграничных российских губерний участвовать в процессах белорусизации. Не способствовало этому и слабое экономическое тяготение этих регионов к собственно

Белоруссии. При этом «техническая запись» себя в великороссы вовсе не означала физического сокращения самого белорусского этноса в приграничных российских регионах. Причисление себя к великорусской нации, в ареале проживания которой за это время развернулось грандиозное индустриальное строительство, предоставляло широкие возможности обустройства белорусского крестьянства в новых промышленных центрах России. При таком видении ситуации саморусификация белорусского населения может рассматриваться не иначе как прагматичное восприятие имевших место динамичных социально-экономических процессов на пространстве Советского Союза.

Список литературы

1. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. бывшего Смолен. отряда уравнения гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: Иждивение Учен. комитета М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с.
2. Vakar N. P. *Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study.* – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. – 297 p.
3. Vakar N. P. *The Belorussian People Between Nationhood and Extinction // Ethnic Minorities in the Soviet Union / ed. by Erich Goldhagen.* – New York: F. A. Praeger, Inc., 1968. – Pp. 218–229.
4. Снайдер Т. Реконструкция наций / пер. с англ. М. Вроцлав. М.: Летний сад, 2013. 409 с.
5. Rudling P. A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931.* – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. – 436 p. EDN: WSCLXD.
6. Маркава А. Шлях да савецкай нацыі. Палітыка беларусізацыі (1924–1929). Мінск: Галіяфы, 2016. 324 с.
7. Markova A. *Language, Identity, and Nation: The Special Case of Belarusian State and Nation-Formation // The Journal of Belarusian Studies.* – 2018. – Vol. 8. – Pp. 25–39.
8. Борисенюк Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 351 с.
9. Борисенюк Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. – 2013. – № 6. – С. 55–65. EDN: RSNCTP.
10. Дроздов К. С. *Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В. В. Тrepавлова. Вып. 9.* – М.: Институт российской истории РАН, 2022. – С. 204–225. EDN: LMPATK.
11. Короткова Д. А. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // *Славяноведение.* – 2018. – № 5. – С. 48–59. EDN: YNRRCH.
12. Кобец О. В. «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) // *Известия СмолГУ.* – 2021. – № 1. – С. 199–217. EDN: VTТNXG.
13. Кодин Е. В., Кобец О. В. *Белорусизация в российско-белорусском приграничьи: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Белорусская думка.* – 2019. – № 8. – С. 85–91.
14. Кодин Е. В., Кобец О. В. *Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Монография.* Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с. EDN: QSISJS.
15. Кодин Е. В., Кобец О. В. *Смоленщина, 1921–1925 годы: белорусизация сверху? // Известия Смоленского государственного университета.* – 2019. – № 2 (46). – С. 164–177. EDN: WLAIPE.
16. Филимонов А. В. *Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.) // Ученые записки УО ВГУ имени П. М. Машерова: сборник научных трудов. Т. 22.* – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова. 2016. – С. 45–55. EDN: XXNNYD.

17. Манаков А. Г. Российско-белорусское порубежье: Историко-географическая детерминация // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 169–176. EDN: QCVNPH.

18. Дементьев В. С. Характер расселения и этнический состав населения Псковского региона в период с 1926 по 1939 гг. // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 24. – С. 88–105. EDN: UNKELL.

19. История Брянского края. XX век / под ред. В. В. Крашенинникова. Клинцы: Клиновская городская типография, 2003. 449 с.

20. Крих А. А. Белорусизация в Тарском Прииртышье: механизмы учета населения и этнографическая «реальность» // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, 28–30 октября 2015 г. Вып. 9. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. – С. 124–128. EDN: UYOI2D.

21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, Кн. XI, Смоленская губерния. 1904. 258 с.

22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXIV. Псковская губерния. Тетрадь 2. Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел / под ред. Н. А. Тройницкого. Б. м.: б. и., 1904. 171 с.

23. Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 7 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. 38 с.

24. Статистический ежегодник России 1914 г. Петроград. Издание центрального статистического комитета МВД. 1915. 632 с.

25. Статистический ежегодник России 1916 г. Петроград. Издание центрального статистического комитета МВД. 1916. 121 с.

26. Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.

27. Данные Всероссийской демографической переписи 28 августа 1920 года. Псковская губерния. Вып. II. Национальность, пол, грамотность. Псковское губернское статистическое бюро. Псков: «Псковский набат», 1923. 58 с.

28. Брянская губерния в цифрах: краткий статистический справочник по Брянской губ. / Брянское губернское статистическое бюро. Орел: Красная книга, 1924. 225 с.

29. Государственный архив Брянской области. Ф. 84. Оп. 1. Д. 542.

30. Рабочий путь. – 1927. – 19 августа.

31. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР. 1928. 138 с.

The Belarusians Self-Russification of in the Russian-Belarusian Border Area in the Late 19th – Early 20th Centuries: the Dynamics, Causes, Results

Olga V. Kobets

Since the late 19th century, the tendency of a significant decrease in the Belarusian part of the population of Russian regions has become apparent in the Russian-Belarusian border area. At the same time, it was not about physical reduction in the number of Belarusians, but about their self-inclusion in the Great Russian ethnic group or their choice of Russian as their native language. This process of self-Russification of Belarusians became even more intense in the 1920s. Comparative analysis of the national population censuses of 1897, 1920 and 1926 shows this in full. The main motive for the transition of Belarusians to the Great Russian nation and preference of Russian language for Bela-

rusian were the powerful modernization processes that unfolded in the central Russian regions during this period and created new social lifts for the Belarusian peasantry, primarily among the youth. The policy of Belarusization of the 1920s in the regions of the RSFSR with a compact population of Belarusians, including in the Russian-Belarusian borderlands, did not affect the dynamic processes of self-Russification in any way.

Key words: Korenization, Belarusization, Russian borderland, Great Russians, Belarusians, self-Russification.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>.

For citation: Kobets, O. V. (2024) Samorusifikaciya belorusov v rossijsko-beloruskom prigranich'e v konce XIX – nachale XX v.: dinamika, prichiny, rezul'taty [The Belarusians Self-Russification of in the Russian-Belarusian Border Area in the Late 19th – Early 20th Centuries: the Dynamics, Causes, Results]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 24–40. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_24. EDN: CRPANW

References

1. Solov'ev, Y. (1855) (comp.) *Sel'skohozyajstvennaya statistika Smolenskoj gubernii* [Agricultural statistics of the Smolensk province]. Moscow: izhdiveniem Uchen. kom. M-va gos. Imushchestv. (In Russ.)
2. Vakar, N. P. (1956) *Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
3. Vakar, N. P. (1968) *The Belorussian People Between Nationhood and Extinction. Ethnic Minorities in the Soviet Union*. New York: F. A. Praeger, Inc. Pp. 218–229.
4. Snajder, T. (2013) *Rekonstrukciya nacij* [Reconstruction of nations]. Transl. M. Vroclav. Moscow: Letnij sad. (In Russ.)
5. Rudling, P. A. (2015) *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. EDN: WSCLXD.
6. Markava, A. (2016) *Shlyah da saveckaj nacyi. Palityka belarusizacyi (1924–1929)* [The path to the Soviet nation. The policy of Belarusization (1924–1929)]. Minsk: Galiyafy. (In Beloruss.)
7. Markova, A. (2018) Language, Identity, and Nation: The Special Case of Belarusian State and Nation-Formation. *The Journal of Belarusian Studies*. Vol. 8. Pp. 25–39.
8. Borisenok, YU. A. (2013) *Na krutyh povorotah belorusskoj istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol'shej i Rossiej v pervoj polovine XX veka* [At the sharp turns of Belarusian history: Society and the State between Poland and Russia in the first half of the 20th century]. Moscow: OOO "Rodina MEDIA". (In Russ.)
9. Borisenok, YU. A. (2013) *Pol'skij faktor v nacional'noj politike sovetskoj vlasti v Belorussii v 1920–1930-e gody* [The Polish factor in the national policy of the Soviet government in Belarus in the 1920s – 1930s]. *Novaya i novejšhaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. No. 6. Pp. 55–65. (In Russ.). EDN: RSNCTP.
10. Drozdov, K. S. (2022) *Belorusizaciya v Sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gg.: celi, metody i rezul'taty* [Belarusization in Soviet Russia in the 1920s – 1930s: goals, methods and results]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyah i dokumentah: K yubileyu V. V. Trepavlova* [The history of the peoples of Russia in research and documents: To the anniversary of V. V. Trepavlov]. Iss. 9. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. Pp. 204–225. (In Russ.). EDN: LMPATK.
11. Korotkova, D. A. (2018) «Ukrupnenie BSSR» v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliyaniya v Pol'she [The "Consolidation of the BSSR" in 1923–1924: the factor of Soviet influence in Poland]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. No. 5. Pp. 48–59. (In Russ.). EDN: YNRRCH.
12. Kobec, O. V. (2021) «Prigovorennye k belorusizacii»: smolenskie belorusy v 1920-e gody (k voprosu o chislennosti) ["Sentenced to Belarusianization": Smolensk Belarusians in the 1920s (on the issue of numbers)]. *Izvestiya SmolGU* [Izvestia SmolGU]. No. 1. Pp. 199–217. (In Russ.). EDN: BTTNXG.

13. Kodin, E. V., Kobec, O. V. (2019) *Belorusizatsiya v rossijsko-belorusskom prigranich'i: Smolenshchina, 1924–1929 gg.* [Belarusization in the Russian-Belarusian border area: Smolensk region, 1924–1929]. *Belorusskaya dumka* [The Belarusian Duma]. No. 8. Pp. 85–91. (In Russ.)

14. Kodin, E. V., Kobec, O. V. (2021) *Belorusizatsiya na Smolenshchine, 1920-e gody* [Belarusization in the Smolensk region, 1920s]. Smolensk: Izd-vo SmolG U. (In Russ.). EDN: QSIJSJ.

15. Kodin, E. V., Kobec, O. V. (2019) *Smolenshchina, 1921–1925 gody: belorusizatsiya sverhu?* [Smolensk region, 1921–1925: Belarusization from above?]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University]. No. 2 (46). Pp. 164–177. (In Russ.). EDN: WLAIPE.

16. Filimonov, A. V. (2016) *Belorusy v Pskovskom krae (1920-e gg.)* [Belarusians in the Pskov Region (1920s)]. *Uchenye zapiski UO VGU imeni P. M. Masherova: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific notes of the UO VGU name of Masherov: collection of scientific papers]. Vol. 22. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. Pp. 45–55. (In Russ.). EDN: XXNNYD.

17. Manakov, A. G. (2013) *Rossijsko-belorusskoe porubezh'e: Istoriko-geograficheskaya determinatsiya* [Russian-Belarusian borderlands: Historical and geographical determination]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Journal]. No. 16. Pp. 169–176. (In Russ.). EDN: QCVNPH.

18. Dement'ev, V. S. (2015) *Harakter rasseleniya i etnicheskij sostav naseleniya Pskovskogo regiona v period s 1926 po 1939 gg.* [The nature of settlement and the ethnic composition of the population of the Pskov region in the period from 1926 to 1939]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regional Journal]. No. 24. Pp. 88–105. (In Russ.). EDN: UNKELL.

19. Krasheninnikov, V. V. (2003) (ed.) *Istoriya Bryanskogo kraja. XX vek* [The history of the Bryansk region. 20th century]. Klincy: Izdatel'stvo Klincovskoj gorodskoj tipografii. (In Russ.)

20. Krih, A. A. (2015) *Belorusizatsiya v Tarskom Priirtysh'e: mekhanizmy ucheta naseleniya i etnograficheskaya «real'nost'»* [Belarusization in the Tarsky Irtysh region: population accounting mechanisms and ethnographic "reality"]. *Etnografiya Altaya i soprodel'nykh territorij: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 25-letiyu centra ustroj istorii i etnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ethnography of Altai and adjacent territories: Materials of the international scientific conference dedicated to the 25th anniversary of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local Lore of the Altai State Pedagogical University]. Barnaul, 28–30 October 2015. Iss. 9. Barnaul: Altajskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, Pp. 124–128. (In Russ.). EDN: UYOIZD.

21. Trojnickij, N. A. (1897) (ed.) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.* [The first general population census of the Russian Empire 1897]. Books 1–89. B. XL, Smolensk District. St. Petersburg: izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del. (In Russ.)

22. Trojnickij, N. A. (1904) (ed.) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. XXXIV. Pskovskaya guberniya. Tetrad' 2* [The first general population census of the Russian Empire, 1897 XXXIV. Pskov province. Notebook 2]. (In Russ.)

23. Trojnickij, N. A. (1905) (ed.) *Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam, s ukazaniem chisla lic preobladayushchih rodnym yazykov* [The available population of both sexes by county, indicating the number of persons of the predominant native languages]. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g.* [The first general population census of the Russian Empire, 1897]. Iss. 7. St. Petersburg: parovaya tipo-lit. N. L. Nyrkina. (In Russ.)

24. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1914 g.* (1915) [Statistical Yearbook of Russia, 1914]. Petrograd. Izdanie central'nogo statisticheskogo komiteta MVD. (In Russ.)

25. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1916 g.* (1916) [Statistical Yearbook of Russia, 1916]. Petrograd. Izdanie central'nogo statisticheskogo komiteta MVD. (In Russ.)

26. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti* [State Archives of the Smolensk Region]. F. R-19. Op. 1. D. 4748. (In Russ.)

27. *Dannye Vserossijskoj demograficheskoy perepisi 28 avgusta 1920 goda. Pskovskaya guberniya. Vypusk II. Nacional'nost', pol, gramotnost'* (1923) [Data from the All-Russian Demographic Census on August 28, 1920. Pskov province. Issue II. Nationality, gender, literacy]. Pskovskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. Pskov: «Pskovskij nabat». (In Russ.)

28. *Bryanskaya guberniya v cifrah: Kratkij statisticheskij spravochnik po Bryansk gub* (1924) [Bryansk province in numbers: A brief statistical guide to the Bryansk province.]. Bryanskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. Orel: Krasnaya kniga. (In Russ.)

29. *Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti* [State Archives of the Bryansk Region]. F. 84. Op. 1. D. 542. (In Russ.)

30. *Rabochij put'* [Working way]. 1927. 19 August. (In Russ.)

31. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki. Вып. 4: Narodnost' i rodnoj yazyk naseleniya SSSR (1928)* [The All-Union population Census of December 17, 1926: brief summaries. Issue 4: Nationality and native language of the USSR population]. Moscow: Izdanie CSU SSSR. (In Russ.)

Об авторе

Кобец Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой, Смоленский государственный университет спорта, г. Смоленск, Российская Федерация; e-mail: cobets.olga@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6058-160X

About the author

Kobets Olga V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Postgraduate Studies, Smolensk State University of Sports, Smolensk, Russian Federation; e-mail: cobets.olga@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6058-160X

Статья поступила в редакцию 05.07.2024

Одобрена после рецензирования 10.09.2024

Принята к публикации 18.09.2024

Практика применения избирательного права Российской империи как инструмент национальной политики (по материалам выборов депутатов Государственной думы от территорий Иркутского генерал-губернаторства)

А. А. Кружалаина

В статье рассматриваются особенности правового регулирования избирательного процесса по выборам депутатов Государственной думы Российской империи I–IV созывов по материалам территорий, входящих в состав Иркутского генерал-губернаторства. Особое внимание уделено сравнительному анализу правительственной риторики и общественного мнения по вопросу «урезания» избирательных прав сибирских инородцев (якутов и бурят) в следствие третьиюньского переворота. На основе анализа нормативно-правовой базы исследуемой проблемы, материалов периодической печати, а также уникальных архивных и мемуарных источников, сформулированы выводы об особенностях и перспективах развития избирательного процесса в регионе в условиях сегрегационных инициатив царской администрации.

Ключевые слова: депутаты, Государственная дума, Сибирь, Иркутск, буряты, якуты.

Для цитирования: Кружалаина А. А. Практика применения избирательного права Российской империи как инструмент национальной политики (по материалам выборов депутатов Государственной думы от территорий Иркутского генерал-губернаторства) // История повседневно-сти. – 2024. – № 4. – С. 41–58. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_41. EDN: FIDFUT

Введение

Под давлением Первой русской революции император Николай II вынужден был пойти на уступки, и одной из самых значимых для развития политической системы России стало создание Государственной думы. Повсеместно радевший о будущем помещного дворянства и неустанно подчеркивавший, что «не забудет его нужду» и проявит заботу о «преуспевании нашего дорогого отечества» и помещного дворянства» [1, № 10], император был не менее вдохновлен идеей отеческой заботы о русском крестьянстве.

На встрече с депутацией дворян Курской губернии летом 1905 г., Николай II поблагодарил собравшихся, уточнив, что основу будущего законосовещательного органа должны составить два ключевых сословия России – дворянство и крестьянство, которые «искони делили радость и горе со своими Царями» [1, № 137]. Однако уже на встрече с делегатами от разных сословий и общественных учреждений высказал убежденность в том, что «водворение мира и тишины» в Российской империи зависит от «всех и каждого в своем кругу» единых в желании помочь ему [1, № 138].

Государю все сложнее было находить баланс между консервативно-охранительными обещаниями, данными дворянству, и желанием сплотить вокруг «царя-батюшки» простой народ [2, с. 156]. В этой связи представляется интересным проследить, насколько император и весь бюрократический аппарат Российской империи учитывали влияние этноконфессиональных особенностей состава населения при моделировании правительственной политики.

Анализу отдельных аспектов формирования и функционирования парламента Российской империи посвящено несколько публикаций отечественных исследователей. В них описывается правовое регулирование [3] и ход избирательного процесса [4], а также отражение избирательных кампаний на страницах региональной прессы [5]. Кроме того, серия статей касается деятельности отдельных депутатов – представителей нерусских этносов (бурята, еврея) [6; 7]. Вместе с тем национальный аспект избирательного процесса в целом не становился предметом полноценных самостоятельных исследований.

Цель предлагаемой статьи – проанализировать влияние национальной политики на формирование принципов комплекто-

вания депутатского корпуса Государственной думы Российской империи и практику их применения в начале XX столетия, используя материалы Иркутского генерал-губернаторства.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы из фондов Иркутского областного (ГАИО), Красноярского краевого (ГАКК) и Забайкальского краевого (ГАЗК) архивов, характеризующие избирательный процесс на территории Иркутского генерал-губернаторства. Также в процессе исследования привлекались нормативно-правовые акты, регламентирующие избирательный процесс; материалы периодической печати, освещающие ход избирательного процесса в регионе; речи императора и источники личного происхождения.

Методологической основой исследования является историко-биографический метод, позволивший персонифицировать избирательный процесс на территории Иркутского генерал-губернаторства. Применение методики компаративного анализа позволило составить максимально полную характеристику исследуемых событий и проанализировать динамику избирательного процесса с участием инородческого населения региона на основе сопоставления широкого круга источников.

Избирательные права инородцев

«Положение о выборах в Государственную Думу» среди прочих цензов запрещало участвовать в выборах бродячим инородцам (ст. 6, п. 5)¹, присутствие которых очевидно на территории Иркутского-генерал-губернаторства. Заметим, что термин «инородцы» в целом носил сословный характер. Применительно к системе формирования российского парламента и оценке представительства различных национальных общностей в нем целесообразно рассматривать его в данном контексте как особую категорию.

По Всероссийской переписи населения 1897 г. численность инородцев на территории Иркутского генерал-губернаторства (с учетом вошедшей в него в 1906 г. Забайкальской области) составляла около 615 тыс. чел., иерархически большинство из них населяло Якутскую и Забайкальскую области, далее

¹ Положение о выборах в Государственную думу: (Свод законов, т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.): с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел, приложением циркуляров и инструкций министра внутренних дел и циркуляров министра юстиции. СПб.: Изд. Министерства внутренних дел, 1907. С. 7.

Иркутскую и Енисейскую губернии¹ [8; 9]. Разумеется, не все из них относились к категории бродячих. В целом же доля инородцев в общей массе населения указанных административно-территориальных единиц была весьма различной: от 9 % в Енисейской губернии до 89 % в Якутской области. В Иркутской губернии и Забайкальской области они составляли четверть и треть населения соответственно [9].

При этом п. 5. ст. 22 «Положения о выборах» предоставлял уездным комиссиям учреждать отдельные съезды городских избирателей инородцев², однако на практике на интересующей нас территории таких инициатив не возникало, очевидно потому, что доля горожан инородцев крайне невелика, даже в Якутской и Забайкальской областях при общей многочисленности инородцев в них.

На основании «Правил о применении положения о выборах в Государственную Думу к губерниям Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской» последним было предоставлено право обеспечить участие в съезде уполномоченных от волостей, также уполномоченных от кочевых инородцев, по одному на несколько стойбищ или улусов, избираемых тем же порядком, каким выбираются головы и выборные в инородные управы [10, л. 20]. Благодаря этому в уездных, и даже в губернских избирательных съездах смогли поучаствовать отдельные представители инородцев.

Так, гл. 9 и 10 «Положения о выборах» определяли особенности проведения выборов депутатов Государственной думы в Якутской и Забайкальской областях. В Якутской области предполагалось сформировать избирательное собрание из шестнадцати выборщиков: по одному от Верхоянского и Колымского округов, двух от Олекминского, четырех от Вилюйского и восьми от Якутского³.

В Забайкальской области избирательное собрание должно было включать восемь выборщиков – от городских избирателей (по 1 от каждого уезда) и 19 от волостей и сельских участков (по одному от Акшинского, Баргузинского, Нерчинского

¹ Сибирские инородцы // ГРАНАТ: энциклопедический словарь. URL: <http://granat.wiki/enc/s/sibir-iii-sibirskie-inorodtsy/> (дата обращения: 06.02.2024).

² Положение о выборах в Государственную думу: (Свод законов, т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.): с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел, приложением циркуляров и инструкций министра внутренних дел и циркуляров министра юстиции. СПб.: Изд. Министерства внутренних дел, 1907. С. 18.

³ Там же. С. 138.

и Троицкосавского, двух – от Нерчинско-Заводского и Селингинского, четырех – от Читинского и семи – от Верхнеудинского. Всего двадцать семь чел¹.

Всего же населению Иркутского генерал-губернаторства было положено депутатов: два от Енисейской губернии; один от Иркутской и один непосредственно от города Иркутска; три от Забайкальской области (по одному от инородческого, казачьего и прочего населения) и один от Якутской области².

Корреспондент Л. в обзоре выборов депутатов I созыва Государственной думы от Сибири, напечатанном в «Сибирских вопросах», обращал внимание на несправедливую диспропорцию, проявившуюся в распределении мест депутатов по племенным и экономическим группам населения. Например, он указывает всего на двух выборщиков, предоставленных почти 33 тыс. минусинских инородцев, в противовес тому, что остальные волости уезда, население каждой из которых едва насчитывает 3 тыс. чел., также посылают в уездное избирательное собрание по два уполномоченных [11, с. 107]. Это, по мнению корреспондента, минимизирует шансы минусинских инородцев увидеть своего представителя в губернском избирательном собрании. Данное умозаключение небесспорно и основывается на нехитрых математических расчётах, но, тем не менее, заметим, что в период выборов депутата I созыва в губернское собрание, среди десяти человек выборщиков от Минусинского уезда (девять от волостей и один от города) был отправлен именно инородец, Никита Иванович Окунев, православный грамотный инородец 35 лет, представляющий Абаканскую инородную управу [12, л. 261 об. – 262]. Однако в депутаты «прорваться» ему не удалось.

Несправедливой и поражающей кажется Л. и система выборов в Забайкальской области: в городе двух-, у казаков и инородцев трех-, а у крестьян четырехступенчатая, в результате чего «выходит, что 25 бурятских голосов равны десяти крестьянским и пяти казачьим [11, с. 108]. Возмущает корреспондента прежде всего то, что «простое соотношение численности различных групп населения не принято в расчёт при регламентации уездных съездов» [11, с. 108]. В пример приводится Читинский

¹ Положение о выборах в Государственную думу: (Свод законов, т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.); с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел, приложением циркуляров и инструкций министра внутренних дел и циркуляров министра юстиции. СПб.: Изд. Министерства внутренних дел, 1907. С. 139.

² Там же. С. 111–113.

уезд, где один выборщик от городского съезда представляет интересы 30 тыс. горожан, а четыре выборщика от сельского населения представляют лишь 54 тыс. жителей.

Якутская область, на 90 % населенная якутами, также незаслуженно оказалась обделённой депутатом исключительно от якутов. Единственный депутат, которого предполагалось избрать по «Положению о выборах», вероятнее всего, представлял бы русское население области.

Резюмируя опыт организации первых выборов в Государственную думу, известный представитель бурятской интеллигенции Ц. Жамцарано указывал на «сплоченность и стойкость» бурят Иркутской губернии в достижении своей цели. Это, по его мнению, проявилось в возбуждении ходатайства перед государем и Государственной думой о предоставлении бурятам Иркутской области в последней собственного депутатского места. Данная инициатива возникла у них ввиду «непохожести» последних с русским населением губернии, из-за чего нужды бурятского населения «безусловно не будут понятны русскому депутату, даже самому беспристрастному» [13, с. 7].

Депутаты на страже интересов коренных жителей региона

22 марта 1907 г. автор «Сибири» под псевдонимом Ландарма (вероятно, будущий профессор ИГУ Николай Николаевич Козьмин) сообщал о растущей популярности идеи отправить в Госдуму от Иркутской губернии бурята. Очевидно, что «город пошлёт русского (будет ли это великоросс или даже еврей <...>)\», – сообщал Ландарма и дополнял, что «интеллигентный бурят также хорошо знает губернию, как и сознательный крестьянин». Среди требований к депутату от Иркутской губернии автор статьи перечислял «знание крестьянских нужд, земельных отношений и <...> голос за скорейшую реформу местного самоуправления, земскую реформу» [14].

На практике Губернское избирательное собрание по избранию депутата II созыва Государственной думы от Иркутской губернии завершилось избранием К. И. Иванова, русского, родившегося в Тункинской волости и там же работавшего много лет после окончания Иркутской учительской семинарии, при этом хорошо знавшего не только нужды русского крестьянства, но и «инородческий быт» [15].

Константин Иванович Иванов не просто выиграл относительное большинство в последнем раунде голосования, но и стал первым, кто за всю неделю неофициальных и официальных баллотировок получил абсолютное большинство одобряющих голосов выборщиков (восемь одобрительных против семи неодобрительных) [16].

«Сибирь», рассказывая о биографии избранного депутата К. И. Иванова (1876–?), указывала, что тот в свои 30 лет успел восемь лет отработать народным учителем в Тунке, параллельно выступая корреспондентом закрывшегося к тому моменту «Восточного обозрения» и помогая политическим ссыльным, жившим в волости. После оставления карьеры учителя стал торговать скотом с монгольскими скотоводами, продолжая при этом свою околополитическую деятельность. К. И. Иванов, как предполагали изначально, должен был присоединиться к фракции народных социалистов в Госдуме, однако в дальнейшем он оказался во фракции трудовиков [17].

От инородческого населения Забайкальской области депутатом Государственной думы II созыва был избран агинский бурят Бато-Далай Очиров (1875–1913 гг.). Тогда в парламенте все нерусские, неправославные депутаты стояли особняком и определялись как «национальные депутаты». Ими было занято 76 депутатских мест: 46 – польское коло и 30 – фракции мусульман России. Впервые и единственный раз в истории имперского парламентаризма по сути всех бурят империи представил Бато-Далай Очиров, тесно сотрудничавший с русско-бурятской интеллигенцией не только в регионе, но и в столице; «выступавший от бурят общественным деятелем и ходатаем по разным их нуждам» [18]. Когда в 1913 г., уже после сложения депутатских полномочий, Очирова не стало, газета «Сибирская жизнь» опубликовала некролог с поэтичным названием «Славный бурят», называя Очирова «первым гражданином Агинской степи». Ссылаясь на материалы, опубликованные в «Забайкальской Нови», издание сообщало, что Очиров был «другом народа, который подобно маяку или звезде вел своих соплеменников к умственному и нравственному пробуждению» [19].

В некрологе также сообщались биографические данные, из которых становится понятен непростой жизненный путь бурятского парламентария. В 1880 г. в 6-летнем возрасте Бато

был привезен из степи в с. Агинское, где обучался в русской приходской школе; после окончания Читинское городское училище, из-за нехватки средств прервал образование и занял место учителя приходской школы в Аге. В дальнейшем некоторое время работал в Чите в качестве переводчика в русско-монгольской газете, пока последняя не закрылась. Далее поступил писарем в степную бурятскую думу, что и позволило ему «близко познакомиться с бурятскими общественными делами», заслужить доверие общественности, вследствие чего его избрали волостным судьей, а уже в дальнейшем и депутатом Государственной думы II созыва [19].

«Третьеиюньские переворот» отменил право бурят на собственного депутата, и Очиров, сложив полномочия, вернулся на родину, где трудился волостным старшиной и продолжал общественную работу на благо бурятского населения.

Б. Д. Очиров был известен и уважаем в обществе за свои просветительские инициативы по открытию школ и «Общества просвещения бурят», а также переводу литературы на бурятский язык, он многократно направлял свои статьи и заметки в «Забайкальскую Новь», где они и публиковались. При этом ему был чужд «узкий национальный шовинизм», что выражалось в призыве: «Своего не забывайте и чужого хорошего не чурайтесь» [19]. На практике это позволило Очирову сблизиться с многими представителями русской интеллигенции не только в провинции, но и в столице. Был полон сил и энергии для осуществления дальнейшей просветительской и общественно-политической деятельности, однако «нелепая» смерть при падении с лошади в достаточно раннем возрасте прервала его жизнь, а вместе с тем отняла у сибирских бурят «единицу, ... со смертью которой гаснут лучшие надежды народа» [19].

Однако заметим, что не все инородцы Забайкальской области осознавали значимость избрания собственного депутата для перспективы развития края. Так, в период выборов депутатов Государственной думы II созыва по Баргузинскому уезду Бодонское инородческое отдельное сельское общество зафиксировало в общественном приговоре от 3 января 1907 г. ходатайство об освобождении от избрания выборщиков для участия в областном съезде «ввиду бедности тунгусского общества и малочисленности» [20, л. 25], объяснив свое коллек-

тивное намерение тем, что «рабочих рук» в обществе только 122 мужчины, а места их проживания «разбросаны» по 150 верст друг от друга; ссылаясь при этом также на отсутствие средств для покрытия расходов по поездке выборщиков [20, л. 5–5 об.]. Баргузинская уездная избирательная комиссия данного ходатайства не удовлетворила и определила сроки повторного избрания выборщиков, так как подобное законом не предусмотрено, а средства на проезд выборщиков выделяло государство. Вследствие этого очередной съезд Бодонское инородческого общества было предписано провести 8 марта, однако ввиду того, что «некоторые лица ушли на зверопромысел до 25 марта, а часть тунгусов в числе 36 человек проживает от Бодона в расстоянии 150 верст» [20, л. 25 об.], сорок шесть собравшихся из восьмидесяти четырех членов общества постановили, принимая во внимание вышесказанное, «признать, что сход не может состояться» [20, л. 25 об.], а следовательно, и выборщиков избрать невозможно. 17 марта 1907 г. данное обстоятельство было зафиксировано в постановлении № 21 Баргузинской уездной по делам о выборах комиссии, с последующим уведомлением о данном факте военному губернатору Забайкальской области, координировавшему избирательный процесс [21, л. 21 об.].

Таким образом, «Положение о выборах» 1905 г. и серия дополнений к нему демонстрируют осознанное желание сократить представительства сибирских инородцев в парламенте, делая ставку на дворянско-крестьянском патриархальном большинстве. И несмотря на то что общественность пыталась противостоять против очевидной дискриминации инородцев, законодатель не планировал расширять представительство национальных меньшинств в парламенте, опасаясь в том числе их оппозиционности. А после разгона II Государственной думы и осуществления «третьеиюньского переворота», и того хуже, урезал квоту Сибири в парламенте, а вместе с тем и шансы инородцев оказаться в числе парламентариев.

«Третьеиюньский переворот» и национальные депутаты

Избирательным законом 1907 г. устанавливалась квота в четыре депутата от территорий Иркутского генерал-губернаторства: по одному от Енисейской и Иркутской губерний и два от За-

байкальской области (по одному от Забайкальского казачьего войска и прочего населения)¹.

Прогрессивная общественность не только незамедлительно отреагировала на произошедшие изменения, но даже сформировала дискуссию на страницах печати по анализу перспектив парламентской работы сибиряков, и инородцев в том числе, в будущем. Автор одной из статей отмечал, что новый избирательный закон поставил всю Сибирь «в положение гораздо менее благоприятное, чем это было раньше» [23, с. 1–2]. Особое внимание он обращал на то, что в избирательных правах было ущемлено «наиболее многочисленное и наиболее культурное инородческое племя Сибири» [23, с. 3] – буряты, которые фактически имели теперь очень малые шансы на представление своих интересов в парламенте (из 42 выборщиков в Забайкальской области только 15 мест теперь принадлежало бурятам) [22, с. 83].

Практика избирательного процесса подтвердила опасения, так как в областное избирательное собрание буряты послали бывшего депутата Очирова и некоего Далыкова, тунгусы – Макавеева и Компорцева: выборщиков с умеренно-прогрессивными взглядами. Запад Забайкалья выставил тайшу Аюшина, Чайдурова и Дибуалова. При этом крестьянские выборщики (19 чел. – большинство) оказались «больше народом рядовым, серым» и вместе с городскими избирателями от Читы (восемь человек)² были по большей части настроены «прогрессивно-неопределённо» [24] и были сосредоточены на решении проблем, лишь отстраненно касавшихся инородцев: урегулирование казачьего землевладения, перспективы введения земств в регионе и т. п. При таком «раскладе» практически не оставалось шансов провести сколько-нибудь близкого к проблемам и нуждам инородческого населения депутата.

Неудивительно, что избирательная кампания оказалась для инородческого населения «унылой и грустной» [25, с. 23]. Провести своего кандидата в Думу буряты не смогли (даже несмотря на довольно высокий авторитет в обществе Б. Д. Очирова), поэтому вновь сосредоточились на возбуждении ходатайства

¹ Положение о выборах в Государственную думу: с разъяснениями Прав. сената, Мин. вн. дел, подробным предметным указателем и с приложением учреждений Госуд. совета, Госуд. думы и правил о рассмотрении госуд. росписи / сост. А. Л. Саатчиан. СПб.: Изд. юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1912. С. 96.

² Там же. С. 120.

о возвращении им избирательных прав. Забайкальское казачье войско сохранило статус особого избирательного округа. В III и IV созывах государственной Думы интересы Забайкальской области представляли кадеты Н. К. Волков и С. А. Таскин, а также социал-демократ А. А. Войлошников, не демонстрировавшие глубокого знания нужд и проблем коренных народов области.

Уменьшение представительства Иркутской и Енисейской губерний активно критиковали в региональной и столичной печати. При этом внимание акцентировалось на факте преобладания в указанных губерниях сельского населения, в связи с чем перспектива гармоничного представительства в парламенте и горожан и крестьян одним депутатом от губернии становилась невозможной, потому как сельские жители, обладая большинством мест в губернском избирательном собрании непременно пожелали бы провести «своего кандидата».

По мнению корреспондента «Сибирских вопросов», именно благодаря закреплению за г. Иркутском праву на собственного депутата в предыдущей версии избирательного закона в дополнении к избраннику от губернии в целом, сохранялась «возможность ввести в Думу и горожанина, и крестьянина. Теперь этой возможности уже нет» [23, с. 4]. Добавим, что существовавшая ранее практика даже позволила обеспечить этническое многообразие депутатов, представлявших Иркутскую губернию, так как во второй созыв Государственной думы попали еврей В. Е. Мандельберг от г. Иркутска и русский крестьянин, тесно знакомый с инородческим бытом, К. И. Иванов.

Население Якутской области эмоционально отреагировало на лишение последней права представительства в парламенте.

К якутскому губернатору стали поступать различные просьбы о разрешении обсудить данный вопрос на улусных собраниях с тем, чтобы в дальнейшем даже отправить депутацию в Петербург для личного ходатайства о представительстве от якутов. Вследствие этого якутским губернатором, по согласованию с иркутским генерал-губернатором [26, л. 75], было опубликовано «Объявление» с разъяснениями. В последнем среди прочего подчеркивался «временный» характер данной меры, как это следовало из высочайшего манифеста и звучал призыв «спокойно ожидать, когда Государю императору благоугодно будет признать необходимым участие в составе Государственной

Думы представителя и от Якутской области» [26, л. 76]. Пока же такое трактовалось как «несвоевременное и бесполезное». Ситуация, впрочем, не изменится вплоть до 1917 г.

С представителей инородческого общественного управления под расписку требовалось наблюдать, чтобы «с населения отнюдь не производилось никаких сборов на расходы по ходатайству о выборах в Государственную Думу» [26, л. 76]. Губернатор Якутской области докладывал иркутскому генерал-губернатору об установлении наблюдения «за действиями бывших выборщиков, также лиц, принимавших участие в образовании бывшего союза якутов», а также о приказе «арестовывать устроителей незаконных сборищ и ораторов» на них [27, л. 12].

При этом возникает вопрос об обоснованности правительственных опасений, простимулировавших лишение Якутской области права на собственного депутата, явно несопоставимых по степени оппозиционности, например с польским коло. Однако здесь, вероятно, доминировали иные причины: сложность организации выборов, колоссальная нагрузка на бюджет в силу большого расстояния между населенными пунктами [3, с. 42], что и продемонстрировали на практике две первые избирательные кампании в области.

С другой стороны, еще с 1906 г. в области появился «Союз якутов», позиционировавший себя как национальная политическая организация. Лидером «Союза» был выходец из семьи якут-письмоводителя, окончивший Якутскую прогимназию и ставший на рубеже XIX–XX вв. журналистом, писателем и активным общественным деятелем, чьи взгляды сформировались под влиянием политических ссыльных (Н. П. Страндена, Д. А. Юрасова, А. А. Сиповича, П. П. Подбельского) – В. В. Никифоров (1866–1928).

В состав «Союза якутов» входили представители тойоната, интеллигенции и купечества. Программные требования организации были довольно обширны и предполагали реализацию инициатив, направленных на разрешение вопросов, остро стоящих не только в области, но и в Сибирском регионе в целом. Прежде всего «Союз» был ориентирован на распространение на Сибирь земской реформы; предоставление якутам права представительства Якутской области в российском парламенте; а также члены организации предполагали бороться за предоставления якутам права собственности на земли, принадле-

жащие государству, но пользование которыми осуществляли инородцы. Местная администрация игнорировала требования и призывы общественности, ссылаясь на инструкции и циркуляры имперских властей. Для «стабилизации ситуации» руководящий состав «Союза якутов» в конечном итоге арестовали.

По прошествии некоторого времени, в 1912 г. был организован Инородческий съезд, инициаторами которого стали все те же В. В. Никифоров и С. А. Новгородов. На данном съезде, прошедшем в Якутске, среди прочих вновь прозвучала инициатива – добиться предоставления якутам права на собственного депутата в российском парламенте, а также иные предложения по облегчению жизни и быта якутов, в том числе проведение земской реформы в Сибири, прекращение ссылки в Якутию, содействие развитию образования и культуры. Съезд избрал делегацию в составе В. В. Никифорова, П. Н. Сокольников и Д. И. Слепцова, которые должны были присутствовать в 1913 г. в Санкт-Петербурге на праздновании 300-летнего юбилея правления династии Романовых. На данных торжествах представители якутов продемонстрировали эрудицию и высокую культуру, поскольку хорошо знали историю и культуру народов края, законы Российской империи. Их докладные записки отличались веской аргументацией и большой убедительностью и обратили на себя внимание бюрократии. В ответ царское правительство даже приняло решение о прекращении сбора с населения церковного налога и о сложении образовавшихся в голодные годы недоимок.

Резюмируя итоги выборов в III Государственную думу «Сибирские вопросы» указывали на «видимое равнодушие к ним массы населения» однако, при этом уточняя, что оно было именно «видимым», так как власть предприняла все от неё зависящее, чтобы «выборы прошли в темную». В целом же, существенное сокращение представительства Сибири в парламенте не могло остаться незамеченным для общества. С уменьшением квоты для сибирских депутатов представительство региона в парламенте сделалось «фиктивным», что «не могло развить глубокого интереса к выборам» [28, с. 2].

Обсуждение и выводы

Таким образом, содержание нормативно-правовых актов, регулирующих избирательный процесс на территории Иркут-

ского генерал-губернаторства, а также динамика политической активности населения в ходе избирательных кампаний, свидетельствуют об изначальной разнице позиций, с которых анализировали исследуемую проблему представители бюрократии и лично самодержец Николай II, с одной стороны, и региональная общественность, с другой.

Очевидно, что в основе процесса минимизации количества парламентских мандатов, предлагаемых коренным жителям региона, лежали прежде всего трудности инфраструктурного сообщения территорий восточной окраины империи как с центром генерал-губернаторской власти, так и со столицей империи, затруднявшие проведение избирательной кампании в установленные императором сроки. А также невысокий уровень грамотности среди инородческого населения в отдельных территориях, что воспринималось столичной бюрократией как подтверждение неразвитости правосознания, необходимого для участия в избирательном процессе.

Губернаторский и генерал-губернаторский корпус, стоящие на защите интересов монархии в регионе, и вовсе усматривали в этой «непросвещенности» очаги крамолы, транслируя таким образом позицию, преимущественно Министерства внутренних дел, сформировавшуюся вследствие того, что территория Иркутского генерал-губернаторства в период Первой русской революции оказалась одним из очагов массовых революционных выступлений в империи.

Карательные экспедиции Меллер-Закамельского и Ренненкампа, масштабы кровопролития в которых несколько преувеличены большевиками, тем не менее, носили реакционный характер и были призваны усмирить бунтовщиков. Однако среди последних инородцы отнюдь не преобладали. Тем не менее, левые активисты, получившие преимущественно наказания в виде арестов и каторжных работ (обоим карательными экспедициями было казнено и расстреляно за все время их действия всего 50–70 чел. [29]), отбывали наказания преимущественно в Якутской и Забайкальской областях, вследствие чего, по мнению властей, могли продолжать вести революционную пропаганду среди местного населения.

При всей субъективности оценок бюрократией перспектив развития избирательного процесса на исследуемых territori-

ях, важно, что реальная коммуникация с населением строилась преимущественно на правовых началах, регламентированных в избирательных законах и многочисленных разъяснениях и инструкциях к ним. Более того, министром внутренних дел П. А. Столыпиным предписывалось: «не вмешиваться в борьбу партий и не производить давления на выборы. ... пресекая лишь самым решительным образом попытки ... агитации революционной» [25, л. 84–85].

Как это ни парадоксально, революционные агитаторы стремились использовать все возможные ресурсы в своих целях, продвигая самых активных из своей среды и в парламент, где на легитимных началах выражали готовность к диалогу с властью. Нарождающиеся же национальные интеллектуальные элиты (бурят и якутов), преимущественно отторгнутые от избирательного процесса, вынуждены были искать иные способы разрешения своих проблем. Не найдя точки опоры в российском самодержавии, инородцы продемонстрируют стремление к политической консолидации бурят-монгольского этноса и участие в создании ряда самопровозглашенных политических образований в период Гражданской войны.

Список литературы

1. Полное собрание речей Императора Николая II: 1894–1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника» / сост. В. Д. Зеленский. СПб.: Друг Народа, 1906. № 10. URL: <http://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html?m=1> (дата обращения: 06.02.2024).
2. Кружалина А. А. Последний российский самодержец и его подданные: эволюция форм самопрезентации монархии // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 8. – С. 1558–1562. EDN: BICCCZK
3. Родионов Ю. П. Сибирь в законодательстве о выборах в Государственную Думу (начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 5 (25). – С. 39–45. EDN: RJYZEZ
4. Шиловский М. В. Организация и проведение выборов в I–IV Государственный думы в Сибири (1906–1913) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 5 (25). – С. 29–34. EDN: RJYZEF
5. Кудряшов В. В. Первые выборы в Государственную думу в Восточной Сибири на страницах иркутских газет (1906–1907 гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2017. – № 1 (27). – С. 81–90. EDN: YKPPDDT
6. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Неизвестные письма Цыбена Жамцарано Гомбожапа Цыбикова Бато-Далаю Очирову // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук. – 2021. – № 4 (44). – С. 82–87. EDN: TXHNUU
7. Кудряшов В. В. Депутат II Государственной думы Виктор Мандельберг // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 4 (26). – С. 121–127. EDN: XIPZVN
8. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Иркутская губерния. СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1904. С. X.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Енисейская губерния СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. С. VI.

10. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 16.
11. Л. Выборы в Государственную Думу // Сибирские вопросы. – 1906. – № 1. – С. 107–108.
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 34. Д. 70–26.
13. Жамцарано Ц. Буряты и освободительное движение // Сибирские вопросы. – 1907. – № 7. – С. 3–10.
14. Ландарма. О кандидате в члены Думы от губернии // Сибирь. – 1907. – 22 марта (№ 127). – С. 2–3.
15. Выборы в Государственную Думу // Сибирь. – 1907. – 6 апр. (№ 140). – С. 3.
16. Выборы в Государственную Думу // Сибирь. – 1907. – 8 апр. (№ 142). – С. 3–4.
17. К биографии члена Государственной Думы // Сибирь. – 1907. – 8 апр. (№ 142). – С. 4.
18. Родионов И. Краткие биографии сибирских депутатов. Б.-Д. Очиров // Сибирские вопросы. – 1907. – № 13. – С. 27.
19. А-в. Славный бурят. Бато Далай Очиров (Некролог) // Сибирская жизнь. – 1913. – 7 июля (№ 148). – С. 2.
20. Государственный архив Забайкальской области (ГАЗК). Ф. 48. Оп. 2. Д. 3.
21. ГАЗК. Ф. 48. Оп. 2. Д. 4.
22. Кружалина А. А. Сибирские перспективы третьеиюньской монархии в оценках корреспондентов журнала «Сибирские вопросы» // Актуальные вопросы истории Сибири. Четырнадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Сборник научных статей Международной научной конференции. – Барнаул: АЗБУКА, 2023. – С. 82–86. EDN: MWSTZA
23. П. Г. Сибирь и новый избирательный закон // Сибирские вопросы. – 1907. – № 12. – С. 1–4.
24. К выборам в Сибири. В Забайкалье // Сибирские вопросы. – 1907. – № 32. – С. 20.
25. Сибирские письма. Чита // Сибирские вопросы. – 1907. – № 33. – С. 23–25.
26. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 3357. К. 517.
27. ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1865. К. 276.
28. Л. Оценка выборов // Сибирские вопросы. – 1907. – № 33. – С. 2–3.
29. Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг. Документы и материалы. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. – 463 с.

The Practice of Applying the Electoral Law of the Russian Empire as a National Policy Instrument (Based on the Materials of the State Duma Deputies' Elections from the Irkutsk Governorate General Territories)

Anastasiia A. Kruzhalina

The article examines peculiarities of the legal regulation of the electoral process of the Russian Empire State Duma deputies' election of the 1st – 4th convocations on the materials of the Irkutsk Governor-General territories. Special attention is drawn to the comparative analysis of government rhetoric and public opinion on the issue of "curtailing" the electoral rights of Siberian foreigners (Yakuts and Buryats) as a result of the Third June coup. Based on the analysis of the regulatory framework of the problem under study, periodical materials, as well as unique archival and memoir sources, the author draws conclusions about the electoral process features and prospects in the region under the conditions of segregation initiatives of the tsarist administration.

Key words: deputies, State Duma, Siberia, Irkutsk, Buryats, Yakuts.

For citation: Kruzhalina, A. A. (2024) Praktika primeneniya izbiratel'nogo prava Rossijskoj imperii kak instrument nacional'noj politiki (po materialam vyborov deputatov Gosudarstvennoj dumy ot territorij Irkutskogo general-gubernatorstva) [The Practice of Applying the Electoral Law of the Russian Empire as a National Policy Instrument (Based on the Materials of the State Duma Deputies' Elections from the Irkutsk Governorate General Territories)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 41–58. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_41. EDN: FIDFUT

References

1. Zelenskij, V. D. (1906) (comp.) *Polnoe sobranie rechej Imperatora Nikolaya II: 1894–1906. Sostavleno po oficial'nym dannym "Pravitel'stvennogo Vestnika"* [The Complete Collection of Speeches of Emperor Nicholas II: 1894–1906. Compiled According to Official Data of the "Government Bulletin"]. *Drug Naroda* [People's Friend]. No. 10. URL: <http://www.libpress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html?m=1> (accessed 06.02.2024). (In Russ.)
2. Kruzhalina, A. A. (2021). *Poslednij rossijskij samodержec i ego poddannye: evolyuciya form samoprezentacii monarii* [The Last Russian Autocrat and His Subjects: the Evolution of Forms of Self-presentation of the Monarchy]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 14. No. 8. Pp. 1558–1562. EDN: BICCZK. (In Russ.)
3. Rodionov, Yu. P. (2013) *Sibir' v zakonodatel'stve o vyborah v Gosudarstvennyyu Dumu (nachalo XX veka.)* [Siberia in the Legislation on Elections to the State Duma (early 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. No. 5 (25). Pp. 39–45. EDN: RJYZEZ. (In Russ.)
4. Shilovskiy, M. V. (2013) *Organizaciya i provedenie vyborov v I–IV Gosudarstvennyj Dumy v Sibiri (1906–1913)* [Organization and Conduct of Elections to the 1st – 4th State Duma in Siberia (1906–1913)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. No. 5 (25). Pp. 29–34. EDN: RJYZEF. (In Russ.)
5. Kudryashov, V. V. (2017) *Pervye vybory v Gosudarstvennyyu Dumu v Vostochnoj Sibiri na stranicah Irkutskikh gazet (1906–1907)* [The First Elections to the State Duma in Eastern Siberia on the Pages of Irkutsk Newspapers (1906–1907)]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of Socio-economic Development of Siberia]. No. 1 (27). Pp. 81–90. EDN: YKPDdT. (In Russ.)
6. Zhalsanova, B. Ts., Kuras, L. V. (2021) *Neizvestnye pis'ma Cybena ZHamarano Gombozhapa Cybikova Bato-Dalayu Ochirovu* [Unknown letters of Tsyben Zhamtsarano Gombozhap Tsybikov to Bato-Dalai Ochirov]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. No. 4 (44). Pp. 82–87. EDN: TXHHUT (In Russ.)
7. Kudryashov, V. V. (2016) *Deputat II Gosudarstvennoj Dumy Viktor Mandel'berg* [Deputy of the 2nd State Duma Viktor Mandelberg]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of Socio-economic Development of Siberia]. No. 4 (26). Pp. 121–127. EDN: XIPZVH. (In Russ.)
8. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897g. Irkutskaya guberniya* (1904) [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897. Irkutsk Province]. St. Petersburg: Publishing House of E. L. Porokhovshchikova. (In Russ.)
9. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897g. Enisejskaya guberniya* (1904) [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897. Yenisei Province]. St. Petersburg: Publishing House of V. P. Meshchersky. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti* (hereinafter – GAIO) [The State Archive of the Irkutsk region]. F. 421. Op. 1. D. 16. (In Russ.)
11. *Vybory v Gosudarstvennyyu Dumu* (1906) [Elections to the State Duma]. *Sibirskie voprosy* [Siberian issues]. No. 1. Pp. 107–108. (In Russ.)
12. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja* (hereinafter – GAKK) [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. F. 595. Op. 34. D. 70–26. (In Russ.)
13. Zhamtsarano, Ts. (1907) *Buryaty i osvoboditel'noe dvizhenie* [Buryats and the liberation movement]. *Sibirskie voprosy* [Siberian issues]. No. 7. Pp. 3–10. (In Russ.)
14. Landarma. (1907) *O kandidate v chleny Dumy ot gubernii* [About the Candidate for Duma Member from the Province]. *Sibir'* [Siberia]. March 22 (No. 127). Pp. 2–3. (In Russ.)
15. *Vybory v Gosudarstvennyyu Dumu* (1907) [Elections to the State Duma]. *Sibir'* [Siberia]. April 6 (No. 140). P. 3. (In Russ.)

16. *Vybory v Gosudarstvennyuyu Dumu* (1907) [Elections to the State Duma]. *Sibir'* [Siberia]. April 8 (No. 142). Pp. 3–4. (In Russ.)
17. *K biografii chlena Gosudarstvennoj Dumy* (1907) [To the Biography of a Member of the State Duma]. *Sibir'* [Siberia]. April 8 (No. 142). P. 4. (In Russ.)
18. Rodionov, I. (1907) *Kratkie biografii sibirskih deputatov. B. – D. Ochirov* [Brief biographies of Siberian deputies. B. – D. Ochirov]. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. No. 13. P. 27. (In Russ.)
19. A-v. (1913) *Slavnyj buryat. Bato Dalaj Ochirov (Nekrolog)* [Glorious Buryat. Bato Dalai Ochirov (Obituary)]. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian life]. July 7 (No. 148). P. 2. (In Russ.)
20. *Gosudarstvennyj arhiv Zabajkal'skoj oblasti* (hereinafter – GAZK) [The State Archive of the Trans-Baikal Region]. F. 48. Op. 2. D. 3. (In Russ.)
21. GAZK. F. 48. Op. 2. D. 4. (In Russ.)
22. Kruzhalina, A. A. (2023) *Sibirskie perspektivy tret'eiyun'skoj monarhii v ocenkah korrespondentov zhurnala «Sibirskie voprosy»* [Siberian Prospects of the Third June Monarchy in the Assessments of Correspondents of the Journal "Siberian Issues"]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Actual Issues of the History of Siberia]. The 14th Scientific Readings in Memory of Professor A. P. Borodavkin. Collection of Scientific Articles of the International Scientific Conference, Barnaul: AZBUKA. Pp. 82–86. EDN: MWSTZA (In Russ.)
23. P. G. (1907) *Sibir' i novyj izbiratel'nyj* [Siberia and the New Electoral Law]. *Sibirskie voprosy*. [Siberian Issues]. No. 12. Pp. 1–4. (In Russ.)
24. *K vyboram v Sibiri. V Zabajkal'e* (1907) [For the elections in Siberia. In Transbaikalia]. *Sibirskie voprosy* [Siberian Issues]. No. 32. Pp. 20. (In Russ.)
25. *Sibirskie pis'ma. Chita* (1907) [Siberian letters. Chita]. *Sibirskie voprosy*. [Siberian Issues]. No. 33. Pp. 23–25. (In Russ.)
26. GAIO. F. 25. Op. 6. D. 3357. K. 517. (In Russ.)
27. GAIO. F. 25. Op. 3. D. 1865. K. 276. (In Russ.)
28. L. (1907) *Oценка vyborov* [Evaluation of the choice]. *Sibirskie voprosy* [Siberian Issues]. No. 33. Pp. 2–3. (In Russ.)
29. *Karatel'nye ekspedicii v Sibiri v 1905–1906 gg. Dokumenty i materialy* (1932) [Punitive expeditions in Siberia in 1905–1906. Documents and materials]. Moscow; Leningrad: State Social Economic Publishing House. (In Russ.)

Об авторе

Кружалина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: kliokrua@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6820-7874

About the author

Kruzhalina Anastasiia A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: kliokrua@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-6820-7874

*Статья поступила в редакцию 09.08.2024
Одобрена после рецензирования 11.09.2024
Принята к публикации 19.09.2024*

Латыши поколения «революционного перелома» в обыденности российской провинции периода Гражданской войны

В. Б. Безгин, К. А. Якимов

Цель статьи заключается в изучении участия латышей российской провинции в событиях Гражданской войны. Исследование их роли в революционной обыденности осуществлено посредством применения концепции «поколения революционно-перелома» и методов социальной истории, просопографии и этнопсихологии. На примере судеб представителей изучаемой когорты рассмотрены поведенческие модели и карьерные траектории латышей в революционную эпоху. Посредством анализа биографических характеристик латышей-политкалоржан установлены пути интеграции подростков этого этнического меньшинства в революционное движение. Особое внимание уделено изучению проблемы службы латышей в губернских ЧК и революционных трибуналах. На основе автобиографий и анкет латышей-коммунистов установлены возраст, социальное происхождение, уровень образования, профессия, военная служба, а также их должности в карательных и репрессивных органах советской власти. Сделан вывод о том, что значительная доля латышей рассматриваемого поколения в карательных органах советской власти и среди красноармейцев была обусловлена их заметным преобладанием накануне Гражданской войны как среди большевиков, так и среди представителей других социалистических партий. Показано, что для многих радикально настроенных латышей участие в Гражданской войне стало возможностью добиться стремительного карьерного роста в условиях формирования советских органов власти и принуждения.

Ключевые слова: латыши, Гражданская война, российская провинция, обыденность, чрезвычайная комиссия, революционный трибунал.

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Для цитирования: Безгин В. Б., Якимов К. А. Латыши поколения «революционного перелома» в обыденности российской провинции периода Гражданской войны // История повседневно-сти. – 2024. – № 4. – С. 59–75. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_59. EDN: DUF CNN

Введение

Изучение провинциальной обыденности периода Гражданской войны невозможно без учета инородческого фактора в событиях этих лет. Выяснение роли поколения «революционного перелома» различных этнических меньшинств в утверждении советского строя остается актуальной задачей современных исследований. Обращение к «красным» латышам, как наиболее активным участникам большевистского переворота и последующего вооруженного противостояния, вполне обосновано. Документальной основой исследования послужили материалы центральных и местных архивов, вводимые в научный оборот преимущественно впервые. Посредством изучения материалов личных дел латышей-коммунистов, в фонде Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО. Ф. П.-840. Оп. 2. Д. 1618, 2520, 3274, 3932, 3953), установлены их социальные и гендерные характеристики, а также карьерное движение в губернских органах ЧК и ревтрибунала. Цель исследования состоит в анализе участия латышей российской провинции в событиях Гражданской войны. Его предметом выступают судьбы провинциальных латышей, представителей изучаемой когорты. Методологической основой работы послужили теоретические положения истории повседневности и концепция «поколенческой истории». Посредством приемов социальной истории, просопографии и этнопсихологии установлена роль этого поколения в обыденности российской провинции периода Гражданской войны.

Современная историография изучаемой проблемы не столь обширна. Ряд научных работ касается темы создания «красных» полков латышских стрелков [1; 2] и их участия в подавлении антибольшевистских восстаний периода Гражданской войны [3; 4]. О влиянии революционного времени на судьбу семьи Лепсис, связавшей свою молодость со службой в карательных органах, размышляет А. С. Позднякова [5]. Печальная участь латышского стрелка в годы «большого террора» рассматривается в статье Н. В. Попова и И. М. Клименко [6]. Отдельные биографии и судьбы латышей – участников Гражданской войны проанализированы в статье Г. А. Шахтарина [7]. Исследователь И. В. Нам изучала отношение латышской диаспоры в Сибири к приходу к власти большевиков, мотивы их участия

в Гражданской войне [8]. На основании анализа документов семейного архива латышского стрелка Карла Яковица Е. Л. Назарова, отмечает заметную роль латышей на начальном этапе Гражданской войны и в процессе формирования Красной армии. Автор приходит к спорному, на наш взгляд, выводу о том, что победа большевиков не зависела от активности национальных меньшинств, а определялась выбором народных масс [9]. В то же время многие вопросы, затрагивающие проблему участия латышей и их роли в событиях Гражданской войны, до сих пор остаются малоизученными.

Обращение внимания на демографическую когорту поколения «революционного перелома» (родившиеся в 1890-е гг.) имеет свое обоснование. В годы Гражданской войны большинству из них было около 20–27 лет, именно они стали наиболее активными участниками революционных преобразований советской власти, играя роль «проводников» политики большевиков в российской провинции. Этому способствовал не только юный возраст, для которого во многом свойственны дух бунтарства и неустойчивость политических взглядов, но и особенности мировоззренческих установок молодого поколения латышей, общественное сознание которых формировалось в условиях активизации российского революционного движения.

Проведенный В. Л. Дьячковым и Л. Г. Протасовым анализ партийного состава провинциальной политической элиты осени 1917 г. показал, что среди всех национальных групп на российском политическом поле латыши были седьмыми, составляя всего 1,5 % [10, с. 41]. Однако примечательно, что подавляющее большинство из них (82,2 %) числилось в социалистических партиях, тогда как большевики из общего числа латышей в составе партийной элиты составляли наиболее многочисленную группу (51,4 %) [10, с. 39]. При этом в общем этническом составе провинциальной партийной элиты РСДРП(б) латыши были четвертыми (4,8 %), уступая только русским (54,5 %), евреям (14,7 %) и украинцам (9,5 %) [10, с. 41]. Учитывая этнический состав партии большевиков накануне Гражданской войны, неудивительно, что многие латыши оказались на стороне «красных».

Миграция латышей в российскую «глубинку» во время Первой мировой войны происходила за счет беженцев, национальный состав которых в 1914–1917 гг. демонстрировал свою

исключительную пестроту. Русские составляли всего 54,4 % от общего количества беженцев, тогда как среди представителей национальных меньшинств латыши оказались вторыми (8,9 %), уступая по численности только полякам (15,5 %). При этом основным местом прибытия бежавших латышей стали регионы Европейской России (97,5 %) [11, с. 102].

После установления советской власти большевики нередко отправляли латышей на места с целью сохранения и укрепления коммунистического режима. В первую очередь это были красные латышские стрелки, доказавшие свою преданность участием в свержении Временного правительства, разгоне Учредительного собрания и подавлении левоэсеровского мятежа. Их боевой опыт оказался востребованным в деле создания в губерниях вооруженных формирований. Так, в июне 1918 г. был сформирован Тамбовский латышский коммунистический отряд. Он имел пулеметную и связную команды, легкую батарею (четыре орудия) и бронированный взвод (два броневика). В отряде было 60 коммунистов [12, д. 27, л. 4].

Уже с осени 1918 г. наблюдается их наплыв в органы управления великорусских губерний. Например, на заседании Тамбовского губернского исполкома 3 декабря 1918 г. заведующий отделом управления И. П. Гучков отмечал, что в губернии проживает до 3500 латышей [12, д. 139, л. 1]. Из национальных меньшинств латышская секция была самая представительная в губернской организации РКП(б). Только в Тамбовском уезде в июле 1919 г. в местном комитете большевиков было 27 латышей [12, д. 139, л. 1]. По информации тов. Гайлита от 5 июля 1920 г., в Тамбове численность латышей составляла порядка 200–300 чел., а всего в губернии их было около 2 тыс. чел. [12, д. 799, л. 4]. К концу августа 1921 пять эшелонов латышей-беженцев было реэвакуировано в Латвию. В Тамбове оставалось около 50 латышей, а в уезде – 20, из них всего 25 коммунистов [12, д. 1335, л. 1, 2].

Примечательно и то, с какой интенсивностью репрессивные и карательные органы Советской республики были подвергнуты кадровой «экспансии» латышей. Историк «красного террора» С. П. Мельгунов по этому поводу заметил: «Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях ЧК. Они служат здесь целыми семьями и являются верными адептами

нового “коммунистического строя”» [13, с. 177]. По состоянию на 25 сентября 1918 г. среди основных работников аппарата ВЧК латыши составляли 35,8 %. По данным О. И. Капчинского, из 372 сотрудников ВЧК 179 (48,1 %) были латышами [14, с. 255]. Так, активистка партии левых эсеров А. Измайлович, находившаяся в московской тюрьме ЧК, вспоминала: «Вся администрация – почти сплошь латыши. Этот революционный когда-то народ теперь специализировался на отхожем промысле шпионства, тюремной охране, провокации и палачестве» [15, с. 120]. И такая метаморфоза была вполне закономерной.

Адепты большевизма

Латыши неслучайно оказались в авангарде среди служащих карательных органов советской власти в годы Гражданской войны. Столь значительная доля латышей поколения «революционного перелома», участвовавших в подавлении антибольшевистских выступлений, во многом обусловлена их заметным преобладанием среди представителей революционного крыла российского общественно-политического движения периода поздней империи. Так, из общего числа членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, родившихся в 1890-е гг., латыши составляли 10,1 %, что многократно превышало их долю в населении Российской империи [16, с. 1239]. Среди всех «малых народов» по степени революционной активности представителей поколения «революционного перелома» латыши занимали «почетное» второе место, уступая пальму первенства лишь евреям (37,4 %), при этом заметно обгоняя украинцев (6,7 %) и белорусов (0,4 %) [16].

Анализ содержания биографических характеристик латышей – политкаторжан изучаемой когорты свидетельствует о том, что значительная их часть знакомилась с революционными идеями в возрасте 14–17 лет [16, с. 1238]. К этому возрасту они, как правило, освобождались от надзора и избыточной опеки со стороны старших родственников и в то же время еще не были связаны семейными узами и соответствующими обязательствами, что упрощало процесс их интеграции в революционное движение. Многие латыши в детские годы стали очевидцами событий Первой русской революции, определивших их будущий революционный настрой. Например, Эмилия Юрьевна Чанке-

Звиргздынынь (1888 г. р.) в своей автобиографии отмечала, что ненависть к существующим порядкам у нее возникла в раннем в детстве в 1904–1905 гг. [17, д. 2209, л. 8]. Юлий Карлович Тиммерман (1888 г. р.) примкнул к революционерам будучи подростком, в 1905 г. был арестован, однако, даже оказавшись в ссылке в Енисейской губернии, вплоть до 1917 г. продолжал вести революционную агитацию среди рабочих [17, д. 2007, л. 5].

При этом частые переходы латышей из одной революционной организации в другую накануне Гражданской войны свидетельствуют о стихийности и поверхностности их взглядов, а сам факт участия в революционной деятельности в большинстве случаев выражал общее недовольство и стремление изменить существующий порядок. Февральские события 1917 г. и последовавшая амнистия политических заключенных открыли возможность для сравнительно молодых латышей-политкаторжан вновь включиться в революционный процесс. В то же время откладывание Временным правительством решения этнических проблем создавало благоприятные условия для дальнейшей радикализации национальных движений.

Неудивительно, что после прихода большевиков к власти многие амнистированные латыши сравнительно быстро получили партийный билет. В частности, абсолютное большинство латышей-политкаторжан рассматриваемого поколения (86,2 %) к середине 1920-х гг. стали членами РКП(б), несмотря на то что до революции многие из них были меньшевиками, эсерами, анархистами и членами латышских национал-социалистических организаций.

Нередко латыши, прошедшие царскую каторгу и ссылку, добивались весьма успешного карьерного роста в условиях становления институтов большевистской власти. Большинство амнистированных латышей стремились получить должность в советских органах власти, в том числе и в карательных отрядах в годы Гражданской войны, очевидно опасаясь возможности возврата к дореволюционным порядкам и утраты «завоеванного» национального равноправия. В частности, политкаторжанин Ян Янович Чума (1891 г. р.) был одним из организаторов Красной гвардии в 1917 г., участвуя в ее рядах в ходе Октябрьского вооруженного восстания под Киевом и Уфой, а затем и в Гражданской войне [18, с. 873]. Не менее Примеча-

телен стремительный карьерный рост Амалии Яновны Аузинь (1890 г. р.), которая фактически сразу после амнистии 1917 г. была избрана в Петроградскую городскую думу, работала в Народном комиссариате по военным делам, а летом 1918 г. была направлена на Южный фронт в качестве члена военно-полевого ревтрибунала [17, д. 81, л. 4–5]. Дважды арестованный за революционную деятельность и убийство полицейского Ян Карлович Берзин (1890 г. р.) после падения монархии стал редактором латышской газеты «Пролетариата Циня», а уже с декабря 1917 г. работал в аппарате ВЧК РСФСР [17, д. 167, л. 5–9]. Таким образом, раннее приобщение к антиправительственной деятельности, вкупе с опытом тюремного заключения (ссылки), стали надежным «капиталом» для начала советской карьеры и достижения жизненного «успеха».

На службе «красному террору»

Формирование органов ЧК на губернском и уездном уровне осуществлялось при самом активном участии представителей этого этнического меньшинства. Так, из 11 членов коллегии Нижегородской ЧК в октябре 1918 г. по меньшей мере шесть были латыши. Только из Тамбовской уездной ЧК, как следует из протокола № 36 от 30 декабря 1918 г., были отчислены в распоряжение ЦК партии большевиков 12 латышей [19, д. 4, л. 10]. Из 20 сотрудников аппарата Тамбовской Губчека в 1919 г. как минимум 7 чел. были латышами [20, д. 1, л. 1–1 об.]. С августа 1918 по октябрь 1921 г. председателем Пензенской Губчека был латыш Рудольф Иванович Аустрин. Он родился в 1891 г. в г. Вольмаре Лифляндской губернии в семье плотника. Окончил два класса церковно-приходской школы, в 1907 г. вступил в Латвийскую социал-демократическую партию, с 1918 г. в РККА руководил обороной Пензы во время мятежа чехословацкого корпуса. В апреле-мае 1918 г. член коллегии Пензенской ЧК, а с марта 1920 г. председатель Пензенского губернского ревтрибунала [21, д. 96, л. 4–6; 21, с. 101–106].

Самое активное участие латыши приняли в подавлении антибольшевистского протеста осени 1918 г. По подсчетам исследователя механизма «красного террора» С. П. Мельгунова, только по двадцати губерниям Центральной России в 1918 г. было зарегистрировано 245 крупных контрреволюционных

выступлений, в подавлении которых использовались латышские стрелки [22, с. 15].

В ноябре 1918 г. в Тамбовской губернии в районе железнодорожных станций Вернадовка – Фитингоф – село Пичаево было поднято крестьянское восстание. Из Пензы на его подавление были отправлены вооруженные отряды интернационалистов, в том числе и латышей. А также и боевая дружина Петроградского трубочного завода в количестве 36 человек во главе с губернским военным комиссаром латышом Л. Х. Фридрихсоном. По окончании операции он докладывал, что участники волнений были расстреляны, а некоторые села за участие в восстании против власти сожжены до основания [23, д. 1, л. 172]. Комиссар Военно-политического штаба Кирсановских вооруженных отрядов т. Рожкалнс участвовал в расстреле зачинщиков крестьянского восстания 10–11 ноября 1918 г. в с. Куровщина Тамбовской губернии [24, д. 24, л. 24 об.]. В декабре 1918 г. «красные» латыши усмиряли восставших крестьян в селах Шацкого уезда Тамбовской губернии, только в Конобеевской волости было расстреляно 40 чел. [25, д. 856, л. 11, 15]. Карательными операциями в конце 1918 г. против восставших крестьян Тамбовского и Козловского уездов руководил Рудольф Августович Петерсон. Родился он в 1897 г. в семье мелкого служащего. Окончил начальное училище. В мае 1916 г. был призван на военную службу и направлен в Латышский запасный стрелковый батальон. С апреля 1918 г. – в Красной армии, в 1919 г. вступил в РКП(б). Очевидно, что красные латышские стрелки, командированные в провинцию, выступили в качестве надежных защитников коммунистического режима.

В рядах карателей

Приведем три биографии латышей-чекистов, наиболее типичные для молодежи этого этнического меньшинства российской провинции революционной эпохи. Изучение анкетных данных наших «героев» позволяет не только воссоздать социальный облик, но и понять суть их жизненных траекторий.

Петр Яковлевич Зугтис родился в крестьянской семье 10 июля 1891 г. в местечке Мериенбург Валкского уезда Лифляндской губернии. В возрасте года был отдан в приют, где находился до 12 лет. Был взят на воспитание известным богачом, который

и дал ему свою фамилию. Окончил Рижское 4-классное городское училище [26, д. 1618, л. 4], в 1912 г. был призван в армию. С 1915 г. – командир кавалерийского взвода 16-го Новоархангельского полка. Был трижды ранен, награжден тремя Георгиевскими крестами. Член партии анархистов в 1910–1917 гг. В партию большевиков был принят 1 ноября 1917 г. Псковской организацией РСДРП(б). С января по апрель 1918 г. – помощник командира 1-го Борисоглебского кавалерийского полка и секретарь ревкома. С апреля 1918 г. по 1920 г. – в Борисоглебском уездной ЧК на разных должностях. С 1920 по 1921 г. – заместитель начальника Тамбовской губернской ЧК, 1921 г. – член коллегии Чебоксарской областной ЧК, 1922 г. – заместитель начальника Самарского ГПУ [26, л. 7].

Любопытные подробности узнаем из его автобиографии. Так, в 1919 г. на Восточном фронте он входил в состав экспедиционного корпуса следователей. Во время рейда генерала Мамонтова в августе 1919 г. оставил в квартире 8-месячного сына, который был убит казаками. В период крестьянского восстания попал к повстанцам в плен, приговорен к расстрелу, но смог бежать. За раскрытие эсеровской организации был награжден золотыми часами. В 1921 г. он был признан доктором Волковым психически больным в г. Чебоксары. За пьянство переведен в кандидаты члена РКП(б) и отбывал в 1922 г. 10-суточный арест в губернском отделе Астраханского ГПУ [26, л. 5, 6 об.].

Другим представителем поколения «революционного перелома» был Ян Томович Лаубе. Родился он 17 октября 1889 г. в Смильтенской волости Валкского уезда Лифляндской губернии, в крестьянской семье. В 1905 г. окончил городское училище. С 1906 по 1911 г. служил помощником аптекаря. В царской армии с 1911 г., а с 1914 г. – младший унтер-офицер на германском фронте. 10 апреля 1917 г. Рижской организацией РСДРП был принят в партию [26, д. 2530, л. 1]. В декабре 1917 г. Я. Т. Лаубе принимал участие в ликвидации Учредительного собрания и охране Таврического дворца. В феврале 1918 г. участвовал в боях с германцами у Пскова, а в июле-августе 1918 г. сражался с чехословаками под Екатеринбургом. В Арзамасе в составе 4-го Латышского стрелкового полка принимал участие в ликвидации крестьянского восстания на ст. Серёже. В сентябре 1918 г. командовал отдельным батальоном Пензенской Губчека,

участвовавшим в подавлении восстаний в Симбирской и Тамбовской губерниях [26, л. 1 об.]. Постановлением Пензенского губисполкома был назначен заведующим отделом ж/д милиции, с июля по сентябрь 1921 г. он занимал должность начальника Пензенской губернской милиции. Переведен в Курск, где с 24 сентября 1921 г. стал заместителем председателя Губернской ЧК, а с 7 декабря 1921 г. – заместителем заведующего губернским отделом управления [26, л. 2–3].

Примером трагического финала карьеры латыша-чекиста служит судьба Артура Вольдемаровича Зегеля. Сын крестьянина Валкского уезда Лифляндской губернии родился в 1897 г. В 1915 г. получил среднее образование, был призван в армию и воевал в составе Латышской стрелковой дивизии. Принимал участие в штурме Зимнего дворца, на фронтах Гражданской войны в составе красных латышских стрелков сражался с войсками Юденича и Краснова. В апреле 1918 г. стал членом партии большевиков, в 1919 г. направлен на работу в столичную ЧК, а в апреле 1920 г. стал начальником Липецкой уездной ЧК [27, с. 25]. В разгар Тамбовского восстания А. В. Зегель был назначен председателем выездной сессии ЧК, действующей в Кирсановском уезде. 28 декабря 1920 г. чекисты во главе с Зегелем были окружены повстанцами вблизи с. Инжавино и в результате боя уничтожены [28, с. 262]. Отношение тамбовских повстанцев к инородцам (евреям и латышам), воевавшим на стороне правительственных, было категорично, в плен их не брали, а расстреливали на месте [29, с. 71].

«Не ищи палача, а ищи латыша!»

«Карающим мечом» революционного правосудия в годы Гражданской войны выступали губернские революционные трибуналы. И в них не обошлось без представителей этого национального меньшинства. Латыши преобладали в следственных комиссиях губернских ревтрибуналов. Так, следователями Вятского РВТ в октябре-ноябре 1918 г. «трудились» А. Ф. Аболин, Г. Я. Кипст, И. И. Кауке, А. П. Гринвальд, А. Д. Иост, Г. Д. Берзин¹.

Еще одним представителем латышской диаспоры, сделавшим «революционную» карьеру в тамбовской провинции,

¹ Позднякова А. С. Деятельность вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2015. С. 72, 74.

был Василий Иванович Рупрехт. Родился он в Курляндской губернии в 1897 г., по социальному происхождению рабочий, окончил два класса начального училища. Вступил в партию большевиков в мае 1917 г., в Тамбовскую организацию принят на учет с апреля 1918 г. [19, д. 813, л. 11, 67]. Показателен его послужной список за период с 1918 по 1920 г.: комиссар штаба продотрядов, комиссар 2-й продовольственной дивизии, комендант тамбовской губернской тюрьмы, заведующий отделом Тамбовского губполитпросвета, политический комиссар 353-го Богучарского стрелкового полка [30, д. 42, л. 294]. В ходе партийной чистки 1921 г. был исключен из рядов ВКП(б) как «закомиссарившийся». В 1922 г. был судим за служебное преступление и получил один год условно [31, д. 600, л. 146]. Это было концом его карьеры, которая находилась на взлете.

В январе 1921 г. был сформирован Тамбовский губернский революционно-военный трибунал (РВТ) членами коллегии которого стали латыши – Рупрехт и Озолин [12, д. 1030, л. 27 об.]. А 12 июля 1921 г. был создан 1-й отдел РВТ армии при командующем войсками Тамбовской губернии. Его председателем был назначен Василий Иванович Рупрехт, а членами коллегии – Ян Рейнович Озолин и Вильгельм Вильгельмович Гребер [30, д. 42, л. 445]. Из личной анкеты Я. Н. Озолина узнаем, что он родился в 1890 г., окончил трехклассное волостное училище, по профессии – столяр. В царской армии с 1911 г. был старшим унтер-офицером. С октября 1918 по январь 1919 г. – командир взвода в батальоне при Симбирской ЧК, после до 20 марта 1919 г. – командир роты в батальоне при Псковской ЧК. Далее его чекистская карьера проходила в Тамбове. Так, с марта 1919 по ноябрь 1920 г., он – командир роты, помощник командира батальона Тамбовской ЧК, а с 20 ноября 1920 г. назначен на службу в РВТ Тамбовской губернии. Здесь же 26 июля 1919 г. он стал коммунистом [30, д. 97. л. 2, 3]. Опять же типичные социальные лифты для представителей изучаемой когорты.

О «результативности» деятельности этих карательных органов можно судить по их отчетам. Так, в период с 25 февраля по 12 апреля 1921 г. РВТ при командующем войсками Тамбовской губернии за «активный бандитизм» было приговорено к расстрелу 34 крестьянина [32, с. 118]. Большинство телеграмм, отправленных из Тамбовского РВТ в адрес Военной коллегии

Верховного трибунала в период с 30 апреля по 21 декабря 1921 г., с сообщениями о смертной казни участников крестьянского восстания были подписаны именно Рупрехтом [33, д. 11, л. 213; д. 15, л. 23, 107]. Власть щедро оплачивала работу палачей. Так, из списка сотрудников 1-го отдела РВТ армии явствует, что месячное жалованье Рупрехта составляло 8500 р., а Озолина – 7300. Сумма их командировочных за участие в 3-й выездной сессии РВТ с 23 января по 8 февраля в Липецк и с. Мордово с 9 февраля по 9 апреля 1921 г. составила по 48300 р. каждому [30, д. 97, л. 19 об., 31].

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование показало значительную роль латышской молодежи «революционного перелома» в событиях Гражданской войны, большинству из которых к тому времени было около 20–27 лет. Анализ просопографических характеристик представителей рассматриваемого поколения показал заметное преобладание среди латышей-коммунистов лиц с начальным образованием. Значительно реже встречались те, кто имел среднее образование, которое в силу начала ранней революционной карьеры часто было незавершенным. По социальному происхождению преобладали выходцы из мещанского сословия, однако были и те, кто родился в крестьянской семье.

Революционные потрясения 1917 г. открыли широкие возможности для горизонтальной и вертикальной мобильности некогда ущемленного в правах «малого народа», многие представители которого, несмотря на свою молодость, к этому времени уже имели внушительный опыт революционной борьбы, будучи членами различных социалистических партий. Опасаясь возможности возврата к дореволюционным порядкам, большинство радикально настроенных латышей устремились на службу в карательные отряды Красной армии. Как показывает содержание проанализированных биографий, активное участие латышей в подавлении антибольшевистских восстаний в российских провинциях и их служба в органах безопасности (ВЧК) нередко использовалось в качестве эффективного социального лифта, способствовавшего быстрому карьерному росту.

Впрочем, проявленная многими латышами «преданность» служению делу революции в период Гражданской войны,

не спасла их от уготованной участи жертв политических репрессий. Несмотря на то что к середине 1930-х гг. большинство латышей поколения «революционного перелома» отошло от активной политики и в целом приняло новую власть, многие из них оказались расстреляны в годы «Большого террора». Только среди латышей-политкаторжан, чьи судьбы нам известны, около половины (44,4 %) были обвинены в контрреволюционной деятельности и приговорены к высшей мере наказания [16, с. 1244]. Как правило, основным мотивом для их обвинения было членство в националистических социалистических партиях, тогда как их заслуги перед правящей партией в послереволюционный период не стали весомым аргументом для оправдания.

Список литературы

1. Панин Е. Н., Гумилина А. М. Латышские стрелки в годы Первой мировой и гражданской войн // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. – 2015. – № 2(6). – С. 74–79. EDN: UKOMOJ
2. Поляков Р. Ю. Иностранцы формирования Красной Армии на территории Пензенской губернии в 1918–1919 гг. // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 917–921. EDN: PKBEEB
3. Абраменко Е. М. Латыши в Псковской губернии в 1920-х гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2006. – № 24. – С. 162–166. EDN: NUAISP
4. Ренёв Е. Г. Латышские стрелки в подавлении Ижевского антибольшевистского восстания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. – 2011. – № 4. – С. 40–48. EDN: OJZOUN
5. Позднякова А. С. Обученные революцией: чекистская семья Лепсис в Вятке (1919 г.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2023. – Т. 8. – № 2. – С. 95–101.
6. Попов Н. В., Клименко И. М. В. К. Ансвенсул – латышский стрелок и первый декан исторического факультета Свердловского пединститута // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 2. – С. 14–20.
7. Шахтарин Г. А. Латыши в гражданской войне в России // Человек и общество в нестабильном мире: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 26 февраля 2019 года / отв. ред. Г. И. Тюменцева. – Омск: Омская юридическая академия. 2019. – С. 212–220. EDN: BRGROS
8. Нам И. В. Латышские организации в Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) // Россия и Балтия. – М.: Наука, 2008. – Т. 5. – С. 139–176. EDN: TDSPQD
9. Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // Россия и Балтия. Источники и миф в истории. – М.: ООО "Издательство "Весь Мир", 2020. – Т. 9. – С. 143–186. EDN: PLOUXE
10. Дьячков В. Л., Протасов Л. Г. Политики российской провинции начала XX века: опыт изучения электронной базы данных // Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 21–42.
11. Михалев Н. А., Пьянков С. А. Беженцы первой мировой войны в российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4(49). – С. 95–105. EDN: UYJSPX.
12. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П – 840. Оп. 1.

13. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП «РУССО», 1990. 208 с.
14. Капчинский О. И. Госбезопасность изнутри: национальный и социальный состав. М.: Эксмо, 2005. 383 с.
15. Измаилов А. А. Семь недель в ВЧК // Кремль за решеткой: Подпольная Россия. Berlin, 1922. С. 106–138.
16. Безгин В. Б., Якимов К. А. Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» начала XX века // Вестник архивиста. – 2022. – № 4. – С. 1235–1247. DOI 10.28995/2073–0101–2022–4–1235–1247. EDN: BGNWYJ
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 2.
18. Политическая каторга и ссылка. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1934. 878 с.
19. ГАСПИТО. Ф. П – 842. Оп. 1.
20. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 2983. Оп. 1.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 124. Оп. 1.
22. История латышских красных стрелков. От первых марксистов до генералов КГБ. Биографический справочник. М.: Родина, 2021. 512 с.
23. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р – 2381. Оп. 1.
24. ГАСПИТО. Ф. П – 837. Оп. 1.
25. ГАТО. Ф. Р – 5201. Оп. 2.
26. ГАСПИТО. Ф. П – 840. Оп. 2.
27. Смирнов Д. М. Записки чекиста. Минск: Беларусь. 1965. 265 с.
28. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов: Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007. 800 с.
29. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
30. ГАТО. Ф. Р – 4705. Оп. 3.
31. ГАСПИТО. Ф. П. – 735. Оп. 1.
32. Безгин В. Б., Парахин С. А. Расстрелы крестьянских повстанцев и сельских заложников в Тамбовской губернии 1918–1921 гг. // История: факты и символы. – 2021. – № 4(29). – С. 113–125. DOI 10.24888/2410–4205–2021–29–4–113–124. EDN: VQNHFL
33. ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

The "Revolutionary Breakthrough" Generation Latvians in Everyday Life of the Russian Provinces During the Civil War

Vladimir B. Bezgin, Kuzma A. Yakimov

The article is aimed to study the participation of Latvians of Russian province in the events of the Civil War. The study of their role in the revolutionary everyday life is carried out by applying the concept of the "generation of the revolutionary turning point" and the methods of social history, prosopography and ethnopsychology. Using

the example of the destinies of representatives of the studied cohort, the behavioral models and career trajectories of Latvians in the revolutionary era are considered. By analyzing the biographical characteristics of Latvian political prisoners, the ways of integration of adolescents of this ethnic minority into the revolutionary movement are established. Particular attention is paid to study of the problem of service of Latvians in the provincial Cheka and revolutionary tribunals. Based on the autobiographies and questionnaires of Latvian communists, the age, social origin, level of education, profession, military service, as well as their positions in the punitive and repressive organs of the Soviet government are established. It is concluded that the significant proportion of Latvians of the considered generation in the punitive organs of the Soviet power and among the Red Army soldiers was due to their noticeable percentage on the eve of the Civil War both among the Bolsheviks and among representatives of other socialist parties. It is shown that for many radically minded Latvians, participation in the Civil War became an opportunity to achieve rapid career growth in the conditions of the formation of Soviet authorities and coercion.

Key words: Latvians, Civil War, Russian province, everyday life, extraordinary commission, revolutionary tribunal.

Acknowledgments: The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF) No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

For citation: Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2024) *Latyshi pokoleniya «revolyucionnogo pereloma» v obydennosti rossijskoj provincii perioda Grazhdanskoj vojny* [The "Revolutionary Breakthrough" Generation Latvians in Everyday Life of the Russian Provinces during the Civil War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 59–75. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_59. EDN: DUFCCN

References

1. Panin, E. N., Gumilina, A. M. (2015) *Latyshskie strelki v gody Pervoj mirovoj i grazhdanskoj vojn* [Latvian Riflemen during the First World War and the Civil War]. *Vyzovy global'nogo mira. Vestnik IMTP* [Challenges of the global world. Bulletin of the Institute of Theoretical and Applied Mathematics]. No. 2 (6). Pp. 74–79. EDN: UKOMOJ. (In Russ.)
2. Polyakov, R. Yu. (2012) *Inostrannye formirovaniya Krasnoj Armii na territorii Penzenskoj gubernii v 1918–1919 gg.* [Foreign formations of the Red Army on the territory of the Penza province in 1918–1919]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* [News of V. G. Belinsky PSPU]. No. 27. Pp. 917–921. EDN: PKBEEP. (In Russ.)
3. Abramenko, E. M. (2006) *Latyshi v Pskovskoj gubernii v 1920-h gg.* [Latvians in the Pskov province in the 1920s]. *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal* [Pskov. Scientific and practical, historical and local history journal]. No. 24. Pp. 162–166. EDN: NUAISP. (In Russ.)
4. Renyov, E. G. (2011) *Latyshskie strelki v podavlenie Izhevskogo antibol'shevistskogo vosstaniya* [Latvian Riflemen in the Suppression of the Izhevsk Anti-Bolshevik Uprising]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. No. 4. Pp. 40–48. (In Russ.)
5. Pozdnyakova, A. S. (2023) *Obuchennye revolyuciej: chekistskaya sem'ya Lepsis v Vyatke (1919 g.)*. [Trained by the Revolution: the Chekist Lepsis Family in Vyatka (1919)]. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya «Obshchestvo. I istoriya. Sovremennost'»* [Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"]. No. 2. Pp. 95–101. (In Russ.)
6. Popov, N. V., Klimenko, I. M. (2020) *V. K. Ansvensul – latyshskij strelok i pervyj dekan istoricheskogo fakul'teta Sverdlovskogo pedinstitutu*. [V. K. Ansvensul – Latvian shooter and the first dean of the history department of the Sverdlovsk Pedagogical Institute]. No. 2. Pp. 14–20. (In Russ.)
7. Shakhtarin, G. A. (2019) *Latyshi v grazhdanskoj vojne v Rossii* [Latvians in the Civil War in Russia]. *CHelovek i obshchestvo v nestabil'nom mire: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Omsk, 26 fevralya 2019 goda* [Man and Society in an Unstable World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Omsk, February 26, 2019]. Editor-in-Chief G. I. Tyumentseva. Omsk: Omsk Law Academy. Pp. 212–220. EDN: BRGROS. (In Russ.)

8. Nam, I. V. (2008) *Latvyskšie organizacii v Sibiri v usloviyah revolyucii i grazhdanskoj vojny (1917–1919 gg.)* [Latvian organizations in Siberia during the revolution and civil war (1917–1919)]. *Rossiya i Baltiya* [Russia and the Baltics]. No. 5. Pp. 139–176. EDN: TDSPQD. (In Russ.)

9. Nazarova, E. L. (2020) *Latvyski v russkoj revolyucii. Sud'ba Karla Yakovica* [Latvians in the Russian Revolution. The Fate of Karl Yakovits]. *Rossiya i Baltiya. Istochnik i mif v istorii* [Russia and the Baltics. Source and Myth in History]. Vol. 3. Pp. 143–186. EDN: PLOUXE. (In Russ.)

10. Dyachkov, V. L., Protasov, L. G. (2014) *Politiki rossijskoj provincii nachala XX veka: opyt izucheniya elektronnoj bazy dannyh* [Politicians of the Russian provinces of the early 20th century: an experience of studying an electronic database]. *Politicheskie deyateli rossijskoj provincii ot epohi Nikolaya II do Stalina* [Political figures of the Russian provinces from the era of Nicholas II to Stalin]. Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin. Pp. 21–42. (In Russ.)

11. Mikhalev, N. A., Pyankov, S. A. (2015) *Bezheny pervoj mirovoj vojny v rossijskoj imperii: chislennost', razmeshchenie, sostav* [Refugees of the First World War in the Russian Empire: Number, Location, Composition]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 4 (49). Pp. 95–105. EDN: UYJSPX. (In Russ.)

12. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii Tambovskoj oblasti* (hereinafter – GASPITO) [State Archive of Socio-Political History of Tambov Region]. F. P – 840. Op. 1.

13. Melgunov, S. P. (1990) *Krasnyj terror v Rossii. 1918–1923* [Red Terror in Russia. 1918–1923]. Moscow: SP "PUICO". (In Russ.)

14. Kapchinsky, O. I. (2005) *Gosbezopasnost' iznutri: nacional'nyj i social'nyj sostav* [State security from within: national and social composition]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

15. Izmailovich, A. A. (1922) *Sem' nedel' v VCHK* [Seven Weeks in the Cheka]. *Krem' za resh-etkoj: Podpol'naya Rossiya* [The Kremlin Behind Bars: Underground Russia]. Berlin. Pp. 106–138. (In Russ.)

16. Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022) *Social'no-demograficheskij portret politikatorzhan pokoleniya "revolyucionnogo pereloma" nachala XX veka.* [Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the "revolutionary turning point" of the early 20th century]. *Vestnik arhivista* [Herald of the Archivist]. No. 4. Pp. 1235–1247. EDN: BGNWYJ. (In Russ.)

17. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (hereinafter – GARF) [State Archives of the Russian Federation]. F. 533. Op. 2.

18. *Politicheskaya katoga i ssylka* (1934) [Political hard labor and exile]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political prisoners and Exiled settlers. (In Russ.)

19. GASPITO. F. P – 842. Op. 1.

20. *Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti* (hereinafter – GATO) [State Archives of Tambov Region]. F. 2983. Op. 1.

21. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii* (hereinafter – RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 124. Op. 1.

22. *Istoriya latvyskikh krasnyh strelkov. Ot pervykh marksistov do generalov KGB. Biograficheskij spravochnik* (2021) [History of the Latvian Red Rifleman. From the First Marxists to KGB Generals. Biographical Handbook]. Moscow: Rodina. (In Russ.)

23. *Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archives of the Voronezh Region] F. R – 2381. Op. 1.

24. GASPITO. F. P – 837. Op. 1.

25. GATO. F. R – 5201. Op. 2.

26. GASPITO. F. P – 840. Op. 2.

27. Smirnov, D. M. (1968) *Zapiski chekista* [Notes of a Chekist]. Minsk: Belarus. (In Russ.)

28. «Antonovshchina». *Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya* (2007) ["Antonovshchina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920–1921: Documents, materials, memoirs]. State archive of the Tambov region and others. Tambov: Department of Culture and Archives of the Tambov Region. (In Russ.)

29. Samoshkin, V. V. (2005) *Antonovskoe vosstanie* [Antonov Uprising]. Moscow: Russian Way. (In Russ.)

30. GATO. F. R – 4705. Op. 3.

31. GASPITO. F. P – 735. Op. 1.

32. Bezgin, V. B., Parakhin, S. A. (2021) *Rasstrely krest'yanskikh povstancov i sel'skikh zalozhnikov v Tambovskoj gubernii 1918–1921 gg.* [Executions of peasant rebels and rural hostages in the Tambov

province in 1918–1921]. *Istoriya: fakty i simvolyy* [History: facts and symbols]. No. 4 (29). Pp. 113–125. EDN: VQNHFL. (In Russ.)

33. GARF. F. 1005. Op. 1.

Об авторах

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация; e-mail: vladuka62@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7074-6823

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация; e-mail: gnom-gnom123@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-1756-3515

About the authors

Bezgin Vladimir B., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation; e-mail: vladuka62@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7074-6823

Yakimov Kuzma A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation; e-mail: gnom-gnom123@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-1756-3515

Статья поступила в редакцию 04.10.2024

Одобрена после рецензирования 22.10.2024

Принята к публикации 25.10.2024

Этноконфессиональные особенности в брачности сельского населения Южного Урала (конец XIX – начало XX в.)

Ш. Н. Исянгулов

В статье рассматриваются этноконфессиональные особенности в брачности сельского населения Оренбургской и Уфимской губерний в конце XIX – начале XX в. Краткий анализ научной литературы показывает недостаточную изученность данной темы. Основными источниками для статьи стали статистические материалы о брачности сельского населения, опубликованные в сериях «Статистика Российской империи», «Статистический ежегодник России», а также в местных изданиях «Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии...». В местных публикациях статистических источников давались более подробные сведения о брачности населения, в частности по Уфимской губернии. Поликонфессиональный состав сельского населения Южного Урала во многом определял и особенности коэффициента брачности: у православных в Оренбургской губернии, состоявших в основном из русских, он был высоким, у мусульман – чуть ниже. В Уфимской губернии уровень брачности наоборот был выше у мусульман. В статье рассматриваются конфессиональные особенности вступления в брак по возрасту.

Ключевые слова: брачность, сельское население, Южный Урал, этноконфессиональные особенности.

Для цитирования: Исянгулов Ш. Н. Этноконфессиональные особенности в брачности сельского населения Южного Урала (конец XIX – начало XX в.) // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 76–89. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_76. EDN: GIERZX

Введение

Одним из важных демографических показателей является брачность населения. Стабильность брака зависит от многих факторов: демографических, социально-экономических, политико-правовых, религиозных и др. В современной России отмечается относительно низкий уровень брачности населения, повышение среднего возраста вступления в брак, увеличение числа незарегистрированных браков, их частый распад, что в свою очередь отрицательно влияет на другие показатели: коэффициент рождаемости и др. Государство предпринимает определенные меры по сохранению традиционных ценностей в семейно-брачных отношениях в стране. В условиях кризиса современной семьи растет научный интерес к эволюции брачности населения, в том числе сельского, в прошлом особенно в дореволюционный период.

В историко-этнографической литературе конца XIX – начала XX в. значительное внимание уделялось ранним бракам, явлению многоженства у мусульман края, семейно-брачным обычаям и др. [1; 2, с. 11; 3, с. 141–142; 4; 5, с. 42]. На основе изучения статистических материалов написаны работы врачей М. М. Кенигсберга, Э. И. Гиккеля [6; 7]. В советский период этнографами изучался брак лишь у башкирского населения [8 и др.]. Между тем в отечественной историографии в 1960-е гг. возродился интерес к демографическим проблемам прошлого [например, см.: 9; 10]. В постсоветский период происходит рост исследований в данной области [11, с. 48–59; 12, с. 48–63; 13 и др.]. Изучением эволюции восточноевропейского типа брачности после работы Дж. Хаджнала занимаются и за рубежом [14; 15; 16 и др.]. Появились исследования и по Южному Уралу [17, с. 15–18; 18 и др.]. Однако специальных работ, в которых рассматривались религиозные и национальные особенности в брачности сельского населения Южного Урала, с конца XIX в. по 1917 г. не было.

В данной работе исследуются этноконфессиональные особенности в брачности сельского населения Оренбургской и Уфимской губерний в конце XIX – начале XX в. Для достижения данной цели рассматриваются этноконфессиональный состав населения, уровень брачности на селе, возраст вступления в брак.

Основными источниками для данной статьи стали статистические материалы о брачности сельского населения, опубли-

кованные в сериях «Статистика Российской империи», «Статистический ежегодник России», а также в местных изданиях, таких, как «Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии...». Дело в том, что в местных изданиях давались более подробные сведения о брачности населения. В частности, в Уфимской губернии земские органы с начала XX в. занимались дополнительной обработкой статистических материалов по естественному движению населения по более расширенной программе, результаты которых публиковались в ежегодных «Хозяйственно-статистических обзорах Уфимской губернии...». Так, к началу XX в. уфимским губернским земством брачующиеся по семейному положению делились не на четыре, как в серии «Статистика Российской империи», а на 11 групп. В центральном издании Центрального статистического комитета МВД (ЦСК МВД) отдельно не выделялись бракосочетания разведенных лиц, а также полигамные браки, характерные для мусульман и язычников края. Между тем более дробные сведения о брачующихся в местных изданиях дают возможность изучения дополнительных вопросов: распространенности разводов, полигамии и др. По ряду лет сохранились неопубликованные сведения о брачности сельского населения Уфимской губернии по конфессиональным группам в Национальном архиве Республики Башкортостан. По оренбургской деревне данные в архивах не обнаружены. В качестве дополнительных источников в статье привлекаются и этнографические материалы.

Исходя из специфики источников, в работе используются статистический и историко-сравнительный методы исследования.

Этноконфессиональный состав населения

В 1897 г. 90,5 % населения в Оренбургской губернии было сельским, 95,1 % – в Уфимской. В 1897 г. в Оренбургской губернии большинство сельского населения составляли русские с украинцами и белорусами (72,8 %). Соответственно, 73,2 % сельчан являлись православными (с единоверцами). Более 95 % православных на селе составляли представители восточнославянских народов, 3,3 % – мордва. Тюркские народы были представлены башкирами (17,4 %), татарами (4,6), тептярями (1,2), мещеряками (0,3), чувашами (0,3), казахами (0,3), в большинстве являющимися мусульманами.

В Уфимской губернии, наоборот, большинство сельчан составляли представители тюркских народов: башкиры – 42,8 %, татары – 8,4, тептяри – 1,9, мещеряки – 1, чувашаи – 2,9 %. Второе место по удельному весу составляли русские с украинцами (35,8 %). Финно-угорские народы были представлены марийцами (3,8 %), удмуртами (1,1), мордвой (1,8). Более половины сельского населения были мусульманами (51,8 %), далее шли православные с единоверцами – 41,8, представители других нехристианских исповеданий (в основном, язычники) – 4,7 % и др. Язычниками были марийцы и удмурты. Следует обратить внимание на полиэтничный характер сельского православного населения Уфимской губернии. Русские с украинцами составляли чуть более 82 % православных, чувашаи – 6,7, татары и башкиры – 6,1, мордва – 4,1 % [19, с. 1, 3, 26–27, 54–61; 20, с. 1, 3, 182–183; 21, с. 38–45]. Поликонфессиональный и полиэтничный состав сельского населения края обусловил сосуществование различных типов брачного поведения.

Уровень брачности

Брачность сельского населения на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. находилась на высоком уровне. Она была выше показателей по Европейской России, где уровень брачности в среднем в 1897–1911 гг. составлял 8,6 ‰ [13, с. 12]. Вплоть до 1910 г. на селе в Оренбургской губернии коэффициент брачности оставался выше 10 промилле. Чуть ниже он был в Уфимской губернии. С 1911 г. отмечается снижение уровня брачности. [Здесь и далее рассчитано по: 22, с. 2; 23, с. 1, 40; 24, с. 2, 40; 25, с. 72–75, 84–85; 26, с. 72–75, 84–85; 27, с. 72–75, 84–85; 28, с. 72–75, 84–85; 29, с. 72–75, 84–85; 30, с. 72–75, 84–85; 31, с. 72–75, 84–85; 32, с. 72–75, 84–85; 33, с. 72–75, 84–85; 34, с. 72–75, 84–85; 35, с. 72–75, 84–85; 36, с. 72–73, 84–85; 37, с. 74–75, 86–87; 38, с. 72–75, 84–85; 39, с. 72–75, 84–85; 40, л. 82, 86; 41, л. 104–107; 42, л. 1 об., 2 об.; 43, с. 738–739, 746; 44, с. 661; 45, с. 823; 46, л. 1, 9, 21, 23, 33, 38; 47, л. 6–7].

У православного населения Оренбургской губернии уровень брачности был несколько выше, чем у мусульман. В 1896–1900 гг. у православных с единоверцами в Оренбургской губернии он составлял 11,6 ‰, в 1901–1905 гг. – 11,4, в 1906–1910 гг. – 11,6, у мусульман, соответственно, 10,8; 10,5 и 9,7 ‰.

На селе уровень брачности у православных и мусульман был примерно таким же или чуть ниже.

В Уфимской губернии ситуация была несколько иной: наиболее высокий уровень брачности отмечается у мусульманского населения, чуть меньше – у православного с единоверцами. Так, у православных с единоверцами в Уфимской губернии в 1896–1900 гг. общий коэффициент брачности составлял 8,9‰, в 1901–1905 гг. – 8,9, а в 1906–1910 гг. – 9,3, в 1914 г. – 7,0, у мусульман, соответственно, 12,0; 12,2; 12,9 и 10,1‰, у язычников – 8,9; 9,4; 9,6 и 6,3‰. Все эти коэффициенты относятся ко всему населению губерний (за исключением язычников, которые являлись исключительно сельскими жителями). С 1911 г. началось снижение уровня брачности в связи с голодом, недородом, а затем и с Первой мировой войной. К 1914 г. (по сравнению с 1910 г.) коэффициент брачности снизился у мусульман на 21,1%, у православных – на 23,9, у язычников – на 26,7%. В сельской местности у православных и мусульман уровень брачности можно определить лишь за отдельные годы. Так, у мусульман в уфимской деревне он был следующим: в 1908 г. – 13,0‰, в 1909 г. – 13,1, в 1911 г. – 10,9, в 1914 г. – 10,1‰, у православных (с единоверцами), соответственно, 9,2; 8,9; 7,6; 7,0‰ [47, л. 6–7; 48; 49, л. 4; 50, л. 2 об.]. Эти цифры, в свою очередь, совпадают с общегубернскими показателями.

Еще в дореволюционный период исследователи заметили, что в восточных губерниях империи, в том числе в Оренбургской и Уфимской, уровень брачности населения выше, чем в западных и центральных [51, с. 40]. Известный демограф А. Г. Вишневский отнес обе южноуральские губернии к группе окраинных земледельческих, колонизировавшихся в пореформенный период. Для населения данной группы губерний были характерны ранняя и почти всеобщая брачность [10, с. 108–120]. Постоянный приток переселенцев, являвшихся в основном русскими по национальности, повышал процент людей брачного возраста, в результате на высоком уровне оставалась и брачность населения.

Основным занятием русского (православного) населения края являлось сельское хозяйство, основанное на земледельческом труде. В хозяйстве многое значило наличие рабочих рук, в связи с этим крестьяне предпочитали поскорее женить сыновей [9, с. 91–92]. Обычай ранней женитьбы и раннего замужества

в конце концов и давал высокий уровень брачности, особенно наглядно проявлявшийся в Оренбургской губернии, в которой доминировало русское население. Для финно-угорских и тюркских народов, скорее наоборот, была характерна относительно поздняя брачность. Скорее всего, именно поэтому в Уфимской губернии, в которой православное население было полиэтничным, уровень брачности был ниже.

Мусульманское население Уфимской губернии на протяжении жизни вступало в браки более интенсивно, чем православное. Повторные браки у мусульман составляли значительный процент, что обеспечивало высокий уровень брачности. В Оренбургской губернии на коэффициент брачности оказывала влияние традиция поздней женитьбы.

В целом на уровень брачности влияло множество факторов, в том числе этноконфессиональные семейные обычаи и традиции.

Возраст вступления в брак

Судя по этнографическим материалам, в деревне на Южном Урале к началу XX в. сложилось несколько типов брачного поведения: 1) ранние браки (до 20 лет) как для юношей, так и для девушек (характерно, прежде всего, для русского населения); 2) ранний – для мужчин, поздний – для девушек (язычники, отчасти – русские); 3) поздний – для юношей, ранний – для девушек (башкиры, татары) [1, с. 53; 2, с. 11; 18, с. 290–292; 3, с. 141–142; 4, с. 217; 5, с. 42; 8, с. 217].

Статистические материалы свидетельствуют, что в оренбургской деревне в ранние браки в возрасте до 20 лет вступали половина юношей и более 3/4 девушек. Около четверти мужчин женилось в 21–25 лет. Интересным моментом является то, что в годы Первой мировой войны доля ранних браков до 20 лет у юношей выросла, по сравнению с 1906–1910 гг., на 5,1 пункта, тогда как у девушек она практически не изменилась. Очевидно, увеличение доли ранних браков у мужчин объясняется стремлением семьи получить дополнительные рабочие руки перед возможной отправкой жениха в армию. Неизменность же доли девушек в возрасте до 20 лет объясняется, по нашему мнению, тем, что некоторая часть юношей, действительно женилась на девушках старше себя. Подобное демографическое поведе-

ние было характерно прежде всего для русского крестьянства [9, с. 91–92]. Действительно, в Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в. около половины юношей-православных (с единовременцами) вступало в брак в возрасте до 20 лет и более 70 % – девушек, в возрасте 21–25 лет, соответственно 25 и 15 %. Для юношей-мусульман Оренбургской губернии были характерны поздние браки: до 20 лет вступало в брак лишь 13–14 % юношей, в 21–25 лет – 37 %, в 26–30 лет – 21–22 %, в 31 год и старше – 26 %.

Несколько иная ситуация складывалась в сельской местности Уфимской губернии. В конце XIX – начале XX в. здесь до 20 лет женилась лишь пятая часть юношей, и выходила замуж чуть более половины девушек. Основная часть мужчин вступала в брак в возрасте 21–25 лет, да и процент девушек, вышедших замуж в этом возрасте, в два и более раза больше, чем в оренбургской деревне. Намного выше также доля мужчин, женившихся в возрасте 26 лет и старше. С 1911 г. в связи с неурожаем и голодом отмечалось повышение доли как юношей, так и девушек, вступающих в брак до 20 лет.

Так, 40 % юношей-православных в Уфимской губернии женилось до 20 лет, 35 % – в 21–25 лет, 13–14 % – в 26–30 лет. С 1906 г. наметилась тенденция снижения доли ранних браков у мужчин. Ниже, чем в Оренбургской губернии, был и процент девушек-православных, вышедших замуж в возрасте до 20 лет – около 60 %, 27–30 % женщин-православных вступали в брак в 21–25 лет.

Ранние браки (до 20 лет) у юношей-мусульман в Уфимской губернии ниже, чем в Оренбургской, и составляли чуть более 7 %, и с 1906 г. имели тенденцию к снижению. 40–45 % мусульман женилось в 21–25 лет, 24 % – в 26–30 лет. До 20 лет выходила замуж от 50 до 60 % девушек.

За отдельные годы имеется возможность рассмотреть возраст вступления в брак по вероисповеданиям в уфимской деревне. В целом они совпадают с общегубернскими показателями. Особо необходимо сказать о язычниках. Так, 15–18 % юношей-язычников женилось до 20 лет, 41–42 % – в 21–25 лет (в 1900–1902 гг.), 24–26 % – в 26–30 лет. Девушки-язычницы вступали в брак позднее, чем православные и мусульманки: до 20 лет – 35–38 % (в 1900–1903 гг.). Процент ранних браков в 1908–1909 гг. снизился до 25–27 %. Половина девушек вступали в брак в возрасте 21–25 лет.

Таким образом, вопреки этнографическим сведениям, ранние браки у юношей-язычников были немногочисленными, большинство из них женилось после 20 лет. Необходимость платить калым за невесту у мусульман и язычников приводила к тому, что парни у них вступали в брак поздно, обычно после службы в армии. У православного же крестьянства, занимающегося тяжелым земледельческим трудом (который требовал много рабочих рук), укоренился обычай ранней женитьбы, особенно ярко проявлявшийся в оренбургской деревне. В Уфимской губернии процент поздних браков увеличивался, скорее всего, за счет финно-угорских и тюркских народов – православных по вероисповеданию.

Обсуждение и выводы

Таким образом, большинство сельского населения Оренбургской губернии составляли русские (православные по вере), и лишь чуть более пятой части – представители других народов (в основном башкиры – мусульмане), тогда как уфимская деревня была значительно более полиэтничной.

Уровень брачности в сельской местности на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. оставался высоким, особенно у русского населения. Он определялся ранней брачностью как у мужской, так и у женской половины населения, что было особенно заметно в оренбургской деревне. Тогда как в Уфимской губернии из-за многонационального состава православного населения коэффициент брачности был несколько ниже, чем у мусульман. Большая интенсивность браков у мусульман в Уфимской губернии, чем у православных, была обусловлена, скорее всего, значительным процентом повторных браков. Именно данным обстоятельством, возможно, объясняется более высокий уровень брачности у мусульман, чем у православных, в этой губернии. В Оренбуржье сыграли свою роль поздние браки у юношей-мусульман.

Ранние браки (до 20 лет) были характерны для православных как парней, так и девушек. При этом в Уфимской губернии их процент был ниже, чем в Оренбургской губернии. Подобное матримониальное поведение, очевидно, было тесно связано с земледельческим бытом сельского православного населения края, требовавшего много рабочих рук. Такое же

положение имело место в центрально-земледельческих губерниях Европейской России.

Мусульмане-юноши в основном женились позднее, после службы в армии из-за существования института калыма, на уплату которого иногда уходило несколько лет. Также вопреки этнографическим сведениям немногочисленны ранние браки у юношей-язычников. До 20 лет вступала в брак большая часть мусульманок. Однако в Уфимской губернии их доля была ниже, чем в Оренбургской, что было связано, скорее всего, с сохранением пережитков полукочевого быта у башкир в последней. Относительно поздние браки (после 20 лет) были характерны для язычниц, что согласуется с этнографическими материалами.

В целом укоренившиеся предписания религиозных канонов, народных традиций обуславливали этноконфессиональные особенности в брачности сельского населения Южного Урала, которые влияли, в свою очередь, на социально-демографические факторы: распространенность ранних или относительно поздних браков, повторных бракосочетаний и др. Значительное влияние на состояние брачности сельского населения оказывали также социально-экономические и политические процессы, некоторые из которых здесь были только обозначены, однако они требуют специального изучения.

Список литературы

1. Колесников М. В. Этнографические очерки русского населения Уфимской губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. // «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М. И. Роднов. – СПб.: Свое издательство, 2015. С. 45–119.
2. Кривошеков А. Обряды и обычаи Оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1915. – № 1. Научный отдел. – С. 9–27.
3. Смирнов Н. И. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография императорского университета, 1890. 358 с.
4. Юлуев Б. М. К этнографии башкир (свадебные обряды в Орском уезде Оренбургской губернии) // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 2–3. – С. 216–224.
5. Зорин Б. Свадебные обычаи и обряды у татар Оренбургской и Уфимской губерний // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1912. – № 2. Научный отдел. – С. 42–51.
6. Кенигсберг М. М. Санитарное состояние Оренбургской губернии по данным естественного движения за трехлетие 1897–1899 гг. Т. 1. Ч. 1. Оренбург: Губернская типо-литография, 1901. 114 с.
7. Гиккель Э. И. Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии. Вып. 1. Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897–1911 гг. Уфа: Электротипография «Печать», 1916. 80 с.
8. Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с. EDN: XXGBXD

9. Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сборник статей / под ред. А. Г. Вишневского.* – М.: Статистика, 1977. – С. 83–104. EDN: VHFVEB

10. Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: сборник статей / под ред. А. Г. Вишневского.* – М.: Статистика, 1977. – С. 105–134.

11. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 462 с. EDN: PXOJML

12. Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.-Тула: Гриф и К, 2009. 296 с. EDN: QBPQQL

13. Морозов С. Д. Мужчины и женщины России на рубеже XIX–XX вв.: тенденции брачности // *Женщина в российском обществе.* – 2012. – № 2(63). – С. 9–15. EDN: PAXQCN

14. Хаджнал Д. Европейский тип брачности в ретроспективе // *Брачность, рождаемость, семья за три века: сборник статей / под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона.* – М.: Статистика, 1979. – С. 14–70.

15. Коллентур Х. А., Пайпинг Р. Возраст вступления в первый брак в Нидерландах и России, 1730–1905: традиции или социально-экономические обстоятельства // *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы международной конференции (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев.* – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – С. 43–57.

16. Ли Чжэнван (Константин Ли). Всеобщий и ранний брак: брачные представления и поведение русских крестьян XVIII–XIX вв. // *Вопросы истории.* – 2022. – № 6(1). – С. 34–48. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202206Statyi16. EDN: SWESGN

17. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века: в 2 т. Т. I. Уфа: Гилем, 2006. 240 с. EDN: QPELUN

18. Годовова Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 464 с. EDN: WIQDMS

19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Т-ва художественной печати», 1904. XX, 173 с.

20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 1. СПб.: Типография СПб. общества печного дела в России Е. Евдокимов, 1901. 186 с.

21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Типография М. Д. Ломковского, 1904. XII, 189 с.

22. Статистический ежегодник России. 1913 г. (Год десятый) Пг.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1914. XVI. 438 с.

23. Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый). Пг.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1915. XVIII, 670 с.

24. Статистический ежегодник России. 1915 г. (Год двенадцатый). Пг.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1916. IX, 604 с.

25. Движение населения в Европейской России за 1896 год. СПб.: Товарищество художественной печати, 1899. VI, 211 с.

26. Движение населения в Европейской России за 1897 год. СПб., 1900. XVI, 211 с.

27. Движение населения в Европейской России за 1898 год. СПб.: Типография «Т-ва художественной печати», 1903. VI, 211 с.

28. Движение населения в Европейской России за 1899 год. СПб.: Типография «Т-ва художественной печати», 1904. VI, 210 с.

29. Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб.: Центральная типо-литография М. Я. Минкова, 1906. X, 211 с.

30. Движение населения в Европейской России за 1901 год. СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1906. XXI, 248 с.

31. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 год. СПб.: Типография «Друкарь», 1907. XXII, 277 с.

32. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской и Семипалатинской областях за 1903 год. СПб.: Типография Т-ва «Ш. Буссель Н-ки», 1909. XXIII, 277 с.

33. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Иркутской и Енисейской за 1904 год. СПб.: Типография Т-ва «Ш. Буссель Н-ки», 1911. XXI, 277 с.

34. Движение населения в Европейской России за 1905 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1914. XVI, 249 с.

35. Движение населения в Европейской России за 1906 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1914. XVI, 249 с.

36. Движение населения в Европейской России за 1907 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1914. XVI, 249 с.

37. Движение населения в Европейской России за 1908 год. Пг.: Типография Петроградской одиночной тюрьмы, 1914. XVI, 256 с.

38. Движение населения в Европейской России за 1909 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1914. XVI, 249 с.

39. Движение населения в Европейской России за 1910 год. Пг.: Типография штаба Петроградского военного округа, 1916. XVI, 249 с.

40. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 4. Д. 654.

41. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 677.

42. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 711.

43. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1911 год. Уфа: Паровая типо-литография Н. В. Шаровкина, 1912. 756 с.

44. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа: Паровая типо-литография Н. В. Шаровкина, 1914. 693 с.

45. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа: Паровая типо-литография Т-го Д-ма Н. В. Шаровкин и К", 1913. 856 с.

46. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-148. Оп. 1. Д. 20.

47. НА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 27.

48. НА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 50.

49. НА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 51.

50. НА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 53.

51. Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Ч. II. Пг.: Изд. К. Л. Риккера, 1916. С. 14–94.

Ethno-Confessional Peculiarities in the Marriage Rate of the Southern Urals Rural Population (Late 19th – Early 20th Century)

Shamil N. Isyangulov

The article examines ethno-confessional features in the marital status of the rural population of the Orenburg and Ufa provinces in the late 19th – early 20th centuries. A brief analysis of the scientific literature shows the insufficient knowledge of this topic. The main sources for this article are statistical materials on the marital status of rural population, published in the series "Statistics of the Russian Empire", "Statistical Yearbook of Russia", as well as in local publications "Economic and Statistical Review of the Ufa province...". Local publications of statistical sources provided more detailed information about the marital status of the population, in particular, in the Ufa province. The poly-confessional composition of the rural population of the Southern Urals largely determined the peculiarities of the marriage rate: the Orthodox in the Orenburg province, consisting mainly of Russians, had a high one, while the Muslims had a slightly lower one. In Ufa province, on the contrary, the marriage rate was higher among Muslims. The article examines the confessional features of marriage by age.

Key words: Marital status, rural population, Southern Urals, ethno-confessional features.

For citation: Isyangulov, Sh. N. (2024) Etnokonfessional'nye osobennosti v brachnosti sel'skogo naseleniya Yuzhnogo Urala (konec XIX – nachalo XX v.) [Ethno-Confessional Peculiarities in the Marriage Rate of the Southern Urals Rural Population (Late 19th – Early 20th Century)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 4. Pp. 76–89. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_76. EDN: GIERZX

References

1. Kolesnikov, M. V. (2015) *Etnograficheskie ocherki russkogo naseleniya Ufimskoy gubernii, v ego narodnom bytu, obryadakh, oby chayah i pr.* [Ethnographic sketches of the Russian population of the Ufa province, in their national life, rituals, customs, etc.]. ("Novye" imena: istoriko-literaturnye i kraevedcheskie issledovaniya na YUzhnom Urale v XIX – nachale XX vv. ["New" names: historical, literary and local history studies in the Southern Urals in the 19th – early 20th centuries]. Comp. M. I. Rodnov. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. (In Russ.)
2. Krivoshchekov, A. (1915) *Obryady i oby chai Orenburgskikh kazakov* [Rituals and customs of the Orenburg Cossacks]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga* [Bulletin of the Orenburg Educational District]. No. 1. Scientific section. Pp. 9–27. (In Russ.)
3. Smirnov, I. N. (1890) *Votyaki. Istoriko-etnograficheskij ocherk* [Votyaki. Historical and ethnographic essay]. Kazan': Printing House of the Imperial University. (In Russ.)
4. Yuluev, B. M. (1892) *K etnografii bashkir (svadebnye obryady v Orskom uезде Orenburgskoy gubernii)* [On ethnography of Bashkirs (wedding ceremonies in the Orsk county of the Orenburg province)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 2–3. Pp. 216–224. (In Russ.)
5. Zorin, B. (1912) *Svadebnye oby chai i obryady u tatar Orenburgskoy i Ufimskoy gubernij* [Wedding customs and rituals among the Tatars of the Orenburg and Ufa provinces]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga* [Bulletin of the Orenburg Educational District]. No. 2. Scientific section. Pp. 42–51. (In Russ.)
6. Kenigsberg, M. M. (1901) *Sanitarnoe sostoyanie Orenburgskoy gubernii po dannym estestvennogo dvizheniya za trekhletie 1897–1899 gg.* [Sanitary condition of the Orenburg province according to the data of natural movement for the three years of 1897–1899]. Vol. 1. Part 1. Orenburg: provincial type lithography. (In Russ.)
7. Gikkell, E. I. (1916) *Sanitarno-statisticheskie svedeniya po Ufimskoy gubernii. Vyp. 1. Ocherk dvizheniya naseleniya Ufimskoy gubernii v 1897–1911 gg.* [Health and statistical information on the Ufa province. Vol. 1. Essay on the movement of the Ufa province population in 1897–1911]. Ufa: Electrotypography Pechat'. (In Russ.)
8. Bikbulatov, N. V., Fatyhova, F. F. (1991) *Semejnyj byt bashkir. XIX–XX vv.* [Family life of Bashkirs. 19th – 20th centuries]. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: XXGBXD
9. Mironov, B. N. (1977) *Tradicionnoe demograficheskoe povedenie krest'yan v XIX – nachale XX v.* [Traditional demographic behavior of peasants in the 19th – early 20th century]. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, fertility, and mortality in Russia and the USSR]. Collection of articles. Ed. by A. G. Vishnevskiy. Moscow: Statistika. Pp. 83–104. (In Russ.). EDN: VHFVEB
10. Vishnevskij, A. G. (1977) *Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdaemosti v Rossii* [Early stages of the formation of a new type of fertility in Russia]. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriage, fertility, and mortality in Russia and the USSR]. Collection of articles. Ed. by A. G. Vishnevskiy. Moscow: Statistika. Pp. 105–134. (In Russ.)
11. *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. V 3-h t. T. 1. 1900–1939* (2000) [Population of Russia in the 20th century: Historical essays. In 3 volumes, vol. 1. 1900–1939]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.). EDN: PXOJML
12. Verbickaya, O. M. (2009) *Rossijskaya sel'skaya sem'ya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskij aspekt)* [Russian rural family in 1897–1959 (historical and demographic aspect)]. Moscow, Tula: Grif i K Publ. (In Russ.). EDN: QBPQQL
13. Morozov, S. D. (2012) *Muzhchiny i zhenshchiny Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tendencii brachnosti* [Men and women of Russia at the turn of the 19th – 20th centuries: trends in marriage]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Women in Russian Society]. No. 2 (63). Pp. 9–15. (In Russ.). EDN: PAXQCN
14. Hadzhal, D. (1979) *Evropejskij tip brachnosti v retrospektive* [The European type of marriage in retrospect]. *Brachnost', rozhdaemost', sem'ya za tri veka* [Marriage, fertility, family in three centuries]. Collection of articles. Ed. by A. G. Vishnevskiy and I. S. Kon. Moscow: Statistika. Pp. 14–70. (In Russ.)
15. Kollentur, H. A., Pajping, R. (2002) *Vozrast vstupleniya v pervyj brak v Niderlandah i Rossii, 1730–1905: tradicii ili social'no-ekonomicheskie obstojatel'stva* [The age of first marriage in the Netherlands and Russia, 1730–1905: traditions or socio-economic circumstances]. *Social'naja istorija rossijskoj provincii v kontekte modernizacii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv.* [The social history of the Russian province in the context of modernization of agrarian society in the 18th – 20th centuries]. Proceedings of the International Conference (May 2002). Executive editor V. V. Kanishchev. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. Pp. 43–57. (In Russ.)
16. Li Chzhjenvjen (Konstantin Li) (2022) *Vseobshhij i rannij brak: brachnye predstavleniya i povedenie russkikh krest'jan XVIII–XIX vv.* [Universal and early marriage: marriage ideas and behavior of Russian peasants in the 18th – 19th centuries]. *Voprosy istorii* [History issues]. No. 6 (1). Pp. 34–48. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstории202206Staty16 EDN: SWESGN

17. *Istoriya Bashkortostana v vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* (2006) [History of Bashkortostan in the second half of the XIX – early XX century]. In 2 vols: Vol. I. Ufa: Gulem. (In Russ.). EDN: QPELUN

18. Godovova, E. V. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' Rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Daily life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Saint Petersburg: DMITRIJ BULANIN. (In Russ.). EDN: WIQDMS

19. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XXVIII. Orenburgskaya guberniya* (1904) [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897, vol. XXVIII. Orenburg province]. Saint Petersburg: Printing house of the Art Printing Association. (In Russ.)

20. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XLV. Ufimskaya guberniya. Tetrad' 1* (1901) [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897, vol. XLV. Ufa province. Notebook 1]. Saint Petersburg: The printing house of the St. Petersburg Society of Furnace Business in Russia E. Evdokimov. II. (In Russ.)

21. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. T. XLV. Ufimskaya guberniya. Tetrad' 2* (1904) [Russian Imperial Census of 1897. Vol. XLV. Ufa province. Notebook 2]. Saint Petersburg: Printing house of M. D. Lomkovskiy. XII. (In Russ.)

22. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii. 1913 g. (God desyatyj)* (1914) [Statistical Yearbook of Russia. 1913 (10th Year)]. Petrograd: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. XVI. (In Russ.)

23. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii. 1914 g. (God odinmadsyatyj)* (1915) [Statistical Yearbook of Russia. 1914 (11th Year)]. Petrograd: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. XVIII. (In Russ.)

24. *Statisticheskij ezhegodnik Rossii. 1915 g. (God dvenadsyatyj)* (1916) [Statistical Yearbook of Russia. 1915 (12th Year)]. Petrograd: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. IX. (In Russ.)

25. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1896 god* (1899) [The movement of the population in European Russia in 1896]. Saint Petersburg: Art Printing Association. VI. (In Russ.)

26. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1897 god* (1900) [The movement of the population in European Russia in 1897]. Saint Petersburg: Art Printing Association. XVI. (In Russ.)

27. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1898 god* (1903) [The movement of the population in European Russia in 1898]. Saint Petersburg: Art Printing Association. VI. (In Russ.)

28. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1899 god* (1904) [The movement of the population in European Russia in 1899]. Saint Petersburg: Art Printing Association. VI. (In Russ.)

29. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1900 god* (1906) [The movement of the population in European Russia in 1900]. Saint Petersburg: The central typo-lithography of M. Y. Minkov. X. (In Russ.)

30. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1901 god* (1906) [The movement of the population in European Russia in 1901]. Saint Petersburg: Pushkin's Cursive printing. XXI. (In Russ.)

31. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii i v dvuh guberniyah Sibiri: Enisejskoj i Tobolskoj za 1902 god* (1907) [Population movement in European Russia and in two provinces of Siberia: Yenisei and Tobolsk in 1902]. Saint Petersburg: Drukar Printing House. XXII. (In Russ.)

32. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii i v dvuh guberniyah Sibiri: Enisejskoj i Tobolskoj i Semipalatinskij oblastyah za 1903 god* (1909) [The movement of the population in European Russia and in two provinces of Siberia: Yenisei and Tobolsk and Semipalatinsk regions for 1903]. Saint Petersburg: Printing house of the Partnership "Sh. Bussel Heirs". XXIII. (In Russ.)

33. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii i v dvuh guberniyah Sibiri: Irkutskoj i Enisejskoj za 1904 god* (1911) [The movement of the population in European Russia and in two provinces of Siberia: Irkutsk and Yenisei for 1904]. Saint Petersburg: Printing house of the Partnership "Sh. Bussel Heirs". XXI. (In Russ.)

34. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1905 god* (1914) [The movement of the population in European Russia in 1905]. Petrograd: Printing house of the headquarters of the Petrograd Military District. XVI. (In Russ.)

35. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1906 god* (1914) [The movement of the population in European Russia in 1906]. Petrograd: Printing house of the headquarters of the Petrograd Military District. XVI. (In Russ.)

36. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1907 god* (1914) [The movement of the population in European Russia in 1907]. Petrograd: Printing house of the headquarters of the Petrograd Military District. XVI. (In Russ.)

37. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1908 god* (1914) [The movement of the population in European Russia in 1908]. Petrograd: Printing house of the Petrograd solitary confinement prison. XVI. (In Russ.)

38. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1909 god* (1914) [The movement of the population in European Russia in 1909]. Petrograd: Printing house of the headquarters of the Petrograd Military District. XVI. (In Russ.)

39. *Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1910 god* (1916) [The movement of the population in European Russia in 1910]. Petrograd: Printing house of the headquarters of the Petrograd Military District. XVI. (In Russ.)

40. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (hereinafter – RGIA) [The Russian State Historical Archives], F. 1290. Op. 4. D. 654.

41. RGIA. F. 1290. Op. 4. D. 677.

42. RGIA. F. 1290. Op. 4. D. 711.

43. *Hozyajstvenno-statisticheskij obzor Ufimskoj gubernii za 1911 god* (1912) [Economic and statistical survey of Ufa province for 1911]. Ufa: Steam typo-lithography by N. V. Sharovkin. (In Russ.)

44. *Hozyajstvenno-statisticheskij obzor Ufimskoj gubernii za 1912 god* (1914) [Economic and statistical survey of Ufa province for 1912]. Ufa: Steam typo-lithography of N. V. Sharovkin. (In Russ.)

45. *Hozyajstvenno-statisticheskij obzor Ufimskoj gubernii za 1913 god* (1915) [Economic and statistical survey of Ufa province for 1913]. Ufa: Steam typo-lithography of N. V. Sharovkin and Co. Commodity House. (In Russ.)

46. Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (hereinafter – NA RB) [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I-148. Op. 1. D. 20.
47. NA RB. F. I-148. Op. 1. D. 27.
48. NA RB. F. I-148. Op. 1. D. 50.
49. NA RB. F. I-148. Op. 1. D. 51.
50. NA RB. F. I-148. Op. 1. D. 53.
51. Novoseľskij, S. A. (1916) *Obzor glavnejshih dannyh po demografii i sanitarnoj statistike Rossii* [Review of the most important data on demography and sanitary statistics of Russia]. *Kalendar' dlja vrachej vsekh vedomstv na 1916 god. Ch. II*. [Calendar for doctors of all departments for 1916. Part II]. Petrograd: Publ. house K. L. Ricker. Pp. 14–94. (In Russ.)

Об авторе

Исянгулов Шамиль Наилевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация; e-mail: isangul-schamil@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5691-5566

About the author

Isyangulov Shamil N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Order of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation; e-mail: isangul-schamil@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5691-5566

Статья поступила в редакцию 10.05.2024
Одобрена после рецензирования 12.08.2024
Принята к публикации 12.09.2024

Сельский сход и православный приход: повседневные практики прихожан по решению актуальных вопросов в Казанской епархии в 1917 г.

А. А. Мусеева

В статье освещаются трансформации повседневных практик православного приходского духовенства и сельских прихожан Казанской губернии. Рассматриваются постановления, касающиеся повседневных вопросов сельского православного прихода, реализованные через общинный орган – сельский сход. Проанализированы материалы центральных и местных архивов церковного делопроизводства: это, прежде всего, канцелярия Синода и Казанская духовная консистория. Показано, что прихожане стремились пользоваться официальными органами власти, такими как приходской совет и сельский сход для того, чтобы легализовать свои решения, которые очень часто выходили за пределы официального правового поля. Православное духовенство, в большинстве случаев, выступало «третьей стороной» в решении конфликтов, возникающих по вопросу о частной собственности, а также было самой уязвимой группой в приходе. Не имея средств к существованию, авторитета церкви и государства, священники подвергались отстранению от службы через приговоры, вынесенные мирским сельским сходом.

Ключевые слова: православный приход, сельский сход, приходское собрание, приходской совет, духовенство, прихожане, Революция 1917 года.

Для цитирования: Мусеева А. А. Сельский сход и православный приход: повседневные практики прихожан по решению актуальных вопросов в Казанской епархии в 1917 г. // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 90–102. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_90. EDN: HUDGOG

Введение

В настоящем исследовании рассматриваются изменения, которые произошли в православном приходе после февральских революционных событий 1917 г. в Казанской губернии.

Проблематика православного прихода является классической в церковной историографии, и лишь в недавнее время стала предметом исследования у историков. Так, роль прихода в жизни православного населения стали изучать еще в XIX в. Современники рассматриваемого периода – славянофилы и поборники духовного благочестия, предприняли попытку вернуть утраченную роль православного прихода [1, с. 35–67]. Особенно следует отметить дискуссию, которая развернулась в начале XX в. в публицистике относительно вектора реформации прихода авторами А. А. Папковым и И. С. Бердниковым. Они рассматривали православный приход с двух разных позиций: как самоуправляемую общину [2, с. 24] и как зависимую часть церкви [3, с. 183–189]. Ключевым вопросом в дискуссии выступала проблема самообеспечения и самоуправления прихода. Несмотря на философичность текстов, материалы полезны как источник для истории идей.

С исторической точки зрения православный приход стал рассматриваться уже в советское время, а также зарубежными авторами. Однако были изучены лишь проблемы этнографического описания повседневной жизни [4], а также материального обеспечения духовенства [5]. Тем не менее, был накоплен важный статистический материал. Новое теоретическое осмысление роли прихода появилось вместе с институциональным поворотом: приход стали изучать как институт, который конструирует повседневность населения [6, с. 174]. Г. Фриз изучал приход не только с точки зрения религиозного смысла этого института, но как института, который прежде всего является важным звеном в государственном административном управлении. Также объектом исследования у Фриза стала социальная история православного прихода: были изучены процессы урбанизации, отношения епископата и приходского духовенства [7, с. 41]. Работы по социальной истории привели к попыткам исследовать отдельные аспекты жизни православного духовенства – их политические воззрения, участие в политическом процессе начала XX в. [8, с. 3–8]. Эту же

традицию продолжил расширять историк А. Беглов, который анализировал не только духовенство, но и прихожан, их повседневные практики в революционную эпоху¹.

Данная статья является попыткой поставить новый вопрос в исследовании проблематики православного прихода. Целью данного исследования является анализ повседневных стратегий разрешения актуальных проблем «агентами» православного прихода – приходским духовенством и прихожанами. Для этого в настоящем исследовании ставятся следующие задачи: а) определить роль и место православного прихода в системе других самоуправляющихся органов местной власти; б) выяснить стратегии взаимодействия агентов православного прихода с духовной и светской властью для решения местных проблем; в) определить, роль и место сельского схода в решении проблем православного прихода. Гипотезой исследования выступает предположение об актуализации земельного вопроса в рамках православных приходских общин, а стратегиями агентов могут выступать организованные захваты церковной собственности.

Методологическая основа данной статьи состоит из подходов истории повседневности. Исследуемый период – постреволюционная обстановка 1917 г. – не всегда рассматривается как «повседневность» в связи с утратой привычной государственной власти, а вместе с ней и привычного правового поля, от которого зависела деятельность православного прихода как административного института. Тем не менее, специфика периода позволяет проанализировать активно трансформирующуюся реальность в мире приходских крестьян и приходского духовенства: отсутствие крепкой государственной власти позволяло «агентам» прихода действовать по своему усмотрению, опираясь на свои собственные представления о «правильном» и «неправильном». Именно поэтому методологическая основа данной статьи состоит из подходов истории повседневности. Системно-функциональный подход направлен на то, чтобы изучать объект исследования в целостности, ведь православный приход это не только церковный институт, но еще и территория, подчиненная административному управлению. А члены православного прихода, следовательно, испытывают влияние

¹ Беглов А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 1057 с. EDN: ODRHVE.

и от церковной, и от государственной юрисдикций: а это, в свою очередь, формирует привычные практики прихожан и приходского духовенства. Метод причинно-следственного анализа позволяет выяснить, как революционный контекст эпохи влияет на изменение этих повседневных практик.

Источниковая база настоящего исследования состоит из ряда архивных материалов. В рамках данной статьи православный приход выступает прежде всего как территориально-административный орган власти, а уже потом как церковный: исследуется, как миряне и духовенство пользовались приходом в связи с его административной ролью в государстве. Это положение связывало церковный орган с органами власти, и соответственно давало возможность приходскому духовенству и прихожанам «быть услышанными» государством.

Именно поэтому анализ исследования практик мирян и духовенства не может быть произведен без предварительного анализа положения православного прихода в законодательной системе Российской империи. С этой целью мы обращаемся к «Инструкции церковным старостам» – к одному из множества документов, регламентирующих деятельность духовенства и мирян в приходе.

Основой статьи стали материалы, отражающие общее настроение синодальной власти в связи с падением монархической формы правления. Для этого обратимся к «Акту об отречении Государя Императора Николая II...». Чтобы выяснить региональную специфику относительно «приходской проблемы», за основу были взяты тексты, написанные Казанским пресвященным Димитрием из документа «Отзывы епархиальных архиереев...». Под «приходской проблемой» современники подразумевали кризисное состояние прихода, которое выражалось в отрешенности прихожан от своего пастыря.

В основу данной работы также положены дела канцелярии Синода, которые позволяют реконструировать общее состояние изучаемых сельских приходов Казанской губернии. Так, Фонд 796, оп. 440 содержит статистический материал по экономическому положению православных приходов в рассматриваемой епархии: размеры жалований из казны и благотворительных организаций, количество капитала церкви, а также количество пахотной и непахотной земли. Такой материал позволяет выяснить общее материальное положение духовенства в регионе,

поскольку именно духовенство в религиозной общине выступало источником власти и обладало возможностью распоряжаться приходским имуществом.

Обратимся к материалам делопроизводственной документации Казанской духовной консистории, фонда 4, в которых отражены жалобы, предложения и фактические изменения в приходе, инициированные то духовенством, то прихожанами православных приходов. Несмотря на то что подобные делопроизводственные источники лишь частично отражают события рассматриваемой эпохи через государственно-церковный бюрократический язык, они обладают ценнейшим материалом для анализа характера деятельности (или акторности) мирян. В условиях отсутствия письменных источников данной социальной группы, красноречивым свидетельством их отношения к революционной повседневности становятся их действия.

В основу статьи были положены материалы по уездам: Цивильскому (с. Малых-Кибеч), Мамадышскому (с. Малмыжка), Казанскому (с. Янасалы), Лаишевскому (с. Меретьяки), Тетюшескому (с. Новое Тинчурино), Свияжскому (с. Клянчино, с. Соболевское), Царевококшайскому (с. Сотнур). Разнообразие уездов и сел объясняется активностью мирян и духовенства по всей территории губернии. Представленные данные демонстрируют разные способы разрешения конфликтов, возникающих на селе и в православном приходе.

Результаты

К началу XX в. в Российской империи существовали институты, деятельность которых была направлена на организацию самоуправления местного населения в губерниях и уездах. Основной причиной введения самоуправления считается необходимость освободить центральную власть от бремени локальных вопросов. Для этого на законодательном уровне были закреплены уставы городских дум, земских учреждений и сельских сходов. Несмотря на достаточно короткий период существования, такие органы самоуправления внесли серьезный вклад в развитие местной инфраструктуры, а также успели вызвать доверие со стороны населения.

Изредка в этот классический перечень исследователи добавляют и приходские собрания как места приходского само-

управления прихожан. Приходское собрание – это орган православного прихода, церковной общины Российской империи. Эти собрания (как и сам приход) являются более исторической формой самоорганизации людей по отношению к тем, которые были ранее упомянуты. На приходских собраниях прихожане обсуждали разные вопросы: от устройства внешнего убранства храма, до решения вопросов морального состояния паствы [9]. Исключительное положение приходского собрания по отношению к остальным формам самоуправления заключается в постепенной утрате роли этого института в организации жизни прихожан, а также постоянном контроле со стороны причта [10, с. 32–50]. Но крестьяне продолжали остро нуждаться в органе, который бы позволил участвовать в самоорганизации на низовом уровне. Благодаря реформам второй половины XIX в. появляются сельские общины, которые берут эту роль на себя.

В основе сельской общины находился сельский сход. Дореволюционный сельский сход занимался решением важных управленческих повседневных задач крестьян. В отличие от приходского собрания, в сельских сходах могли принимать участие все крестьяне-домохозяева¹, в то время как участниками приходского собрания были зажиточные крестьяне. Также на сельских сходах, как и на приходских собраниях избирали старосту, который занимался финансовыми и организационными вопросами, а также с согласия помещика сельское общество могло приобретать земли.

Поскольку сельский староста избирался всеми членами сельской общины, следовательно, он зависел от настроения крестьян, которые могли устранить его от должности. Приходской же староста больше опирался на авторитет причта и епархиального начальства, нежели на православную паству, которая его избирала [9]. Принятые приходским старостой решения должны были получить одобрение со стороны вышестоящей инстанции – духовной консистории.

Еще в дореволюционное время сельский сход начинает перенимать некоторые функции приходского собрания². Так называемый «приходской вопрос» вплоть до 1917 г. не был решен:

¹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989. С. 438.

² Беглов А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 1057 с. EDN: ODRHVE.

современники здесь подразумевали кризисное состояние основных приходских институтов. К примеру, священник терял роль духовного авторитета, а причт бюрократизировался, отрываясь от своей паствы и занимаясь лишь административными вопросами. В свою очередь, приходское собрание было лишь номинальным органом власти. Даже съезд епархиальных архиереев от 1905 г., на котором принял участие Казанский преосвященный Димитрий, не помог приблизиться к решению проблемы [22, с. 645–663]. Приход постепенно утрачивал свою работоспособность как органа, способного объединить мирян и духовенство.

Наиболее активное вмешательство мирского органа самоуправления в церковные дела можно заметить именно в период февральских событий 1917 г. В Казанской губернии ситуация осложнялась следующим обстоятельством: общие размеры прихода, в отличие от других епархий, были гораздо больше [11, с. 103–110]. По статистике, к примеру в Тверской епархии, в приходе было около 1 500 душ мужского пола [12, с. 452–453], а в Казанской, по данным Памятной книжки 1862 г., примерно 2 599 душ [13, с. 28–31]. Проблема обширности приходов Казанской епархии приводила к отчуждению и безучастности священника к жизни в некоторых селах. В свою очередь, в будущем эту проблему решали через открытие самостоятельного прихода.

Например, в деревне Малых-Кибеч Цивильского уезда 31 мая 1917 г. на сельском сходе было решено открыть самостоятельный приход, так как основной причтовой центр находился в семи верстах на территории другого села Высоковки. Взаимодействие со священником затруднялось из-за речки, которая разливалась в весеннее время [14, л. 1].

Больше всего, конечно, крестьян волновали вопросы земли. Вне зависимости от собственника земли (помещика, причта, монастыря) крестьяне выносили самовольные приговоры по отчуждению собственности¹. Если помещичья земля отнималась, в основном с применением насилия, то вопросы землепользования церковных владений решались иначе. К примеру, было достаточно уволить местного священника через сельский сход, чтобы лишить его духовного и даже светского авторитета в глазах паствы, и, как следствие, отобрать землю. Например, такой случай произошел в Лаишевском уезде, в селе Малых Кибеч.

¹ Сборник циркуляров МВД за период март-июнь 1917. Петроград: Типография МВД, 1917. 125 с.

Крестьяне грабили помещиков Берстель, а священник попытался их утихомирить, за что был уволен со всеми нарушениями церковного законодательства, так как увольнение происходило без санкции епархиального начальства [15, л. 2]. Увольнение священника – один из способов доказать крестьянами право владения землей и собственностью, поскольку священник олицетворял не только церковную, но и государственную власть.

Грабительская деятельность в основном носила организованный характер. Санкционировал совместные действия сход, поскольку члены приходского собрания бездействовали. В очередной раз крестьяне разных сел – Клянчино и Соболевское Свияжского уезда через структуру сельских обществ организовано захватили церковные земли [16, л. 1]. Для закрепления этих земель за собой прихожане скосили и поделили причтовые луга. Попытки разрешить проблему не увенчались успехом: прихожане не желали отдавать захваченные земли, не были готовы на «денежное соглашение на правах аренды».

Границы православного прихода при захвате земель в основном не имели значения. Сельские общества могли санкционировать экспроприацию земли чужого прихода. Например, в селе Малмыжка Мамадышского уезда, был приход, чья земля сначала сдавалась в аренду своим прихожанам, а затем, по нужде стали сдавать эти земли крестьянам другого села – Нижней Ошмы. Спустя время, через практику распашки эта земля стала собственностью крестьян села Нижней Ошмы. Причем, это дело выделяется среди прочих, так как вопросы землепользования здесь решала не духовная консистория, а прокуратура окружного суда [17, л. 1]. Похожая ситуация произошла в селе Янасалы Лаишевского уезда, где татары-крестьяне через постановления волостного комитета разделили землю [18, л. 2].

Существовали редкие случаи, когда крестьяне признавали свои действия незаконными и даже были готовы вернуться к практике аренды. Такое произошло в селе Новое Тинчурино Тетюшеского уезда, где деревенские обыватели села Кушелги захватили причтовую землю. После постановления духовной консистории, крестьяне признали свой поступок «неканоничным» и были готовы выплатить арендную плату в размере 495 р. [19, л. 1].

Безусловное большинство дел, связанных с экспроприацией земель прихожанами, не были разрешены. В этих услови-

ях приходское духовенство старалось поддерживать порядок, установленный еще дореволюционным законодательством. Тем не менее, именно такая позиция привела к недоверию со стороны крестьян, которые относились к духовенству как к борборникам имперского порядка.

Приходское духовенство в основном продолжало доверять церковной администрации. Сохранение лояльности выражалось в делопроизводственной работе: причт предпочитал как и прежде решать дела через духовную консисторию, в то время как прихожане искали дополнительные каналы связи с высшей властью, поскольку приходское собрание не отражало интересы всех крестьян прихода. Например, даже в условиях, когда земля была захвачена прихожанами, как это случилось в Клянчинском приходе Свияжского уезда, приходской причт исходатайствовал несколько дел о необходимости вернуть землю обратно в приходскую собственность через епархиальное правление [16, л. 2].

Будучи верными церковной администрации сельские священники Казанской епархии, тем не менее, воспринимали реформы и Временного правительства. Дело в том, что новая власть вызвала доверие у приходского духовенства по двум обстоятельствам: а) Временное правительство было легитимным продолжением самодержавного строя [20, л. 5]; б) Синод одобрил смену власти [21, с. 56]. Доверие к новой власти выражалось в массовом создании приходских советов в православных приходах задолго до того, как эти советы были подтверждены Священным собором 1918 г.¹ Инициатива о создании советов могла исходить изначально от священника, но очень часто, спустя время священника старались отстранить от административной работы прихода, как это случилось в деревне Малых Кибеч [14, л. 1].

Приходские советы были созданы для того, чтобы вернуть обсуждение вопросов церковного землепользования в юрисдикцию Русской православной церкви. Изначально приходские советы были независимой от церкви инстанцией, которая была санкционирована Временным правительством. Такой орган точно так же, как и сельский сход ранее, решал вопросы назначения или отстранения священника, экспроприации земель, лугов, леса. Например, члены при-

¹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989. С. 438.

ходского совета Троицкой церкви, села Сотнур Царевококшайского уезда 4 ноября 1917 г. постановили «сдать все дела организованному на новых началах Приходскому Совету». Священник о. Сидоров всячески отказывался подчиняться, ожидая помощи со стороны Казанской консистории. Приходской совет также ожидал легализации своего собственного приговора через органы епархиального правления.

Несмотря на то, что приходские советы были одобрены Синодом на Всероссийском поместном соборе в 1918 г., практика советов не стала повсеместной, и крестьяне продолжали решать свои церковные дела, связанные с церковной собственностью при помощи сельского схода [23, л. 86].

Обсуждение и выводы

В условиях отсутствия четкого законодательства и существования двоевластия, прихожане по-своему трактовали смысл приходских советов и сельских сходов. Очень часто и приходской совет, и сельский сход дублировали решения друг друга, особенно в вопросах земельной собственности. Объединяясь вокруг официальных органов самоуправления, прихожане тем самым легализовали все решения, вынесенные на обсуждения в совет и в сход. Если приходской совет постановлял экспроприировать монастырские луга, значит, захват земель становился достаточно легальным для того, чтобы выполнить это решение.

Ввиду бессилия епархиального начальства, приходское духовенство осталось без защиты перед низовым крестьянским движением в приходах. В этих условиях участились практики выгона священников и организация самостоятельных прямых выборов попов.

Гипотеза об актуализации земельного вопроса внутри прихода подтвердилась, а организация практик находила свое воплощение в большинстве случаев в мирском органе – сельском сходе, а не в приходских институтах – в собраниях и в советах.

Данная тема требует дальнейшего анализа: очень важно более подробно изучить роль сельских сходов в решении церковных вопросов по материалам других епархий для того, чтобы сделать аргументированный вывод о том, почему церковные органы не были столь популярны в решении повседневных актуальных вопросов прихожан в революционную эпоху.

Список литературы

1. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Сварог и К, 2000. 492 с.
2. Папков А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественно-го строя // Богословский вестник. – 1902. – Т. 3. – № 10. – С. 200–216.
3. Михайлов А. Ю. «Канонист с горением илиным...»: жизненный и творческий путь профессора Ильи Степановича Бердникова (1839–1915). М.: Из-во ИП Бузукин Сергей Витальевич, 2021. 260 с. EDN: IQXQLD
4. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: Петербургское востоковедение, 2007. 413 с. EDN: QULUIJ.
5. Смолич И. К. История Русской церкви, 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 8. Ч. 1. 798 с.
6. Freeze G. L. All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // Social Identities in revolutionary Russia. ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave – 2001. – Pp. 174–208.
7. Freeze G. L. The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // The Journal of Modern History. – 1976. – Vol. 48. – № 1. March. – Pp. 32–50.
8. Васильев И. А. Православное духовенство в I государственной думе Российской Империи // Вестник СПбГУ. – 2014. – № 14. – С. 3–8. EDN: OYXOOF.
9. Инструкция церковным старостам: (Высоч. утв. 12 июня 1890 г.). Харьков: В. и А. Бирюков, 1890. 72 с.
10. Беглов А. Л. Кризис «государственной церковности» в фокусе приходского вопроса. 1860–1917 г. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1–2. – С. 58–89. EDN: WZONCC
11. Богословский Г. К. Краткий исторический очерк Казанской епархии: с прил. биограф. сведений о казан. архипастырях. Казань: типо-лит. М. А. Чирковой, 1892. 155 с.
12. Рихтер Д. И. Тверская епархия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1901. Т. XXXIIa. 720 с.
13. Памятная книга Казанской губернии на 1863 год. Казань: Изд. Казанского стат. ком. 108 с.
14. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 4. Оп. 149. Д. 221.
15. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 149. Д. 5.
16. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 149. Д. 296.
17. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 149. Д. 266.
18. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 149. Д. 245.
19. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 149. Д. 233.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а.
21. Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского за себя и за сына в пользу Великого князя Михаила Александровича // Церковные ведомости. – 1917. – № 9–15. – С. 56.
22. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе / редкол. В. Чаплин и др. М.: О-во любителей церковной истории: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. Ч. 1. 1031 с.
23. РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 165.

A Rural Gathering and an Orthodox Parish: Parishioners' Everyday Practices in Resolving Actual Issues in the Kazan Diocese in 1917

Alina A. Museeva

The article is devoted to the transformation of everyday practices of the Orthodox parish clergy and rural parishioners of the Kazan province. It considers the resolutions dealing with everyday issues of the rural Orthodox parish, implemented through the community body – the village assembly. In order to solve the set tasks, the central and local archives devoted to church records were analyzed: first of all, the Synod Chancellery and the Kazan Ecclesiastical Consistory. It is shown that parishioners tended to use official authorities such as parish councils and village assemblies to legalize their decisions, which very often went beyond the pre-revolutionary legal framework. The Orthodox clergy, in most cases, acted as a “third party” in resolving conflicts arising over private property, and were also the most vulnerable group in the parish. Having no means of subsistence, no authority of the church and the state, priests were subjected to dismissal from service through sentences passed by the lay village assembly.

Key words: Orthodox parish, village assembly, parish meeting, parish council, clergy, parishioners, the revolution of 1917.

For citation: Museeva, A. A. (2024) Sel'skij skhod i pravoslavnyj prihod: povsednevnye praktiki prihozhnan po resheniyu aktual'nykh voprosov v Kazanskoj eparhii v 1917 g. [A Rural Gathering and an Orthodox Parish: Parishioners' Everyday Practices in Resolving Actual Issues in the Kazan Diocese in 1917]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 90–102. (In Russ.) DOI: 10.35231/25422375_2024_4_90. EDN: HUDGGOG.

References

1. Losskij, N. O. (2000) *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Svarog i K. (In Russ.)
2. Papkov, A. A. (1902) *Neobhodimost' obnovleniya pravoslavnogo cerkovno-obshchestvennogo stroya* [The Need to Renew the Orthodox Church-Public Order]. *Bogoslovskij vestnik* [Theological Bulletin]. Vol. 3. No. 10. Pp. 200–216. (In Russ.)
3. Mihajlov, A. YU. (2021) «Kanonist s goreniem iliinyim...»: zhiznennyj i tvorcheskij put' profesora Il'i Stepanovicha Berdnikova (1839–1915) [“A canonist with the burning of Elijah ...”: the life and career of Professor Ilya Stepanovich Berdnikov (1839–1915)]. Moscow: Iz-vo IP Buzukin Sergej Vital'evich. (In Russ.)
4. Bernshtam, T. A. (2007) *Prihodskaya zhizn' russkoj derevni: ocherki po cerkovnoj etnografii* [Parish life in the Russian village: essays on church ethnography]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)
5. Smolich, I. K. (1996) *Istoriya Russkoj cerkvi, 1700–1917* [History of the Russian Church, 1700–1917]. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazh. Valaam. monastyr'ya. Book 8. Part 1. (In Russ.)
6. Freeze, G. L. (2001) All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia. Social Identities in revolutionary Russia. Ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave. Pp. 174–208.
7. Freeze, G. L. (1976) The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia. *The Journal of Modern History*. Vol. 48. No. 1. March. Pp. 32–50.

8. Vasil'ev, I. A. (2014) *Pravoslavnoe duhovenstvo v I gosudarstvennoj dume Rossijskoj Imperii* [Orthodox clergy in the First State Duma of the Russian Empire]. *Vestnik SpbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. No. 14. Pp. 3–8. EDN: OYXOOF. (In Russ.)

9. *Instrukciya cerkovnym starostam: (Vysoch. utv. 12 iyunya 1890 g.)* (1890) [Instructions for churchwardens: (Highly approved on June 12, 1890)]. Kharkov: V. i A. Biryukovy. (In Russ.)

10. Beglov, A. L. (2019) *Krizis «gosudarstvennoj cerkovnosti» v fokuse prihodskogo voprosa. 1860–1917 g.* [The crisis of "state churchliness" in the focus of the parish question. 1860–1917]. *Gosudarstvo, religiya i cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and abroad]. No. 1–2. Pp. 58–89. (In Russ.)

11. Bogoslovskij, G. K. (1892) *Kratkij istoricheskij ocherk Kazanskoj eparhii: s pril. biogr. svedenij o kazan. arhipastyryah* [Brief historical essay on the Kazan diocese: with additional biographical information on the Kazan archpastors]. Kazan': tipo-lit. M. A. CHirkovoj. (In Russ.)

12. Rihter, D. I. (1901) *Tverskaya eparhiya* [Tver diocese]. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 add.)]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona). Vol. XXXIIa. (In Russ.)

13. *Pamyatnaya kniga Kazanskoj gubernii na 1863 god* (1863) [Memorial book of Kazan province for 1863]. Kazan': Izd. Kazanskogo stat. kom. (In Russ.)

14. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan* (hereinafter – GART) [State Archives of the Republic of Tatarstan]. F. 4. Op. 149. D. 221.

15. GART. F. 4. Op. 149. D. 5.

16. GART. F. 4. Op. 149. D. 296.

17. GART. F. 4. Op. 149. D. 266.

18. GART. F. 4. Op. 149. D. 245.

19. GART. F. 4. Op. 149. D. 233.

20. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archives of the Russian Federation]. F. 601. Op. 1. D. 2100a.

21. *Akt ob otrenenii Gosudarya Imperatora Nikolaya II ot prestola Gosudarstva Rossijskogo za sebya i za syna v pol'zu Velikogo knyazya Mihaila Aleksandrovicha* (1917) [Act of abdication of Emperor Nicholas II from the throne of the Russian State for himself and for his son in favor of Grand Duke Mikhail Alexandrovich]. *Cerkovnye vedomosti* [Church News]. No. 9–15. Pp. 56. (In Russ.)

22. *Otzyvy eparhial'nyh arhiereev po voprosu o cerkovnoj reforme* (2004) [Reviews of diocesan bishops on the issue of church reform]. Editorial board: V. Chaplin, etc. Moscow: O-vo lyubitelej cerkovnoj istorii: Izd-vo Krutickogo podvor'ya. Part. 1. (In Russ.)

23. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives]. F. 796. Op. 440. D. 165.

Об авторе

Мусеева Алина Азаговна, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: alinamuseeva66@gmail.com

About the author

Museeva Alina A., master's student, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: alinamuseeva66@gmail.com

Статья поступила в редакцию 09.09.2024

Одобрена после рецензирования 25.10.2024

Принята к публикации 30.10.2024

«Народный ислам». Религиозный синкретизм татар Республики Мордовия

Р. Р. Агишев

В статье рассматривается специфика религиозных представлений татар, составляющих одну из локальных форм бытования ислама в условиях полиэтничности и поликонфессиональности. Местная и этническая специфика исполнения исламских ритуалов вызывает неприятие части татарского сообщества, что служит потенциальным конфликтогенным фактором раскола. Для освещения вопросов религиозного синкретизма на примере религиозных представлений татар Республики Мордовия привлекались результаты количественных и качественных исследований: опросы верующих, глубинные интервью татар, включенное наблюдение в рамках обрядов похоронно-поминального цикла. Данные исследований показывают, что ритуальные практики татар – манипуляции с водой и железом, культ авлия, обряд искупления грехов (искят) сохранили значительное число элементов из доисламских и немусульманских религиозных систем. Обряды, в том числе и не соответствующие канонам ислама, воспринимаются большей частью татар Республики Мордовия в качестве истинно мусульманских. В последние десятилетия в связи с процессами исламского возрождения отдельные религиозные обряды, вызывающие критику со стороны мусульманского духовенства, потеряли свою популярность или стремительно ее теряют.

Ключевые слова: ислам, религиозный синкретизм, народный ислам, фолк-ислам, авлия, искят.

Для цитирования: Агишев Р. Р. «Народный ислам». Религиозный синкретизм татар Республики Мордовия // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 103–117. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_103. EDN: КТНМРС

Введение

Проблематика взаимообусловленности этнических и конфессиональных представлений в рамках целостной мировоззренческой парадигмы ислама актуализируется целым рядом объективных процессов, вызывающих противоречивые изменения. Мусульманские сообщества в России на протяжении длительного времени представляют собой контактную зону для активных кросс-культурных взаимодействий в условиях многонационального и поликонфессионального пространства, что позволяет исследователям вводить в научный дискурс такие понятия, как «русские мусульмане» [1, с. 152–173], «российский ислам» [2, с. 117–121], «татарский ислам» [3, с. 101–113], «башкирский ислам» [4] и др. При этом исследователи обращают внимание на неоднозначность содержания социокультурных конструктов российского ислама с этнической окраской, отмечая их «невнятную концептуальную проработку» [5, с. 86–94]. Последнее ставит на повестку дня вопрос о каноничности происходящих изменений, об «очищении ислама» [6, с. 131], который в условиях российских регионов отличается специфичным исполнением некоторых религиозных обрядов [7, с. 78].

В контексте поликонфессионального и полиэтнического состава Республики Мордовия, где часть мусульманской уммы отвергает отдельные ставшие традиционными обряды и ритуалы [8, с. 305], обозначенные вопросы приобретают особое звучание и имеют потенциально конфликтогенное наполнение.

В рамках статьи предпринимается попытка осветить синкретичный характер религиозных воззрений татар Республики Мордовия в XX – начале XXI в. Объектом исследовательского интереса выступают татары-мишари (далее – татары), локальная субэтническая группа в составе поволжских татар (46 тыс. чел. по итогам переписи 2020 г.), проживающие на территории региона и исповедующие ислам.

Проблематика статьи требует определения понятия «синкретизм», используемого для описания специфического характера трансформаций в религиозных представлениях татар региона. Религиоведы, обращающиеся к вопросу эволюции религиозных воззрений, выделяют следующие детерминанты религиозного синкретизма: взаимодействие различных религиозных систем, формирование новых социокультурных конструктов на основе

объединения разнородных элементов, устойчивость изменений («опривычивание», регулярное воспроизводство) [9, с. 78]. В контексте данного исследования под религиозным синкретизмом понимается естественное «соединение отдельных культовых элементов в некую целостность как результата взаимодействия религиозных систем различного уровня и степени развития» [10, с. 66].

Феномен регионального варианта ислама, т. е. его способность заимствовать и адаптировать духовные субстраты самых различных религиозных и этнических культур [11, с. 109] в рамках единой поливариативной системы ценностей, неоднократно отмечался российскими исламоведами и нашел свое отражение в активном бытовании термина «народный» ислам. Последние исследователи определяют как сплав местных традиций, связанных с доисламскими обрядовыми практиками и классическими мусульманскими традициями, базирующимися на Коране [12, с. 133].

Феномен религиозного синкретизма в проблемном поле зарубежного религиоведения занимает особое место. Его содержание в первую очередь определяется таким свойством религиозных систем, как взаимопроникновение. Так, Э. Марони отмечает схожесть христианских, исламских и иудейских ритуалов (культ авлия, культ Богородицы, ритуалы практической кабаллы и т. д.) [13], Ч. Стюарт добавляет к этому списку разнообразные местные (в том числе и этнические) традиции и обряды [14]. В контексте проблемы регионализации ислама выделим комплексное определение термина «народная религия» («фольк-религия») Д. Йодера: синтез и одновременно этап формирования целостной религии путем слияния, объединения [15]. Вызывает интерес определение Х. Бхабха, описывавшего гибридные религиозные культуры в постколониальных странах Востока: это синтез и компромисс между национальной и колониальной культурами [16].

В дореволюционной историографии интерес к истории татар Поволжья выражен слабо и находит свое отражение преимущественно в описании их материальной культуры. Сведения о религиозных воззрениях, их содержании и специфике, обрывочные, противоречивые. В. К. Магницкий и Г. Н. Ахмаров, с одной стороны, указывают на сильную приверженность татар своей вере, а с другой стороны, отмечают их обрусение [17; 18].

Начало полноценного изучения духовной культуры татар-мишарей относится к советскому времени, когда организовывались первые комплексные этнографические экспедиции в места компактного проживания татар. Разработка вопросов регионализации ислама на территории Поволжья в этот период тесно связана с именами Р. Г. Мухамедовой, А. П. Смирнова и П. И. Воробьева, которые выделили отдельные синкретические элементы (доисламские социокультурные конструкты) в религиозных представлениях татар-мишарей. Синкретические проявления в особенной степени прослеживались в похоронно-погребальной обрядности, где переплетались исламские и доисламские обряды [19, с. 185].

К мысли о взаимообусловленности исламских практик и доисламских ритуалов, а также традиций религиозных систем соседних народов (православие, буддизм и др.), исследователи неоднократно возвращались и в более позднее время. Л. Д. Гаязов, раскрывая понятие «татарский ислам», указывает на такие его отличия, как этнический характер и влияние суфийских традиций [5, с. 37]. А. К. Идиатуллов в характеристике религиозных воззрений поволжских татар идет еще дальше, заявляя о смешении язычества, ислама, суфизма, православия, сектантских учений и представлений восточных религий [20, с. 36].

К теме бытования ислама на территории Республики Мордовия обращались Р. Р. Агишев, М. Ю. Бареев, А. А. Хасон и др. Так, Р. Р. Агишев и М. Ю. Бареев отмечали, в частности, что становление региональной формы бытования ислама в Республике Мордовия в условиях межкультурного взаимодействия с представителями разной этнической и конфессиональной принадлежности обусловило появление во многих мусульманских обрядах и ритуалах разных, в том числе и неисламских, черт [8, с. 316].

Несмотря на внимание к проблеме регионализации ислама, в том числе и со стороны республиканских исследователей, комплексное представление о содержании, характере и динамике синкретических процессов в религиозных представлениях татар Республики Мордовия только формируется.

Материалами для анализа синкретичного характера религиозных воззрений татар Республики Мордовия послужил пул полевых данных следующих социологических исследова-

ний, проведенных как сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», так и автором: формализованный опрос «Социальный портрет татар Республики Мордовия» (2015 г., n=500), глубинное интервью «Похоронно-поминальный традиционный комплекс татар-мишарей Республики Мордовия» (2017–2020 гг., n=23), включенное наблюдение татарских похоронно-поминальных обрядов (с. Татарские Юнки, 2018–2019 гг., 2023 г.), полуформализованное прямое и опосредованное (телефонное) интервью «Мусульманские традиции и обряды татар Республики Мордовия» (2019 г., n=47).

Предметом настоящей статьи выступают социокультурные включения в религиозные воззрения татар Республики Мордовия – ритуальные практики или их элементы, обряды, традиции, представляющие собой результат культурной диффузии различных религиозных, этнических и мировоззренческих систем.

В рамках исследования выдвигались исследовательские гипотезы, объясняющие своеобразие исполнения и наполнения ритуальной обрядности у татар Республики Мордовия полиэтничным характером историко-культурного пространства региона, в рамках которого на протяжении исторически длительного времени совместно проживали представители разных этносов и конфессий.

Результаты

В рамках статьи подробно остановимся на следующих аспектах вопроса регионализации ислама – похоронно-поминальная обрядность, обрядовые действия с железными изделиями, водой и культ авлия, на примере которых наиболее выразительно проявились процессы культурной диффузии.

Из всего комплекса обрядовых практик похоронно-поминального цикла особый интерес в изучаемом контексте представляет собой обряд *искаят* (*даур*, *фидия*), выступающий одной из наиболее ярких иллюстраций противоречий между официальным и «народным» исламом. Суть его ритуальных действий состоит в принятии грехов (в частности, пропуск намазов, постов, невыплата закята, нарушение клятв и т. д.) усопшего на себя его родственником либо доверенным лицом одновременно с символической передачей денежных средств.

Распространенный в большинстве татарских сел Республики Мордовия в середине XX в. [21, с. 127], в конце 80-х – начале

90-х гг. обряд стал стремительно терять популярность и в настоящее время практикуется незначительным числом мусульман в отдельных поселениях. Практикование обряда вызывает серьезную критику со стороны большинства религиозных деятелей за несоответствие (неканоничность) постулатам ислама (подмена личной ответственности мусульманина за свои поступки безличной коллективной ответственностью) и сходство с христианских ритуалом отпущения грехов.

Воспринимаемый частью татар в качестве мусульманского, обряд искят, тем не менее, содержит в себе некоторые архаические элементы из домусульманских верований. Исследователи, изучавшие бытование обряда у сибирских татар и казахов, мусульман Средней Азии, отмечают следующее: заимствованные из шаманизма представления о возможности переноса зла, грехов, болезни на человека, животных или предметы; вера в сверхъестественные возможности охранительной магии [22, с. 161].

Информанты отмечают, что на протяжении XX в. обряд претерпевал постепенные изменения, включая в себя все новые ритуалы или элементы ритуалов. Нововведения носили в большей степени характер уточнений и дополнений, существенным образом не влияя на содержание обряда. Видоизменялся принцип подсчета грехов усопшего (например, стало учитываться количество неисполненных намазов во время службы в армии), облегчались требования к «выкупным» ценностям (например, вместо золотых украшений стало возможным использование позолоченных изделий и даже бижутерии). Указанная трансформация, ее характер и динамика дополнительно подчеркивают полное соответствие обряда искят «букве и духу» «народного» ислама, указывая на способность к изменениям, учету бытовых «повседневных» особенностей исполнения религиозных ритуалов.

Манипуляции с металлом в ритуальной практике татар региона также воспринимаются естественной частью мусульманского вероучения. Информанты всякий раз, когда возникает вопрос о каноничности рассматриваемой традиции, апеллируют к религиозному опыту своих предков («в старое время было также»¹, «наши бабушки-дедушки (эби-бабайлар) так делали» [23, с. 349]).

¹ ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Экспедиция в село Татарские Юнки Торбеевского района, апрель 2017 г. (информант: С. А. Агишев, 1954 г. р.)

Действия с изделиями из железа с ритуальной целью производились в рамках обрядов предпогребального и погребального циклов. В частности, на грудь покойного могут положить ножницы [24, с. 171], железный предмет (лопату, лом или топор) оставляли в могиле до момента похорон [25, с. 56], в посуду с водой для обмывания опускали мелкие монеты (для защиты от духов)¹, после погребения на кровать усопшего клали железный предмет, в выкопанной могиле оставляли металлические монеты (выкупалось место в случае обнаружения прежнего захоронения) [26, с. 86], при посещении кладбища на могиле оставляли металлические монеты².

Цели ритуальных действий с железом, особенно в ходе погребально-поминальных мероприятий, имели, как правило, апотропеическое содержание и были направлены на защиту родственников усопшего от «злых» духов. В отдельных случаях (в частности, при оставлении монет на могиле) целью называлось поминовение усопшего. Подразумевалось, что взявший монету посетитель кладбища обязательно помолится о покойном, его душе.

Защитно-охранительный смысл манипуляций с металлом, распространенных в погребально-поминальной обрядности многих народов России (например, у мордвы, чувашей, удмуртов, карелов), исследователями традиционно возводился к языческим представлениям об особой магической силе железа – элемента, рожденного в стихиях огня и воды [27, с. 45]. Заметим, что информанты затрудняются с ответом на вопрос о происхождении указанной традиции, указывая лишь на ее точное воспроизведение по когда-то увиденному образцу. Связь обряда с языческими верованиями не признается, напротив, утверждается его полное соответствие исламской традиции.

Специфическим историко-культурным конструктом, выступающим неотъемлемой частью «народного» ислама, является институт мусульманских святых (авлия). Применительно к реалиям Республики Мордовия мусульманскими святыми называются сакрализованные в народной памяти фигуры реально существовавших жителей региона, отличавшихся особой праведностью и прозорливостью, глубоким знанием

¹ ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Экспедиция в село Сургодь Торбеевского района, май 2018 г. (информант: Ф. Т. Эртуганов, 1961 г. р.)

² ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Экспедиция в село Тархан-Потьма Кадошкинского района, май 2018 (информант: Н. К. Агишева, 1963 г. р.)

Корана и обладавших необычными способностями [28, с. 19]. Отсутствие прямых свидетельств о существовании на территории Мордовского края знаковых объектом исламской агиологии общерегионального характера (крупных святилищ, погребальных комплексов (астана)) позволяет говорить о том, что татарские святые в республике имели сакральное значение для отдельных поселений или групп поселений, т. е. локальное (местное) значение.

В памяти информантов сохранились обрывочные сведения только о двух фигурах, которые по целому ряду признаков могли быть причислены к авлия. Это житель села Латышовка Сяйфулла-мулла и житель села Кривозерье У. А. Халиков, обладавшие, по словам односельчан, особыми способностями и качествами: видение будущего, целительство, общение с животными, птицами и насекомыми.

В институте авлия, его особом содержании и проявлениях этой специфики, отчетливо просматривается влияние суфийской духовной традиции, которая позволяла исламизированным народам сохранить древние доисламские ритуалы почитания предков и рода [7, с. 78]. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в памяти информантов свидетельства о среднеазиатских обрядовых реликтах в обрядах почитания авлия. В частности, существовал особый ритуал поклонения, который включал в себя институт смотрителей могилы, паломничество к месту захоронения, украшение могильной ограды, наличие специальных правил (система запретов) поминовения, что имело место и у татар других регионов [29, с. 62].

Татарские кладбища, в частности места захоронения местных святых (изге каберлар), в советский период выступали в роли особых сакральных пространств, становясь актуальными центрами религиозной жизни [30, с. 324]. Здесь проводились коллективные религиозные действия – моления о вызове дождя, общие собрания в дни мусульманских праздников, а также иные окказиональные обряды [31, с. 16].

Прочно вошли и успешно сакрализировались в религиозной традиции татар разнообразные манипуляции с водой, ставшие частью широкого спектра обрядов как жизненного цикла, так и окказиональных. Среди ритуалов, в которых используется вода или с ней совершаются определенные действия,

наибольшую часть составляют те, в которых в том или ином виде осуществляется чтение молитвы. Выделяются следующие действия: индивидуальное и коллективное чтение молитв(ы) над водой, начертание водой особых сур из Корана, опускание записок с пожеланиями в воду.

В осуществляемые действия татары вкладывают строго определенное ритуальное содержание. В частности, после разнообразных манипуляций вода, как указывают информанты, приобретает целительные свойства (во время коллективных молитв в мусульманские праздники в емкости специально набирается вода); оберегающие свойства (перед дальней дорогой выпивается несколько глотков воды, над которой читалась молитва); очищающие свойства (во время чтения молитвы перед уопшим ставится стакан воды). Часть ритуалов уже не встречается: заготовка воды из семи (или трех) источников [19, с. 188], умывание новорожденного ребенка родниковой водой и ношение воды в новом доме по кругу.

О массовом распространении среди татар региона ритуальных практик, связанных с водой, говорить не приходится. Единственной практикой религиозного (или псевдорелигиозного) содержания, которая в последние годы набирает популярность в сельских поселениях, выступают ритуальные действия, связанные с источниками (родниками). За последние десять лет с благословения священнослужителей (имам-хатыб) и руководителей местных религиозных организаций было восстановлено и облагорожено больше четырех десятков сельских источников, посещение которых оформляется неписаными правилами (нельзя приходить в пьяном виде, в грязной одежде, плакать и т. д.) и ритуальными действиями (высказывание пожеланий, чтение молитв и т. д.).

Отношение к указанным обрядовым действиям в умме противоречивое. Часть верующих активно поддерживают складывающуюся обрядность, считая ее мусульманской по содержанию. Другая часть татар критикует большую часть указанных ритуалов, подчеркивая их неканоничность. Отмечается схожесть с христианскими (наделение обычной воды в праздник Рождества целительными свойствами) и магическими (языческими) обрядовыми действиями («зарядка» воды энергией после произнесения особых словесных формул).

Обсуждение и выводы

Характеризуя религиозные представления татар Республики Мордовия, представляется возможным поддержать мнение Р. В. Абаянова и М. А. Сафарова о том, что особая картина татарской веры обуславливается социокультурной амбивалентностью – специфическим сочетанием процесса ассимиляции и приверженностью к эмоциональной, бытовой стороне ислама [30, с. 328]. В то же время нельзя и абсолютизировать синкретичность (и инаковость) религиозных воззрений татарского населения разных регионов (и Республики Мордовия, в частности), проводя четкие социокультурные границы между «исламом по-казахски», «исламом по-татарски», «исламом по-чеченски», «исламом по-дагестански» и др. В указанном контексте остается актуальным мнение В. О. Бобровникова, специалиста по исламским процессам на Кавказе о том, что, несмотря на значительные изменения ислама в советский период, российские мусульмане не утратили право называться мусульманами [32, с. 25].

Религиозные воззрения татар Республики Мордовия представляют собой локальную форму ислама, в которой в своеобразной культуре сохранены местные (локальные) и национальные традиции, ритуальные практики доисламских культур и соседних народов. Этничность проявляется в своеобразии исполнения и смыслового наполнения обрядов жизненного цикла и окказиональных обрядов. Сложность выделения национального компонента усиливается продолжающейся трансформацией религиозных взглядов татар под воздействием процесса исламского возрождения (приведение ритуально-обрядовой практики к общепринятому стандарту – египетскому, аравийскому и т. д. – и исключение из нее неконических элементов), глобализации (исчезновение локальных (сельских) центров бытования тех или иных этнических религиозных практик, нарушение преемственности в передаче религиозного опыта «сельской глубинки»).

Синкретическое содержание ритуальной практики татар демонстрирует выраженную тенденцию к сужению, «истончению»: забываются оригинальные формы исполнения обрядов, нивелируются территориальные (село – село, село – город) различия в религиозных ритуалах, происходит постепенное замещение местных форм едиными стандартными образцами. Указанные процессы актуализирует потребность

в дальнейшем изучении процессов регионализации ислама в рамках полиэтнических регионов.

Список литературы

1. Беккин Р. Т. Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард русской уммы // Дружба народов. – 2012. – № 10. – С. 152–173.
2. Балтанова Г. Р., Нестулаева Д. Р., Рыбкина Е. А., Хузиева Э. Ф. Крымский ислам и российская умма // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 2. – С. 117–121. EDN: ZNLGYZ.
3. Харипова З. Ф. История евроислама: ислам и либерализм // Известия Иркутского государственного университета. – 2020. – Т. 31. – С. 101–113. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.31.101. EDN: CDFAAU.
4. Аминев З. Г., Ямаева Л. А. Башкирский ислам. Истоки, эволюция, современное состояние. М.: Изд-во «Триумф», 2020. 224 с. EDN: PXEKGG.
5. Гаязов Л. Д. Особенности татарского традиционного ислама в постсоветский период // Исламоведение. – 2015. – № 6 (2). – С. 86–94.
6. Сапронова М. А., Чечевишников А. Л., Ярлыкапов А. А. Становящееся научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 122–136. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09.
7. Исхаков Р. Р. Культ мусульманских святых в религиозно-обрядовой традиции татар крящен Волго-Уралья (XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12. – Ч. 3. – С. 78–81.
8. Бареев М. Ю., Агишев Р. Р. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе // Регионология. – Т. 28. – 2020. – № 2. – С. 303–321. DOI: 10.15507/2413-1407.11.028.202002.303-321. EDN: XDBAVV.
9. Гаврилова Ю. В. Особенности исторических форм религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 73–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-73-80. EDN: SECLON.
10. Конталева Е. А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 62–78. DOI: 10.22250/2072-8662.2017.4.62-78. EDN: ZXHMCP.
11. Яхъяев М. Я. Поливариативность исламской культуры: истоки и причины // Исламоведение. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 109–121. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121. EDN: PNCGNU.
12. Сызранов А. В. Этнография «народного» ислама // История и историческая память. – 2017. – № 2. – С. 132–140. EDN: YSHUHI.
13. Maroney E. Religious Syncretism. New York, 2006. 114 p.
14. Stewart Ch. From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder // Routledge International Handbook of Diversity Studies. – 2015. – p. 355–362.
15. Yoder D. Toward a Definition of Folk Religion // Western Folklore. – 1974. – Vol. 33. – № 1. – P. 1–15.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. Abington, 1994. 285 p.
17. Магницкий В. К. Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях. Казань: Типо-лит Имп. ун-та, 1896. 15 с.
18. Ахмаров Г. Н. О языке и народности мишарей // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – 1903. – Т. XIX. – Вып. 2. – С. 223–270.
19. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. Казань: Магариф, 2008. 292 с.
20. Идиатуллин А. К. Эволюция религиозного синкретизма татар-мишарей Ульяновской области // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 35–42. EDN: MBZYTX.

21. Миннулин И. Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // Историческая этнология. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 116–145. EDN: YPWLDT

22. Ахметова Ш. К. Передача грехов в похоронном обряде казахов Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомиров, Н. Н. Серегин. – Барнаул, 2015. – С. 1581–62. EDN: URUEFD.

23. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамудинов. М.: Наука, 1967. 537 с.

24. Шанкина Л. Н. Похоронно-поминальные обряды татар-мишарей Мордовии // Вестник антропологии. – 2023. – № 3. – С. 1691–83.

25. Шарафутдинов Д. Р., Садыкова Р. Б. Семейные и календарные обычаи и обряды татар. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2012. 352 с.

26. Агишев Р. Р., Баринаова О. Н., Манаева И. В. Похоронно-поминальная обрядность татар-мишарей Республики Мордовия // Исламоведение. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 83–94. DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-1-83-94. EDN: PXKHBW.

27. Корнишина Г. А. Семантический статус бытовых предметов из металла в контексте обрядовой культуры мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. – № 3(35). – С. 44–50. EDN: WWHVLV.

28. Сефербеков Р. И., Сефербеков М. Р. Култ святых в исламе у табасаранцев: традиции и современность // Исламоведение. – 2017. – Т. 8. – № 4 (34). – С. 17–31. DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-17-31. EDN: YNOKMR.

29. Габдрахманова Г. Ф., Уразманова Р. К. Мусульманский культ святых у татар волгоуральского региона: особенности формирования и трансформации // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 58–75. DOI: 10.7868/S0869541518020057. EDN: UNYZYS.

30. Абянов Р. В., Сафаров М. А. «Татарская вера». Образ ислама у русского населения Рязанской области // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – Vol. 14. – № 2. – С. 310–334. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334. EDN: VFKZAK.

31. Давлетшина Л. Х. Моления о дожде в традиции казанских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12. – 1 (78). – С. 16–18. EDN: ZREDTV

32. Уразманова Р. Г. Мусульманские обряды в быту татар // Этническое обозрение. – 2009. – № 1. – С. 13–25. EDN: JVVWATN.

"Folk Islam". The Tatars Religious Syncretism in the Mordovian Republic

Ruslan R. Agishev

The article examines the specifics of the Tatars religious beliefs, which are a local form of Islam in a multiethnic region. The local and ethnic specificity of the performance of Islamic rituals causes the rejection of a part of the Tatar community, which acts as a potential conflict-causing factor. The article involved the results of quantitative and qualitative research: surveys of believers, in-depth interviews of Tatars, included observation within the framework of funeral and memorial rituals. Field results show that the ritual practices of the Tatars – manipulations with water and iron, the cult of Muslim saints, the rite of atonement – retained a significant number of elements from pre-Islamic and non-Muslim religious systems. Rituals, including those that do not correspond to the canons of Islam, are perceived by most of the Tatars of the Republic of Mordovia as truly Muslim. In recent decades, in connection with the processes of Islamic revival, certain religious rites that have attracted criticism from the Muslim clergy have lost their popularity or are rapidly losing it.

Key words: Islam, religious syncretism, national Islam, folk Islam, awliya, iskyat.

For citation: Agishev, R. R. (2024) «Narodnyj islam». Religioznyj sinkretizm tatar Respubliki Mordoviya ["Folk Islam". The Tatars Religious Syncretism in the Mordovian Republic]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 103–117. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_103. EDN: KTHMPC

References

1. Beckin, R. T. (2012) *Russkie musul'mane: zabludshaya sekta ili avangard russkoj ummy* [Russian Muslims: a lost sect or the vanguard of the Russian Ummah]. *Druzhiba narodov* [Friendship of Peoples]. No. 10. Pp. 152–173. (In Russ.)
2. Baltanova, G. R., Nestulaeva, D. R., Rybkina, E. A., Khuzieva, E. F. (2017) *Krymskij islam i rossijskaya umma*. [Crimean Islam and the Russian Ummah]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. No. 2. Pp. 117–121. (In Russ.)
3. Kharipova, Z. F. (2020) *Istoriya evroislama: islam i liberalizm* [The history of Euro-Islam: Islam and Liberalism]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State University]. Vol. 31. Pp. 10–113. (In Russ.). DOI: 10.26516/2073-3380.2020.31.101.
4. Aminev, Z. G., Yamaeva, L. A. (2020) *Bashkirskij islam. Istoki, evolyuciya, sovremennoe sostoyanie* [Bashkir Islam. Origins, evolution, current state]. Moscow: tip. Triumf. (In Russ.)
5. Gayazov, L. D. (2015) *Osobennosti tatarskogo tradicionnogo islama v postsovetskij period* [Features of Tatar traditional Islam in the post-Soviet period]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. No. 6 (2). Pp. 86–94 (In Russ.)
6. Sapronova, M. A., Chechevishnikov, A. L., Sklykapov, A. A. (2020) *Stanovyashcheesya nauchnoe soobshchestvo. Svodnyj portret issledovatelej rossijskogo islama* [The emerging scientific community. Summary portrait of researchers of Russian Islam]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research]. No. 2. Pp. 122–136. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09.
7. Iskhakov, R. R. (2015) *Kul't musul'manskih svyatyh v religiozno-obryadovoj tradicii tatar kryashchen Volgo-Ural'ya (XIX – nachalo XX v.)* [The cult of Muslim saints in the religious and ritual tradition of the Tatars of the Volga-Urals (19th – early 20th centuries)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. No. 12. Pp. 78–81. (In Russ.)
8. Bareev, M. Yu., Agishev, R. R. (2020) *Regional'nye osobennosti nekotoryh tradicij i obycheev v sovremennom islame* [Regional peculiarities of some traditions and customs in modern Islam]. *Regionologija* [Regionology]. Vol. 28. No. 2. Pp. 303–321. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.303-321.
9. Gavrilova, Yu. V. (2019) *Osobennosti istoricheskikh form religioznogo sinkretizma* [Features of historical forms of religious syncretism]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector]. Vol. 14. No. 2. Pp. 73–80. (In Russ.). DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-73-80. EDN: CECLON.
10. Kontaleva, E. A. (2017) *Religioznyj sinkretizm v interpretacii rossijskikh i zarubezhnyh issledovatelej* [Religious syncretism in the interpretation of Russian and foreign researchers]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. No. 4. Pp. 62–78. (In Russ.). DOI: 10.22250/2072-8662.2017.4.62-78. EDN: ZXHMCP.
11. Yahyev, M. Ya. (2020) *Polivariativnost' islamskoj kul'tury: istoki i prichiny* [The multivariability of Islamic culture: origins and causes]. *Islamovedenie*. [Islamic Studies]. Vol. 11. No. 2. Pp. 109–121. (In Russ.). DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121.
12. Syzranov, A.V. (2017) *Etnografiya «narodnogo» islama* [Ethnography of «national» Islam]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. No. 2. Pp. 132–140. (In Russ.). EDN: YSHUHI.
13. Maroney, E. (2006) *Religious Syncretism*. New York.
14. Stewart, Ch. (2015) *From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder*. Routledge International Handbook of Diversity Studies. Pp. 355–362.
15. Yoder, D. (1974) *Toward a Definition of Folk Religion*. *Western Folklore*. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–15.
16. Bhabha, H. K. (1994) *The Location of Culture*. Abington.

17. Magnitsky, V. K. (1896) *Neskol'ko dannyh o misharyah i seleniyah ih v Kazanskoj i Simbirskoj guberniyah* [Some data on the mishars and their villages in the Kazan and Simbirsk provinces]. Kazan: tip Imperial University. (In Russ.)

18. Akhmarov, G. N. (1903) *O yazyke i narodnosti misharej* [About the Mishari language and nationality]. *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Vol. 19. No. 2. Pp. 223–270. (In Russ.)

19. Mukhamedova, R. G. (2008) *Tatary-mishari: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Mishari Tatars: a historical and ethnographic study]. Kazan: Magarif. (In Russ.)

20. Idiatullov, A. K. (2010) *Evolyuciya religioznogo sinkretizma tatar-misharej Ul'yanovskoj oblasti* [The evolution of religious syncretism of the Tatar Mishars of the Ulyanovsk region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. No. 1. Pp. 35–42. (In Russ.)

21. Minnulin, I. R. (2016) *Islamskoe vozrozhdenie v tatarskoj derevne Mordovii v sovet-skij i postsovet-skij periody* [Islamic revival in the Tatar village of Mordovia in the Soviet and post-Soviet periods]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. No. 1 (35). Pp. 116–145. (In Russ.)

22. Akhmetova, Sh. K. (2015) *Peredacha grekhov v pohoronnom obryade kazahov Zapadnoj Sibiri* [Transfer of sins in the funeral rite of the Kazakhs of Western Siberia]. *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov* [Integration of archaeological and ethnographic research: a collection of scientific papers]. Barnaul. Pp. 158–162. (In Russ.). EDN: URUEFD.

23. Vorobyov, N. I., Khisamutdinov G. I. (1967) (ed.) *Tatary Srednego Povolzh'ya i Priural'ya* [Tatars of the Middle Volga region and the Urals]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

24. Shchankina, L. N. (2023) *Pohoronno-pominal'nye obryady tatar-misharej Mordovii* [Funeral and memorial rites of the Tatar bearers of Mordovia]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 3. Pp. 169–83. (In Russ.)

25. Sharafutdinov, D. R., Sadykova, R. B. (2012) *Semejnye i kalendarnye obychai i obryady tatar* [Family and calendar customs and rituals of the Tatars]. Kazan: The Main Archive Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan. (In Russ.)

26. Agishev, R. R., Barinova, O. N., Manaeva, I. V. (2021) *Pohoronno-pominal'naya obryadnost' tatar-misharej Respubliki Mordoviya* [Funeral and memorial rites of the Tatar bearers of the Republic of Mordovia]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Vol. 12. No. 1. Pp. 83–94. (In Russ.). DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-1-83-94. EDN: PXXHBW.

27. Kornishina, G. A. (2016) *Semanticheskij status bytovykh predmetov iz metalla v kontekste obryadovoj kul'tury mordvy* [The semantic status of household metal objects in the context of the ritual culture of the Mordvins]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* [Humanities: current problems of humanities and education]. No. 3 (35). Pp. 44–50. (In Russ.). EDN: WWHVLV.

28. Seferbekov, R. I., Seferbekov, M. R. (2017) *Kul't svyatykh v islame u tabasarancev: tradicii i sovremennost'* [The cult of saints in Islam among Tabasarans: traditions and modernity]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Vol. 8. No. 4 (34). Pp. 17–31. (In Russ.). DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-17-31.

29. Gabdrakhmanova, G. F., Urazmanova, R. K. (2018) *Musul'manskij kul't svyatykh u tatar volgo-ural'skogo regiona: osobennosti formirovaniya i transformacii* [The Muslim cult of saints among the Tatars of the Volga-Ural region: features of formation and transformation]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2. Pp. 58–75. (In Russ.). DOI: 10.7868/S0869541518020057.

30. Abyanov, R. V., Safarov, M. A. (2021) «Tatarskaya vera». *Obraz islama u russkogo naseleniya Ryazanskoj oblasti* [«Tatar faith. The image of Islam among the Russian population of the Ryazan region. Minbar. Islamic Studies [Minbar. Islamic Studies]. Vol. 14. No. 2. Pp. 310–334. (In Russ.). DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334.

31. Davletshina, L. H. (2017) *Moleniya o dozhde v tradicii kazanskikh tatar* [Prayers for rain in the tradition of the Kazan Tatars]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. No. 12. Pp. 16–18. (In Russ.). EDN: ZREDTV.

32. Urazmanova, R. G. (2009) *Musul'manskije obryady v bytu tatar* [Muslim rituals in the life of Tatars]. *Etnicheskoe obozrenie* [Ethnic review]. No. 1. Pp. 13–25. (In Russ.)

Об авторе

Агишев Руслан Ряфатович, кандидат исторических наук, Научный центр социально-экономического мониторинга, г. Саранск, Российская Федерация; e-mail: agishev2019@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0179-8336

About the author

Agishev Ruslan R., Candidate of Historical Sciences, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk, Russian Federation; e-mail: agishev2019@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0179-8336

*Статья поступила в редакцию 04.03.2024
Одобрена после рецензирования 10.09.2024
Принята к публикации 07.10.2024*

«Служащий же финляндец привыкает уважать и любить Россию...»: военно-учебные заведения Великого княжества Финляндского в системе военной школы Российской империи

А. Н. Гребенкин

После включения Финляндии в состав Российской империи была организована подготовка финской молодежи к получению офицерского звания в особых военно-учебных заведениях, призванная одновременно приобщить их к русской культуре и воспитать в духе преданности имперской власти. В 1812–1903 гг. действовал Финляндский кадетский корпус, преподавание в котором велось по специально разработанной программе как на шведском, так и на русском языке. С 1865 по 1879 гг. кандидатов в офицеры готовило Гельсингфорское пехотное юнкерское училище, руководство которого уделяло большое внимание воспитанию юнкеров в духе любви не только к своей родине, но и к Российской империи в целом. К сожалению, нехватка средств, отсутствие квалифицированных педагогов и неудовлетворительная постановка учебно-воспитательной работы в Финляндском кадетском корпусе не позволяли решить поставленные задачи в полном объеме. Существенное ограничение в конце XIX – начале XX в. привилегий, некогда дарованных финнам, способствовало разрушению национальной военной школы, которая была даже не интегрирована в общеимперское военно-образовательное пространство, а полностью уничтожена.

Ключевые слова: Российская империя, Великое княжество Финляндское, военное образование, имперская политика, национальные меньшинства, русификация.

Для цитирования: Гребенкин А. Н. «Служащий же финляндец привыкает уважать и любить Россию...»: военно-учебные заведения Великого княжества Финляндского в системе военной школы Российской империи // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 118–136. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_118. EDN: KVPТQK

Введение

Одним из важных средств, позволяющих осуществить успешную инкорпорацию национальных окраин в состав единого политического пространства, является учреждение учебных заведений, призванных воспитывать детей местных жителей в духе преданности имперскому центру. В XIX в. данная задача решалась в России в отношении представителей народов Северного Кавказа и Закавказья, царства Польского и Великого княжества Финляндского. При изучении форм, методов и результатов подобной образовательной политики, объектом которой являлись национальные меньшинства, следует обращать внимание не только на достижения, но и на допущенные ошибки и просчеты. Опыт деятельности военно-учебных заведений в Финляндии дает исследователям возможность рассмотреть комплекс проблем, препятствовавших полноценной инкорпорации финнов в состав политической и военной элиты Российской империи.

Научный анализ проблемы организации подготовки офицеров в военно-учебных заведениях, созданных на территории Великого княжества Финляндского в XIX в., позволяет осуществить полноценную характеристику одной из важнейших составляющих процесса инкорпорации Финляндии в состав Российской империи. Академическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в изучение политики российского правительства по отношению к национальным окраинам в XIX – начале XX в. и дает возможность проследить ее динамику. В контексте сохранения определенных проблем в сфере образовательного пространства современной многонациональной России изучение как положительного, так и негативного опыта дореволюционной России позволяет сформулировать ряд рекомендаций и тем самым обуславливает практическую значимость настоящей работы.

Исследование истории военно-учебных заведений Финляндии началось еще в дореволюционный период. В 1889 г. вышла работа «Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Исторический очерк» [1], выдержанная в традициях юбилейных «полковых» изданий, где преимущественное внимание уделено внешней стороне событий. Вместе с тем описание постановки учебной части занимает достаточно много места

и в некоторых случаях содержит интересные факты, почерпнутые из архивных дел корпуса, которые не дошли до наших дней. Положения и выводы труда позволяют судить о влиянии имперской военно-образовательной политики на организацию подготовки офицеров в стенах Финляндского кадетского корпуса. Гораздо более сжатая характеристика дана взаимоотношениям воспитанников. Некоторые аспекты деятельности Гельсингфорсского пехотного юнкерского училища нашли отражение в фундаментальном труде генерала П. О. Бобровского «Юнкерские училища» [2; 3].

В советский период история военной школы Великого княжества Финляндского оказалась вне поля зрения исследователей. Лишь в 1975 г. вышло исследование В. В. Похлебкина, посвященное взаимоотношениям Финляндии и Российской империи. Автор в качестве основного ставит вопрос о том, каким образом Великое княжество Финляндское, обладавшее исключительным статусом и привилегиями, встало на путь сепаратизма.

Из зарубежных исследователей в 1980–2000-е гг. весьма плодотворно занимался историей военно-учебных заведений, расположенных в Великом княжестве Финляндском, английский историк Дж. Скрин (J. O. E. Screen). Его перу принадлежат книги о Гельсингфорском пехотном юнкерском училище [4] и Финляндском кадетском корпусе [5], а также ряд статей. Работы Скрина отличаются добротной источниковой базой и объективностью выводов.

В новейший период отечественной истории российские исследователи проявляют устойчивый интерес к проблематике взаимоотношений Финляндии и России. При этом преобладают работы общего характера, в которых военная и военно-образовательная политика рассмотрена в общих чертах в качестве компонента имперской политики в целом. В начале XXI в. был защищен ряд диссертаций по различным аспектам истории Великого княжества Финляндского¹.

Специальных исследований, касающихся собственно военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, относительно немного. Так, сжатое описание деятельности Финлянд-

¹ Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 184 с.; Загора М. Г. Великое княжество Финляндское при генерал-губернаторе Н. В. Адлерберге (1866–1881): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 384 с.

ского кадетского корпуса приведено в биографических очерках одного из самых известных его выпускников – президента Финляндии К. Г. Маннергейма [6; 7]. Лишь в 2024 г. в «Ежегоднике финно-угорских исследований» была опубликована статья И. Н. Гребенкина и М. Г. Загора, касающаяся характеристики места Финляндского кадетского корпуса в официальной истории и свидетельствах современников [8]. На основе солидной источниковой базы, включающей документы из семейных архивов, авторы дали комплексную научную характеристику учебно-воспитательной работы в Финляндском корпусе в различные периоды его существования, взаимоотношениям воспитанников, бытовой стороне их жизни.

Однако работы, в которой нашли бы отражение вопросы подготовки офицеров в военно-учебных заведениях Великого княжества Финляндского в контексте развития системы российского военного образования и изменения имперской политики по отношению к Финляндии в настоящее время нет. Данная статья призвана хотя бы отчасти восполнить указанный выше историографический пробел.

Объектом настоящей работы является процесс подготовки офицеров в XIX – начале XX в. в военно-учебных заведениях, расположенных на территории Великого княжества Финляндского, в контексте развития российской военной школы и изменения правительственной политики Российской империи по отношению к Финляндии.

Исследование базируется на всеобщих, общенаучных, общелогических и специально-научных исторических методах. Из последних следует выделить метод социокультурного анализа, теорию модернизации и фронтирный подход. Метод социокультурного анализа используется в статье при характеристике неофициальных традиций, сложившихся в Финляндском кадетском корпусе. Теория модернизации позволяет выявить факторы и условия перехода от репрессивно-авторитарной модели подготовки будущих офицеров, доминировавшей до 1850-х гг., к гуманистической концепции, которая была разработана военным министром Д. А. Милютиным и его сподвижниками. Фронтирный метод дает возможность рассмотреть имперскую военно-образовательную политику в отношении финнов как компонент колонизации Финляндии, превращения ее из реги-

она с особым статусом в часть общероссийского политического и культурного пространства.

При изучении нормативных правовых актов применялся формально-юридический метод.

В работе над статьей использовались следующие виды источников: 1) нормативные правовые акты; 2) правоприменительные акты; 3) неопубликованные делопроизводственные материалы; 4) источники личного происхождения.

Первую группу источников образуют:

Устав военно-учебных заведений второго класса (1830 г.) и Положение о юнкерских училищах (1864 г.), которые были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ).

Положения о Финляндском кадетском корпусе, публиковавшиеся в ПСЗРИ, печатавшиеся в качестве приложений к приказам по военному ведомству, а также выходившие в Гельсингфорсе отдельными изданиями.

Высочайшие объявления российских императоров, которые регламентировали отдельные стороны жизни военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, печатались в Гельсингфорсе в частной типографии и в настоящее время хранятся в Библиотеке Российской академии наук.

Вторая группа источников представлена приказами военного министра, Главного начальника военно-учебных заведений и руководителей военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, которые издавались типографским способом и находятся на хранении в Русском книжном фонде Российской национальной библиотеки. В них содержатся сведения о приеме и выпуске обучающихся, назначениях и наградах офицеров и учителей.

Третья группа источников представляет собой документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Особый интерес представляет переписка по поводу реорганизации Финляндского кадетского корпуса, предшествовавшая принятию решения о его закрытии [16].

Наконец, четвертая группа источников представлена как опубликованными, так и неопубликованными материалами. Из опубликованных источников следует назвать мемуары выпуск-

ников корпуса А. Ф. Редигера и К. Г. Маннергейма, в которых дана характеристика внутренней жизни Финляндского кадетского корпуса. Весьма ценные сведения содержатся в неопубликованных письмах начальника Гельсингфорсского пехотного юнкерского училища полковника Ф. К. Купфера создателю и куратору юнкерских училищ полковнику (впоследствии генералу) П. О. Бобровскому [13]. Они позволяют воссоздать сложившуюся в 1860-е гг. концепцию подготовки будущих офицеров-финнов.

Цель статьи – реконструировать процесс воспитания финнов в военно-учебных заведениях Великого княжества Финляндского в XIX – начале XX в. в интересах имперского центра, охарактеризовать достижения и выявить ошибки и недочеты. Данная цель предопределила постановку следующих задач: 1) рассмотреть постановку учебно-воспитательной работы в Финляндском кадетском корпусе и Гельсингфорсском пехотном юнкерском училище в контексте стоявших перед ними политических целей; 2) привести краткие сведения о бытовой стороне жизни воспитанников; 3) дать характеристику деятельности военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского, направленной на ознакомление молодых финнов с русским языком; 4) осуществить анализ методов и средств этой деятельности; 5) выявить положительные и отрицательные стороны организации обучения и воспитания финнов в Финляндском кадетском корпусе и Гельсингфорсском пехотном юнкерском училище. В качестве рабочей гипотезы исследования выдвинут тезис о том, что неуспех попыток превратить выпускников военно-учебных заведений Великого княжества Финляндского в полноценный компонент политической и военной элиты Российской империи был обусловлен не только объективными причинами, но и серьезными просчетами на уровне руководства Главного управления военно-учебных заведений, а также ошибками при формировании и реализации образовательной парадигмы в Финляндском кадетском корпусе.

Результаты

В октябре 1812 г., спустя три года после вхождения Финляндии в состав России, благодаря поддержке Александра I в мызе Гапаниemi был открыт Финляндский топографический корпус, который в 1819 г. был переведен в г. Фридрихсгам и переименован

в Финляндский кадетский корпус. Цель данного военно-учебного заведения заключалась «в приготовлении финляндских юношей к поступлению на службу Его Величества в войска, в России и в Финляндии расположенные» [9, л. 1 об.]. Это способствовало тому, что «возбуждалась и поддерживалась взаимная связь между Финляндией и империей к обоюдной их пользе» [9, л. 1 об.].

В правление Николая I Финляндский кадетский корпус был включен в систему военного образования Российской империи, а его курс – приближен к программе военно-учебных заведений второго разряда (к ним относились столичные и Московский кадетские корпуса, а также Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров) [1, с. 2]. Отличие в постановке учебного курса заключалось в том, что преподавание ряда дисциплин в корпусе вынужденно велось на шведском языке. Так, в 1 и 2 классах общего курса все предметы преподавались на шведском языке. В 3, 4 и 5 классах общего курса и обоих классах специального курса история, география, статистика, все военные науки (кроме топографии) и российское военное законодательство преподавались на русском языке, а остальные предметы – на шведском. Среди учителей корпуса в 1850-е гг. было много финнов, не состоявших на действительной российской службе¹. Круг дисциплин, которые следовало вести на русском языке, постепенно расширялся. К ним была отнесена, например, ботаника.

Следует отметить, что руководство военно-учебных заведений придавало большое значение изучению русского языка как средству сближения с Россией. В июне 1850 г. директором корпуса генерал-лейтенантом бароном И. И. Мунком был поднят вопрос о том, чтобы история, которая, в соответствии со штатом заведения, начиная с 3 общего класса должна была читаться на русском языке, читалась бы в этом классе на шведском языке. Мунк аргументировал свое мнение тем, что воспитанники данного класса еще так слабо владели русским языком, что были вынуждены заучивать уроки наизусть и не могли справиться даже с сокращенным учебным пособием. Кроме того, учителям приходилось постоянно поправлять ответы кадет, из-за чего опрос катастрофически затягивался, и это также не позволяло

¹ Высочайшее Его Императорского Величества объявление о присвоении некоторым учителям Финляндского кадетского корпуса права на пенсию. Дано в Гельсингфорсе 28 июля 1858 г. Гельсингфорс: в Типографии наследников вдовы Симелиус, 1858. С. 1.

пройти программу в полном объеме. Если же педагог не исправлял ошибок, то кадеты привыкали говорить неправильно, и цель изучения русского языка оказывалась недостигнутой.

Однако руководство военно-учебных заведений не согласилось с данным предложением. Цесаревич Александр Николаевич, занимавший в то время должность Главного начальника военно-учебных заведений, велел оставить прежнюю систему преподавания, «отозвавшись при сем, что если собственно преподавание истории от этого пойдет медленнее, то русский язык выигрывает очень много» [11, л. 1]. Лишь в следующем году генералу Мунку удалось отстоять свою точку зрения.

Финляндский кадетский корпус был не единственной военной школой, расположенной на территории Великого княжества. Как указывает выдающийся деятель дореволюционных военно-учебных заведений П. О. Бобровский, «еще в 1843 г. возникала мысль о необходимости иметь школу для уроженцев Финляндии, поступающих подпрапорщиками и унтер-офицерами из вольноопределяющихся, чтобы доставить им способ к изучению русского языка и военных наук на этом же языке» [3, с. 30]. В 1846 г. при 22-й дивизии, которая размещалась в Гельсингфорсе, была открыта военная школа. Обучение на русском языке велось в двух старших классах. Существенным недостатком школы было совместное обучение старших и младших воспитанников, которое было причиной развития негативной традиции издевательств сильных над слабыми, аналогичной той, что являлась бичом старых кадетских корпусов. Отсутствие необходимых условий для полноценного изучения русского языка приводило к тому, что школу заканчивал лишь каждый шестой поступивший.

В начале 1861 г. по инициативе генерал-губернатора Финляндии графа Ф. Ф. Берга школа была подвергнута коренной реорганизации, и 6 мая 1861 г. было высочайше утверждено Положение о юнкерском училище войск в Финляндии. За счет ассигнованных дополнительно сумм улучшилось содержание юнкеров, была заведена небольшая, но тщательно подобранная библиотека.

В начале 1865 г. Финляндский кадетский корпус был также реформирован¹. В соответствии с новым положением, цель заведения заключалась «как в общем ученом образовании мо-

¹ Приказ военного министра. 19 апреля 1865 г. № 148. СПб., 1865. С. 1.

лодых людей из финляндских уроженцев, так и в особенности в воспитании и образовании их в офицеры для всякого рода военной службы»¹. В отличие от прочих кадетских корпусов, на базе общих классов которых были образованы военные гимназии, а специальные классы были сведены в военные училища, в корпусе сохранялось объединение общего и специального курсов, и его выпускники по-прежнему производились в офицеры. В учебной программе наряду с традиционными языками (русским, немецким и французским) значились шведский и финский. Учебным языком был шведский, но при этом оговаривалось, что «в специальных классах военные законы России и военные науки преподаются на языке русском»².

В 1865 г. на базе юнкерского училища войск в Финляндии в числе других юнкерских училищ было открыто Гельсингфорсское пехотное юнкерское училище³. Оно было призвано не только готовить офицеров для финской армии, но и служить важным средством воспитания молодых финнов в духе преданности имперской власти. Первый начальник училища капитан (впоследствии полковник) Генерального штаба Ф. К. Купфер в одном из своих писем создателю и куратору юнкерских училищ полковнику П. О. Бобровскому докладывал: «Юнкерское училище кроме обыкновенной своей пользы хорошо здесь и тем, что привлекает финляндцев на службу, которые прямо в полки не стали бы поступать. Служащий же финляндец привыкает уважать и любить Россию и действует более или менее на распространение тех же идей между своими» [13, л. 56].

В сентябре 1864 г. капитан Купфер ходатайствовал перед начальником штаба Финляндского военного округа о том, чтобы открыть особый третий (младший) класс с сокращенной программой для юнкеров и вольноопределяющихся из числа местных уроженцев, умевших только читать и писать по-русски; «таким образом, незнающие русского языка должны там оставаться лишний год в училище» [3, с. 189]. Программа этого класса была составлена таким образом, чтобы юнкера, слабо владевшие русским языком, могли уделять значительную

¹ Проект Положения о Финляндском кадетском корпусе: Высочайше утвержден 26 февраля (9 марта) 1865 г. СПб., 1865. С. 1.

² Там же. С. 6.

³ Приказ военного министра. 30 марта 1865. № 122. СПб., 1865. С. 1.

часть своего времени на его изучение. Науки же преподавались в ограниченном объеме на шведском языке.

Шведский язык был введен в училище по следующим причинам:

1) в училище поступало много юнкеров лейб-гвардии финских стрелковых поселенных батальонов, почти не знавших русского языка;

2) шведы, прослужив в полку в течение года и получив унтер-офицерское звание, далеко не всегда за это время могли выучить русский язык настолько, чтобы слушать на нем лекции;

3) это служило дополнительным стимулом привлечения финляндцев в училище;

4) чтение лекций исключительно на русском языке могло бы пробудить у финнов зависть к русским юнкерам, которые, несомненно, достигали бы при подобном подходе лучших успехов.

В общем (среднем) классе, по мнению Купфера, следовало учредить особое отделение для финляндцев, в которое он предполагал «принять лишь тех из них, которые свободно переводят с русского на шведский язык, но которые еще не могут с пользой слушать лекции на русском языке» [13, л. 547]. Преподавание некоторых предметов там велось на шведском языке, но с второго полугодия юнкера, слушая предметы по-прежнему на родном языке, должны были отвечать на занятиях по-русски. Это давало возможность отделить финнов, уже хорошо знавших русский язык, от тех, кто еще плохо им владел, чтобы они могли заниматься по особой программе.

Такой подход представлялся начальнику училища более предпочтительным, «нежели усиленное занятие слабых по русскому языку финляндцев этим языком в общем классе» [13, л. 552]. Кроме того, он давал возможность избежать оставления большого количества обучающихся на второй год, так как одновременно изучать науки и язык большинству юнкеров было не по силам. Для перевода в старший класс требовалось свободное владение русским языком, и все дисциплины без исключения там читались только по-русски.

Увеличить количество часов на изучение русского языка не представлялось возможным, так как день юнкера был насыщен разнообразными занятиями, и перегрузка могла вызвать у него отвращение к работе. Кроме того, следовало принять во внимание, что большинство юнкеров (особенно младшего

класса) было слабо подготовлено к напряженной серьезной умственной работе. Обучающимся каждый день приходилось тратить четыре часа на учебу в классах, два часа – на строевую и огневую подготовку, два часа – на приготовление уроков. Подъем был в шесть часов утра, отбой – в десять часов вечера. Из оставшегося свободным времени только три с половиной часа после обеда «можно считать настоящим отдыхом юнкера, он гуляет в это время по городу, пьет чай, если имеет средства, и освежается разговорами с товарищами или чтением какой-нибудь книги» [13, л. 598–598 об.]. На время подготовки к экзаменам и текущим проверочным собеседованиям (так называемым репетициям) юнкера лишались и этого отдыха. Начальник училища полагал, что заведение должно было готовить не только знающих, но и физически здоровых офицеров.

Как и другие юнкерские училища, размещенные на периферии, Гельсингфорское училище испытывало хроническую нехватку учителей. Данная проблема здесь усугублялась тем, что не было именно русских учителей, способных транслировать идеи, в распространении которых было заинтересовано правительство.

Для обучения юнкеров Купфер предлагал прикомандировать несколько офицеров, хорошо знавших как русский, так и шведский языки. В противном случае, по его мнению, училище бы не могло располагать преподавателями. В соответствии с положением о юнкерских училищах, учительские вакансии следовало замещать офицерами местных войск, а также педагогами местных военных и гражданских учебных заведений. Между тем в Гельсингфорсе не было русских учебных заведений, а в Финляндском военном округе офицеров Генерального штаба было меньше, чем в других округах. В одном из писем Купфер сетовал на то, что единственный офицер Генерального штаба, который мог бы взять на себя преподавание фортификации, утонул. Еще одним ресурсом были офицеры Свеаборгской крепостной артиллерии, инженерного управления и саперного батальона, а также расположенного в Гельсингфорсе армейского полка, среди которых, впрочем, сложно было найти кандидатов, соответствовавших всем требованиям, особенно с учетом того, что начальник училища стремился принимать финнов и шведов лишь в качестве исключения.

Чтобы организовать преподавание на должном уровне, Купфер просил оставить при училище в прикомандировании уже занимавшихся преподаванием капитана 88-го пехотного Петровского полка Максимова и капитана Выборгского крепостного полка Иванова, «преподающих несколько предметов и в числе их русский язык в общих классах и особенно полезных училищу не только по усердию и знанию дела, но и по знанию шведского языка, который в младшем классе составляет важное условие для преподавателя» [13, л. 548 об.]. Офицеров Свеаборгской крепостной артиллерии, изъявлявших желание преподавать, Купфер предлагал прикомандировывать к училищу с согласия начальника артиллерии Финляндского военного округа только на время учебного курса (с 1 сентября по 1 апреля). Это давало им возможность находиться при своих частях в летние месяцы, когда производились учения и маневры.

Нехватку офицеров нельзя было компенсировать приглашением инженеров, так как они получали усиленное содержание и не были заинтересованы в материальном отношении. Поэтому в 1865 г. на должность преподавателя фортификации пришлось пригласить отставного майора Бойсмана, который, хотя и провел большую часть своей службы в конной артиллерии, знал эту дисциплину хорошо. Неудобство здесь возникало оттого, что «господин во фраке, читающий военные науки, производит на инспектирующее лицо всегда странное впечатление» [13, л. 675]. В начале 1865/66 учебного года Бойсман был заменен инженерным офицером из Свеаборга.

Много вопросов было связано с подбором командного состава. Командиром роты при учреждении училища был майор Головачев. Поскольку по штату ротный командир должен был иметь чин капитана, Головачев опасался отчисления. Начальник училища весьма ценил знания, опыт и энергию майора Головачева, который ранее служил в образцовом полку и знал шведский язык. Поэтому он ходатайствовал о том, чтобы командира роты разрешили оставить при училище в качестве исключения. Дежурных офицеров предпочитали брать из числа знавших шведский язык, но их в Финляндии было немного. Поэтому приходилось брать не только штабс-капитанов и поручиков, но и подпоручиков, хотя они не обладали необходимым опытом. Чтобы укоренить в заведении «русский дух»,

дежурные офицеры из числа шведов в 1865 г. были уволены, а на их место назначены русские.

Грамотная организация учебного процесса с самого начала деятельности училища на новых основаниях позволила избежать розни между русскими и финнами. Они хорошо ладили друг с другом, особенно в старшем классе, где учились совместно. Кроме того, финны проникались благодарностью к правительству. «Шведский дух», заметный в заведении на момент его переформирования, быстро исчез, так как русских юнкеров было больше, чем финнов. Несмотря на это, многие финны и эстляндцы желали определить в училище своих сыновей.

Что касается Финляндского кадетского корпуса, то он практически не испытал на себе влияния милютинской военно-учебной реформы и в 1860–70-е гг. жил своей жизнью. Как уже отмечалось выше, корпус не был реорганизован в военную гимназию, поэтому в организации обучения и воспитания сохранялось много пережитков николаевской эпохи. Начальство обращалось с воспитанниками исключительно официально. Как и в дореформенных военно-учебных заведениях, в корпусе были младшие командиры из числа самих воспитанников. Интересной традицией было существование «Товарищества», в которое входили воспитанники специальных классов. Члены «Товарищества» осуществляли патронаж над младшими кадетами, следили за их успехами в учебе и не позволяли им совершать проступки. Как отмечал будущий военный министр Российской империи А. Ф. Редигер, поступивший в корпус в 1866 г., «Товарищество, несомненно, приносило большую пользу, придавая Корпусу дух большой порядочности, и его боялись куда больше, чем начальства» [14, с. 39].

В то время как обстановка военных гимназий имела мало общего с казарменной, Финляндский корпус отличался спартанскими условиями. Железные кровати, табуреты, отсутствие в меню каких-либо лакомств, которые заменялись хлебом грубой выпечки и сухарями, – все это роднило заведение с кадетскими корпусами эпохи Александра I и Николая I. Так же, как и обитатели николаевских «кадетских монастырей», питомцы Финляндского корпуса радовались пирогам с мясом, которые дважды в неделю подавались на ужин. Булки и масло финляндцы видели лишь по большим праздникам.

Досуг кадет не был продуктивно заполнен. Лишь изредка организовывались поездки за город. В русских кадетских корпусах, а затем в военных гимназиях большое внимание уделялось организации чтения воспитанников. Финляндцам никто не рекомендовал книг, и свободное время они проводили в страшной тоске.

Задача знакомства кадет с русским языком и русской культурой решалась однобоко: в то время как уроков по русскому языку было много, русская литература не преподавалась совсем. Неудивительно, что, как отмечал А. Ф. Редигер, «корпус был исключительно финляндский как по составу офицеров и кадет, так и по языку преподавания и учебным программам и, наконец, по всему своему духу!» [14, с. 45] Большинство кадет не только не любили Россию, но и относились к ней с презрением. Среди преподавателей и офицеров было много людей, не соответствовавших своему статусу ни по уровню знаний, ни по взглядам. Следует отметить, что в военных гимназиях в 1860-е – первой половине 1870-х гг. большинство педагогов и воспитателей принадлежало к числу хорошо образованных людей, имевших специальную подготовку, и лишь к концу 1870-х гг. повсеместное развитие кризисных явлений привело к появлению учителей, подобных тем, о которых описал А. И. Куприн в своей повести «На переломе (Кадеты)».

Описанная выше конкуренция Финляндского кадетского корпуса и Гельсингфорского пехотного юнкерского училища завершилась в 1879 г., после закрытия училища. К сожалению, из двух военно-учебных заведений, решавших схожие задачи, было уничтожено то, которое делало это, несмотря на все препятствия, более эффективно. Это необдуманное решение, принятое на уровне Главного управления военно-учебных заведений, было следствием системного кризиса российской военной школы, когда многое делалось вопреки здравому смыслу.

В правление Александра III Финляндский кадетский корпус, как и все другие военно-учебные заведения, был «подтянут», дисциплинарным требованиям стало уделяться еще большее внимание. Воспитанники по-прежнему контролировали поведение своих однокашников с помощью товарищеского суда; у каждого младшеклассника был опекун из числа старших кадет, который следил за учебной и поведенческой деятельностью своего питомца. Дурным

традициям в стенах заведения не было места, и, как вспоминал будущий президент Финляндии К. Г. Маннергейм, учившийся в корпусе в 1882–1886 гг., «атмосфера в корпусе была превосходная, а товарищеские отношения, возникшие в ней, оставались крепкими при любых превратностях судьбы» [15, с. 8]. В отличие от Гельсингфорского училища, преподавательский состав корпуса отличался стабильностью. В 1885 г. на смену директору Ф. А. Неовиусу, имевшему репутацию не строевика, а «буржуа», пришел жесткий и требовательный генерал К. К. Энкель.

В конце XIX – начале XX в. Финляндский кадетский корпус стал подвергаться последовательному воздействию политики русификации Финляндии. Катализатором данного процесса стало подготовка к ликвидации самостоятельной армии Великого княжества Финляндского. В феврале 1900 г. военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин передал статс-секретарю Великого княжества Финляндского В. К. Плеве проект нового положения о корпусе. Он предполагал упразднение специальных классов, являвшихся аналогом военных училищ, преподавание всех предметов исключительно на русском языке, исключение из программы шведского языка и предоставление как минимум половины вакансий абитуриентам русского происхождения. Финляндский сенат, рассмотрев проект, не одобрил его.

Плеве, со своей стороны, акцентировал внимание на том, что корпус предназначен в первую очередь для подготовки финских абитуриентов, и если они перестанут поступать в корпус, это было бы крайне нежелательно, ибо «... корпус и по предположениям военного министерства должен содействовать сплочению Финляндской окраины с империей» [16, л. 2 об.]. Между тем неприятие проекта финским обществом, по мнению статс-секретаря, было обусловлено его неправильной трактовкой. Он полагал, что при преобразовании заведения следует подсветить следующее обстоятельство: «задача корпуса... должна заключаться только в предоставлении финляндцам возможности основательно изучить русский язык, словесность и историю и, благодаря этому, ближе узнать Россию и русских» [16, л. 3]. Поэтому возражения Сената не имели под собой почвы. Вместе с тем, чтобы не отталкивать финских абитуриентов от корпуса, следовало сблизить его курс с программами гражданских учебных заведений Финляндии, обеспечив в случае

необходимости возможность беспрепятственного перевода. По этой же причине Плеве предлагал не исключить из перечня преподаваемых предметов шведский язык, знание которого было необходимо каждому образованному жителю Финляндии. Наконец, он выступил за предоставление права поступления в корпус сыновьям лиц, не состоявших на военной службе. Все эти вопросы, по его мнению, должны были быть подвергнуты обсуждению в Главном управлении военно-учебных заведений.

Однако финляндский генерал-губернатор генерал-адъютант Н. И. Бобриков обрушился с резкой критикой на проект. Он настаивал на том, чтобы превратить Финляндский кадетский корпус в русское военно-учебное заведение. Русским абитуриентам он предлагал предоставить 75 % вакансий, «замещаая ими, в случае недостатка шведов и финнов, и остальные 25 %» [16, л. 28 об.]. Военный министр А. Н. Куропаткин согласился с предложениями Бобрикова.

Планам превращения Финляндского кадетского корпуса в русское военно-учебное заведение не суждено было сбыться. В 1903 г. корпус был закрыт.

Обсуждение и выводы

Подводя итоги, следует сказать о том, что Финляндский кадетский корпус и Гельсингфорское пехотное юнкерское училище с предшествовавшими ему военными школой и училищем, несмотря на свою скромную пропускную способность, оставили заметный след в истории и Финляндии, и системы отечественного военного образования, и русской имперской политики. Они были призваны одновременно решить несколько задач: подготовить офицеров для армии Великого княжества Финляндского, воспитать финскую молодежь в духе преданности самодержавию, содействовать дальнейшей инкорпорации Финляндии в состав Российской империи. Однако стесненные условия деятельности, хроническая нехватка средств, постоянные затруднения при поиске педагогов и офицеров не позволяли обоим заведениям выполнять свои обязанности в полном объеме и достигать хороших результатов. Применительно к корпусу следует отметить и ряд серьезных просчетов на уровне выстраивания образовательной и воспитательной парадигмы, которые не позволяли воспользоваться новейши-

ми достижениями военной педагогики и превращали корпус в заповедник казарменного воспитания николаевской эпохи. Кроме того, по отношению друг к другу училище и корпус были не союзниками, а конкурентами. К сожалению, в 1879 г. был закрыт не Финляндский корпус, а Гельсингфорсское училище, подготовка офицеров в котором велась на более прогрессивных началах. Финляндский кадетский корпус по инерции продолжал свою деятельность до очередной волны политики русификации, пришедшейся на рубеж XIX–XX вв.

Список литературы

1. Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Фридрихсгам: Типография акционерного общества, 1889. 130 с.
2. Бобровский П. О. Юнкерские училища. Ч. 3. Обучение и военное воспитание юнкеров. СПб.: Издание книгопродавца Я. А. Исакова, 1873. 688 с.
3. Бобровский П. О. Юнкерские училища. Т. 1: Историческое обозрение их развития и деятельности. Ч. 1, Ч. 2. Развитие школ при войсках для образования армейских офицеров. Развитие учебного плана. Средства и способы обучения. СПб.: Издание книгопродавца Я. А. Исакова, 1872. 264 с.
4. Похлебкин В. В. СССР – Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М.: Междунар. отношения, 1975. 408 с.
5. Screen J. E. O. The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army. *Studia Historica* 22. Helsinki: SHS, 1986. 320 p.
6. Screen J. E. O. Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla. Helsinki, 2003. 383 p.
7. Мейнандер Х. Густав Маннергейм: аристократ в суконном мундире; перевод со шведского Катарини Мурадян. М.: Весь Мир: Otava, 2020. 321 с.
8. Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии [1867–1951]: пер. со швед. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.
9. Гребенкин И. Н., Загора М. Г. Финляндский кадетский корпус в официальной истории и свидетельствах современников (XIX – начало XX в.) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18. – № 1. – С. 76–86. EDN: НТКВВА
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 56. Д. 2730.
11. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2465.
12. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2548.
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1.
14. Редигер. А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. 574 с.
15. Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: АСТ: Астрель, 2011. 571 с.
16. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 693.

"A Finnish Employee Gets Used to Respecting and Loving Russia...": Military Educational Institutions of the Grand Duchy of Finland in the Military School System of the Russian Empire

Aleksey N. Grebenkin

After Finland was incorporated into the Russian Empire, Finnish youth was trained to receive an officer's rank in special military educational institutions, which were designed to simultaneously introduce them to Russian culture and educate them in the spirit of devotion to imperial power. In 1812–1903 the Finnish Cadet Corps operated, where teaching was conducted according to a specially developed program in both Swedish and Russian. From 1865 to 1879 officer candidates were trained by the Helsingfors Infantry Cadet School, whose leadership paid great attention to educating cadets in the spirit of love not only for their homeland, but also for the Russian Empire as a whole. Unfortunately, the lack of funds and qualified teachers and unsatisfactory formulation of educational work in the Finnish Cadet Corps did not allow to solve the tasks in full. Significant limitation of the privileges once granted to the Finns in the late 19th – early 20th century contributed to the destruction of the national military school, which was not even integrated into the general imperial military educational space, but completely destroyed.

Key words: The Russian Empire, the Grand Duchy of Finland, military education, imperial politics, national minorities, Russification.

For citation: Grebenkin, A. N. (2024) «Sluzhashchij zhe finlyandec privykaet uvazhat' i lyubit' Rossiyu...»: voenno-uchebnye zavedeniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v sisteme voennoj shkoly Rossijskoj imperii ["A Finnish Employee Gets Used to Respecting and Loving Russia...": Military Educational Institutions of the Grand Duchy of Finland in the Military School System of the Russian Empire]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 118–136. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_118. EDN: KVPTQK

References

1. *Finlyandskij kadetskij korpus. 1812–1887* (1889) [The Finnish Cadet Corps. 1812–1887]. Fridrihsgam: Tipografiya akcionernogo obshchestva. (In Russ.)
2. Bobrovskij, P. O. (1873) *Yunkerskie uchilishcha. Ch. 3. Obuchenie i voennoe vospitanie yunkerov*. [Junker schools. Part 3. Training and military education of junkers]. St. Petersburg: izdanie knigoprodavca Ya. A. Isakova. (In Russ.)
3. Bobrovskij, P. O. (1872) *Yunkerskie uchilishcha. T. 1: Istoricheskoe obozrenie ih razvitiya i deyatelnosti. Ch. 1, Ch. 2. Razvitie shkol pri vojskah dlya obrazovaniya armejskih oficerov. Razvitie uchebnogo plana. Sredstva i sposoby obucheniya* [Junker schools. Vol. 1: Historical review of their development and activities. Part 1, Part 2. Development of schools in the military for the education of army officers. The development of the curriculum. Means and methods of teaching]. St. Petersburg: izdanie knigoprodavca Ya. A. Isakova. (In Russ.)
4. Pohlebkin V. V. (1975) *SSSR – Finlyandiya: 260 let otnoshenij. 1713–1973* [USSR – Finland: 260 years of relations. 1713–1973]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russ.)
5. Screen, J. E. O. (2003) *Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla*. Helsinki, 2003. (In Fin.)
6. Screen, J. E. O. (1986) *The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of the Officer Training in the Russian Army*. *Studia Historica* 22. Helsinki: SHS. (In Eng.)
7. Mejnander, H. (2020) *Gustav Mannerheim: aristokrat v suknomnom mundire* [Gustav Mannerheim: an aristocrat in the cloth uniform]. Moscow: Ves' Mir: Otava. (In Russ.)

8. Meri, V. (1997) *Karl Gustav Mannerheim – marshal Finlyandii [1867–1951]* [Carl Gustav Mannerheim – Marshal of Finland [1867–1951]]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

9. Grebenkin, I. N., Zagora, M. G. *Finlyandskij kadetskij korpus v oficial'noj istorii i svidetel'stva sovremennikov (XIX – nachalo XX v.)* [The Finnish Cadet corps in the official history and testimonies of contemporaries (19th – early 20th century)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2024. Vol. 18. No 1. Pp. 76–86. (In Russ.). EDN: HTKWAA

10. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* (hereinafter – RGVIA) [The Russian State Military Historical Archive]. F. 725. Op. 56. D. 2730. (In Russ.)

11. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2465. (In Russ.)

12. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2548. (In Russ.)

13. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 80. Op. 1. D. 1. (In Russ.)

14. Rediger, A. F. (1999) *Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra* [The story of my life. Memoirs of the Minister of War]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Kanon-press; Kuchkovo pole. (In Russ.)

15. Mannerheim, K. G. (2011) *Memuary* [Memoirs]. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.)

16. RGVIA. F. 165. Op. 1. D. 693. (In Russ.)

Об авторе

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация; e-mail: angrebyonkin@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9873-0092

About the author

Grebenkin Aleksey N., Doctor of Historical Sciences, Associated Professor, Employee, The Academy of Security Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russian Federation; e-mail: angrebyonkin@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9873-0092

Статья поступила в редакцию 08.09.2024

Одобрена после рецензирования 28.09.2024

Принята к публикации 08.10.2024

Дуализм имперской образовательной политики: подготовка национальных кадров в инородческом обществе

И. В. Лиджиева

Предметом исследования данной статьи выступает имперская политика в области образования в инородческом обществе в XIX в., на примере Калмыцкой степи. Основой источниковой базы послужили документы из Национального архива Республики Калмыкия и фотоматериалы из хранилищ Ставропольского музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Путем использования проблемно-хронологического метода восстановлена последовательность организации учреждений просвещения в Калмыцкой степи в рассматриваемый период. Применение системного метода позволило определить влияние либеральных реформ Александра II и контрреформ Александра III на развитие Калмыцкой степи. Политика постепенной интеграции Калмыцкой степи в общеимперское пространство предусматривала особый путь развития, исключающий из орбиты реформ. В заключение делается вывод о том, что корреляция мероприятий реформ второй половины XIX в. и развитие системы просвещения наглядно иллюстрирует дуализм имперской образовательной политики на инородческой территории.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Калмыцкое училище, инородческое общество, система просвещения, улусные школы.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации государственных заданий Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, проект № 122020100347-2.

Для цитирования: Лиджиева И. В. Дуализм имперской образовательной политики: подготовка национальных кадров в инородческом обществе // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 137–149. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_137. EDN: LYHVDF

Введение

Калмыцкая степь, расположенная в северо-западной части Прикаспийской низменности, в административно-территориальном отношении находилась в составе Астраханской губернии, при этом до 1892 г. не входила в состав губернского управления. Калмыцкое управление подчинялось до 1836 г. главному приставу калмыцкого народа, а затем – главному попечителю калмыцкого народа, который одновременно являлся управляющим государственными имуществами в губернии. Автохтонное население степи причислялось к кочевому инородческому населению империи. Имея особый статус, Калмыцкая степь не была вовлечена в орбиту общероссийских реформ, сохраняя изолированность и консервацию традиционного образа жизни.

Интеграционные процессы окраинных территорий империи на протяжении XIX в. способствовали налаживанию прежде всего управленческой системы, в том числе и в Калмыцкой степи, которая нуждалась в квалифицированных кадрах. На начальных этапах, в данном случае на южных окраинах и Северном Кавказе, эту потребность восполняли путем привлечения военных кадров, переходивших на гражданскую службу. С течением времени и разветвлением управленческого аппарата недостаток чиновников со знанием языка местного населения и способных адаптироваться в условиях инородческой среды становился все более ощутимым. Кардинальное решение этого вопроса напрямую было связано с подготовкой кадров из числа автохтонного населения Калмыкии, так как открытие Министерством внутренних дел калмыцкого класса при школе на Аптекаарском острове Санкт-Петербурга не способствовало изменению ситуации в силу ограниченного количества воспитанников и всего двух выпусков.

Проблема организации школьного образования в Калмыцкой степи является одной из самых разрабатываемых в отечественной историографии. Так, работы дореволюционных исследователей, выступая эмпирической базой, позволяют не только реконструировать события, характеризующие образование и развитие системы школьного образования, но и определить этапы его развития и выявить причины [1; 2–4]. Исследования советского периода, несмотря на свой идеологический контекст, также изобилуют фактологической информацией, в том числе и нарративной [5–7]. Наибольшее внимание со-

временных ученых приковано к вопросам политики в области просвещения в инородческой среде, организации школьного образования в хронологической ретроспективе, характеристике видов учебных заведений, преподавательского состава, процедуре организации от инициативы до финансирования [8–12]. Особый интерес в ряду научных изысканий вызывают исследования С. В. Любичанковского, который рассматривает имперскую образовательную политику как механизм «мягкой силы» в отношении кочевых и полукочевых народов Урало-Поволжья и Центральной Азии, на примере калмыков, башкир и казахов, в контексте аккультурационных процессов [13–15]. Коллективная монография под научной редакцией профессора С. В. Любичанковского касается эволюции государственной политики в отношении кочевых и полукочевых народов Российской империи, в рамках которой исследователями оценивается процесс интеграции инородческого населения в социокультурное пространство империи посредством внедрения школьного образования [16]. Проблема становления и развития системы образования в инородческой среде на примере казахов рассматривается казахстанскими учеными [17; 18].

Коллектив авторов, исследуя вопросы формирования школьного образования в калмыцких улусах в позднеимперский период, приходит к выводу о взаимосвязи динамики его развития с потребностями административных учреждений в подготовленных кадрах [19].

Но, несмотря на сложившуюся по рассматриваемой проблеме богатейшую историографическую базу, многие вопросы подготовки кадров для инородческой администрации учреждений медицинской помощи и просвещения остались вне поля исследовательского внимания, что обуславливает научную новизну исследования. Кроме того, фактором, повышающим исследовательский интерес, выступает отличный от абсолютного большинства империи способ хозяйствования, основанный на кочевом экстенсивном скотоводстве, и, как следствие, социокультурный уровень развития общества, что осложняло формирование региональной этнообразовательной структуры.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о наличии корреляции между мероприятиями либеральных реформ 1860–70-х гг. и контрреформ 1880–90-х гг. и развитием Калмыцкой степи.

Целью данной статьи является анализ имперской образовательной политики в иногородческой среде на примере калмыков Астраханской и Ставропольской губерний на протяжении XIX столетия. Основой источниковой базы послужили документы из Национального архива Республики Калмыкия и фотоматериалы из хранилищ Ставропольского музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. Путем использования проблемно-хронологического метода восстановлена последовательность организации учреждений просвещения в Калмыцкой степи в рассматриваемый период. Применение системного метода позволило определить влияние либеральных реформ Александра II и контрреформ Александра III на развитие Калмыцкой степи.

Результаты

23 апреля 1847 г. император Николай I подписал второй указ, касающийся жизнедеятельности калмыков Астраханской губернии. Наряду с Положением об управлении калмыцким народом в свет вышло Положение об училище для калмыков. Авторы фундаментального исследования «Очерки истории Калмыцкой АССР» отметили, что это «первая калмыцкая школа, официально разрешенная царским правительством» [20, с. 432]. Именно этот документ в долгосрочной перспективе должен был стать основополагающим в деле становления системы образования в Калмыцкой степи. В краткосрочной – «приуготовлении способных переводчиков и толмачей»¹.

В структурном отношении законодательный акт состоит из двух глав, которые включают семь статей. В главе первой описаны общие положения, регулирующие штат училища, место его нахождения и подведомственность. Так, заведывание поручалось особому смотрителю под контролем главного попечителя калмыцкого народа. Кандидатура смотрителя по предложению главного попечителя утверждалась военным губернатором. Для присмотра за воспитанниками предусматривалась должность «дядьки» из отставных унтер-офицеров, а также два служителя из вольнонаемных для прислуги и организации питания и огорода. Законодатель оговорил и помещение

¹ Положение об училище для калмыков // ПСЗ РИ – 2. Т. XXII. Ч. 1. № 21145. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. С. 372–374.

училища в «особо устроенном для него здании при Палате государственных имуществ», с заведением огорода.

Согласно пункту 5 главы второй прием воспитанников ограничивался по сословному принципу и признаку гражданской и военной службы, т. е. преимущество при поступлении в училище имели дети нойонов и зайсангов, а также те, чьи родители состояли на государственной службе или удостоивались правительственных наград. И только при отсутствии таковых могли быть приняты сначала дети-сироты, а затем остальные калмыки на общих основаниях. В училище принимали детей, достигших 8 лет и не старше 12, прошедших медицинское освидетельствование, что «они не подвержены болезням» и имеют оспенную прививку.

Процедура оформления детей для обучения в училище начиналась с получения предварительного согласия родителей, в случае их отсутствия – опекунов или старших членов в семье. Сироты принимались по назначению главного попечителя калмыцкого народа. Следует отметить, что не всегда родители из привилегированных семей стремились отправлять своих детей на обучение. Так, например, в соответствии с предписанием министра внутренних дел от 27 октября 1828 г., направленном астраханскому губернатору, для обучения в Санкт-Петербурге «для приуготовления в толмачи» необходимо было направить пять калмыцких мальчиков [21, л. 5]. В декабре 1828 г. пристав Багацохуровского улуса титулярный советник Ханжин в рапорте на имя главного пристава калмыцкого народа И. В. Захаревича сообщал «за всеми моими стараниями и понуждениями» о проблемах по сбору детей и, как отмечено в одном из донесений, ввиду того, что «якобы аймачные в том противятся» [22, л. 14].

Первый набор воспитанников училища в числе 50 человек был осуществлен в декабре 1849 г., тогда оно и было впервые открыто. Целевое финансирование деятельности училища, в размере 3279 руб. осуществлялось из средств, взимаемых с калмыков на содержание Калмыцкого управления. Дополнительно к этой сумме с 10 октября 1862 г. на основании высочайше утвержденного предписания министра государственных имуществ А. А. Зеленого выделялось 2 тыс. руб. из общественного калмыцкого капитала [23, л. 210].

Острая нехватка медицинского персонала обусловила учреждение 11 октября 1862 г. при училище фельдшерского отделения с содержанием на каждого ученика по 40 р. 50 к., которое в 1871 г. с разрешения Департамента общих дел было увеличено до 60 р.

Интенсивность интеграционных процессов предопределила вовлечение местного населения на гражданскую службу. В связи с этим в 1864 г. при училище было открыто гимназическое отделение на 10 учеников с отнесением расхода на каждого из 10 учеников по 100 р. за счет средств общественного калмыцкого капитала. Спустя два года, 20 ноября 1866 г. распоряжением первого Департамента Министерства государственных имуществ содержание гимназистов увеличилось на 50 р., а 19 августа решением Департамента общих дел, вследствие представления главного попечителя калмыцкого народа на пять человек увеличилось число воспитанников, с содержанием каждого по 150 р.

Эти первые действия властей по организации учреждений просвещения в течение первых десяти лет дали положительные результаты. Так, по данным из отчета главного попечителя калмыцкого народа за 1871 г., со времени учреждения училища 78 выпускников заняли должности в улусных управлениях: переводчиков – 8; толмачей – 36; учителей – 18; фельдшеров и оспопрививателей – 16 [24, л. 20 об.].

Событием, соответствующим духу либеральных реформ императора Александра II, стало открытие 1 февраля 1868 г. Астраханского калмыцкого женского училища на 20 воспитанниц. Министр государственных имуществ А. А. Зеленой разработал Положение о калмыцком женском училище, которое 18 декабря 1867 г. получило высочайшее одобрение. Училище было направлено на подготовку учителей для улусных школ. На содержание училища из общественного капитала ежегодно выделялось 3 250 руб.

Кроме двух училищ, находящихся в Астрахани, во всех улусах Калмыцкой степи функционировали школы для мальчиков. Ежегодное финансирование в размере 1 300 р., назначенное разрешением министра государственных имуществ от 28 ноября 1864 г., во владельческих улусах осуществлялось за счет албанного сбора, в казенных – из средств общественного капитала. На рисунках представлены¹ фотографии из альбома

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 231.

«Инородческие школы Ставропольской губернии» – Калмыцкое училище в Большедербетовском улусе [25].

Овладев первоначальными знаниями, выпускники улусных школ могли продолжить обучение уже в училище или в гимназию, а были и такие, которые поступали в высшие учебные заведения страны. Так, в 1871 г. два выпускника гимназии поступили в Казанский университет. Один из них на юридический факультет, а второй на медицинский [24, л. 19]. Позднее, в 1889 г. по окончании Калмыцкого училища в Астрахани, студентом сначала ветеринарного факультета, а потом медицинского, Императорского Казанского университета стал Михаил Васильевич Бадмаев [26, л. 9; 20, с. 6–7].

Значительным прогрессом не только в деле образования населения, но и в плане правоспособности женского населения калмыцкого общества стало предписание Департамента общих дел за № 2482 от 21 апреля 1872 г., разрешающее открыть в каждом улусе по одной женской школе на десять воспитанниц [28, л. 26 об.]. На протяжении чуть более десяти лет училище готовило педагогические кадры для улусных школ. Наличие учителей дало возможность расширить образовательную систему степи за счет открытия аймачных школ на средства, так называемых «домашних» капиталов.

Однако следующий виток внутренней политики Российской империи привел к смене курса либеральных реформ на контрреформы. Распоряжением имперских властей от 19 сентября 1884 г. калмыцкое женское училище в Астрахани закрылось. Восемь воспитанниц вернули домой, а три получили возможность поступить в Астраханскую женскую гимназию [26, л. 6]. Указанием же главного попечителя калмыцкого народа Н. О. Осипова был закрыт доступ к получению образования в улусных школах девочкам-калмычкам. Попечитель Малодербетовского улуса, как явствует из архивных источников, приведенных Н. Ш. Ташниновым в своей работе, не только прекратил прием девочек в школу, но и исключил из улусной школы всех учениц-калмычек. Однако в Яндыковской и Икицохуровской улусных школах отдельные девочки-калмычки продолжали обучаться, но только до 1897 г. [29, л. 71]. Однако в годовом отчете за 1895 г., за подписью главного попечителя калмыцкого народа Ф. А. Агафонова значится: «девочки в школах не обучаются» [30, л. 86].

В степи существовала практика частных школ. Так, например, в 1871 г. зайсанг Бага-Чоносова рода Малодербетовского улуса, один из самых крупных коннозаводчиков степи Эмген Убуши Дондуков открыл школу на собственные средства [24, л. 23]. Согласно формулярному о службе списку, Дондуков был награжден серебряными медалями на Станиславской ленте, золотой медалью на Андреевской ленте, темно-бронзовой медалью в память священного коронования. Удостоен императорского подарка – серебряной вызолоченной кружки с именной надписью: «Зайсангу Малодербетовского улуса Эмген Убуши Дондукову от Его Императорского Величества. 14 января 1880 г. СПб.» [31, л. 23 об.]. В народной памяти личность зайсанга сохранилась как героизированный образ, в том числе как открывателя первой родовой школы [32].

Таблица

Сведения о численности учащихся и количестве образовательных учреждений

Год	Калмыцкое мужское училище	Улусные школы		
		Количество улусных школ	Численность учащихся	
	Численность учащихся		муж.	жен.
1870 [24]	50	8	182	111
1875 [33]	50	8	-	-
1880 [34]	50	8	-	-
1885 [35]	35	6	102	23
1890 [36]	55	6	-	-
1895 [30]	54	6	111	
1900 [37]	35	6	126	

Статистический анализ данных о численности учащихся и количестве образовательных учреждений, представленных в годовых отчетах главных попечителей калмыцкого народа за период с 1870 г., через каждые пять лет до 1900 гг., показал наличие корреляции между мероприятиями либеральных реформ 1860–70-х гг. и контрреформ 1880–90-х гг., и развитием системы просвещения в Калмыцкой степи. Вплоть до 1880-х гг., как свидетельствуют данные таблицы, численность учащихся стабильно сохранялась на отметке «50». Такая же тенденция

наблюдается и по количеству улусных школ. Начиная с 1890 г. на протяжении более пяти лет имеет место увеличение численности учащихся калмыцкого мужского училища, что, на наш взгляд, обусловлено потребностями разрастающегося административно-управленческого аппарата.

Обсуждение и выводы

Таким образом, следствием сохранения изолированности степи, ввиду незавершенного процесса инкорпорирования в общеимперское пространство, выступало нераспространение действий общероссийских реформ второй половины XIX в. на калмыцкое общество. Однако их влияние наглядно отражается на примере развития системы просвещения Калмыцкой степи. Имперская администрация нуждалась в квалифицированных кадрах, при этом инородческая окраина привлекала внимание не каждого искавшего место службы, что предопределило сохранение кадрового дефицита. Решением проблемы стала подготовка необходимых специалистов на месте, т. е. через организацию учреждений просвещения в Калмыцкой степи. Корреляция мероприятий реформ второй половины XIX в. и развитие системы просвещения наглядно иллюстрируют дуализм имперской образовательной политики на инородческой территории.

Список литературы

1. Архангельский Н. Начальные школы в приставских ставках у кочевых племен Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. – 1877. – 19 марта.
2. Позднеев А. М. Доклад 4-й секции по вопросам образования инородцев-ламаитов // Труды Особого совещания по вопросам просвещения инородцев. – СПб.: б. и., 1905. – 165 с.
3. Сильницкий А. Д. Краткий очерк состояния народного образования в Калмыцкой степи Астраханской губернии в связи с современным бытом калмыков // Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. – № 7. – С. 37–100.
4. Фарфоровский С. В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. Ставрополь: Тип. губ. правления, 1912. 42 с.
5. Килганов В. У. Становление школьного образования в Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1968. 67 с.
6. Ташнинов Н. Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста: Калмиздат, 1969. 213 с.
7. Лиджиева И. В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX вв.: историко-этнографический аспект. Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2016. 328 с.
8. Федюнина Т. Н., Вдовина А. В. Политика в области образования для национальных меньшинств Российской империи во второй половине XIX века // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Материалы Всероссийского научно-практического форума. – Воронеж: ВГПУ, 2021. – С. 91–95. EDN: SKJKBG

9. Сартикова Е. В. Система образования и деятельность русской интеллигенции в Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 8. – С. 114–120. EDN: MUJNCX

10. Минкеева И. Н. Формирование системы «образования для калмыков» в российском образовательном пространстве XIX века: родовые (аймачные) школы // Вестник Тв.ГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2019. – № 1 (46). – С. 146–152. EDN: ZESFF

11. Лиджиева И. В. Народное образование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – Т. 9. – № 1 (23). – С. 34–42. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-34-42. EDN: WXVVAH

12. Лиджиева И. В., Кидирниязов Д. С. Кочевники степного Предкавказья в период Великих реформ в России // Вестник Российского института дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 74–87. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-74-87. EDN: JAKEWZ.

13. Любичанковский С. В. Имперская политика аккультурации «инородцев» средствами просвещения (на материалах урало-поволжских и центрально-азиатских территорий Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – № 3 (101). DOI: 10.18254/S207987840014091-9. EDN: CDZZFY

14. Любичанковский С. В. Формирование казахской интеллигенции в учебных заведениях Оренбургского края: ответ на вызовы пореформенной модернизации // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 4 (73). – С. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-106-114. EDN: PEJQWW

15. Ковальская С. И., Любичанковский С. В. Российская образовательная система как канал аккультурации и модернизации сознания казахов-кочевников XVIII – начало XX веков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – Т. 24. – № 2. – С. 7–15. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-7-15. EDN: XVQVAT

16. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с. EDN: NXXUIV.

17. Садвокасова З. Наследие Алашской интеллигенции по проблемам просвещения казахских детей (в контексте казахской государственности) // Мир Большого Алтая. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 427–437. DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-3-427-437. EDN: YNMQSD.

18. Тнейбекулы Б. Е., Габдулхакович М. А., Сардарова Э. А., Койшибаев М. Н., Билтекенова Г. Б. Социальные условия Казахстана в развитии образования конца XIX – начало XX веков // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9. – № 2. – С. 1–13. DOI: 10.15862/59PDMN221. EDN: ZAUMUL

19. Команджаев А. Н., Абеева О. Н., Амаева Д. В. Становление системы школьного образования в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 36 (4). – С. 18–23. EDN: YLNNHT

20. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дюктябрьский период. М.: Изд-во «Наука, 1967. 479 с.

21. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1287. Оп. 12. Д. 471.

22. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НАРК). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 74.

23. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 35.

24. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 14.

25. Ставропольский историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Ф. 54. Д. 1860.

26. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 72.

27. Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.). Библиографический указатель. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2006. 250 с.

28. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 20.

29. Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4.

30. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 56.

31. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 74.

32. Бакаева Э. П. История о зайсангах Джова-Дорджи и Эмген-Убуши в калмыцком фольклоре: прообразы и этнографическая специфика мотива соперничества // Новый филологический вестник. – 2022. – № 2 (61). – С. 346–366. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346. EDN: YATBOU.

33. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 21.
34. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 44.
35. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 83.
36. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106.
37. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 177.

The Imperial Educational Policy Dualism: Training National Personnel in the Aliens' Society

Irina V. Lidzhieva

The subject of this article is the imperial policy in the field of education in a non-Russian society in the 19th century on the example of Kalmyk steppe. The paper is based on documents from the National Archives of the Republic of Kalmykia and photographic materials from the repositories of the Stavropol Museum-Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave. Using the problem-chronological method, the sequence of the organization of educational institutions in the Kalmyk steppe in the period under review was reconstructed. The use of the system method made it possible to determine the influence of the liberal reforms of Alexander II and the counter-reforms of Alexander III on the development of the Kalmyk steppe. The policy of gradual integration of the Kalmyk steppe into the general imperial space provided for a special path of development, excluding it from the orbit of reforms. The author comes to the conclusion that the correlation of the reform measures of the second half of the 19th century and the development of the educational system clearly illustrates the dualism of the imperial educational policy in the national minorities territory.

Key words: Kalmyk steppe, Kalmyk school, foreign society, education system, ulus schools.

Acknowledgements: The publication was prepared as part of the implementation of state assignments of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, project No. 122020100347-2.

For citation: Lidzhieva, I. V. (2024) Dualizm imperskoj obrazovatel'noj politiki: podgotovka nacional'nyh kadrov v inorodcheskom obshchestve [The Imperial Educational Policy Dualism: Training National Personnel in the Aliens' Society]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 137–149. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_137. EDN: LYHVDF

References

1. Arhangel'skij, N. (1877) *Nachal'nye shkoly v pristavskih stavkah u kochevyh plemen Stavropol'skoj gubernii* [Primary schools in the bailiff headquarters of the nomadic tribes of the Stavropol province]. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti* [Stavropol provincial news]. 19 March. (In Russ.)
2. Pozdneev, A. M. (1905) *Doklad 4-j sekcii po voprosam obrazovaniya inorodcev-lamaitov* [Report of the 4th section on the education of the Lamaite aliens]. *Trudy Osobogo soveshchaniya po voprosam prosveshcheniya inorodcev* [Works of the Special Conference on the issues of education of the non-Russians]. St. Petersburg. (In Russ.)
3. Sil'nickij, A. D. (1907) *Kratkij ocherk sostoyaniya narodnogo obrazovaniya v Kalmyckoj stepi Astrahanskoj gubernii v svyazi s sovremennym bytom kalmykov* [Brief essay on the state of public education in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in connection with the modern life of the Kalmyks]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No 7. Pp. 37–100. (In Russ.)
4. Farforovskij, S. V. (1912) *Narodnoe obrazovanie sredi kalmykov Bol'shogo Derbeta v svyazi s ih bytom i istoriej* [Public education among the Kalmyks of Greater Derbet in connection with their life and history]. Stavropol: Typ. of the province government. (In Russ.)

5. Kilganov, V. U. (1968) *Stanovlenie shkol'nogo obrazovaniya v Kalmykii* [Formation of school education in Kalmykia]. Elista: Kalmyk publishing house. (In Russ.)
6. Tashninov, N. SH. (1969) *Ocherki istorii prosveshcheniya Kalmyckoy ASSR* [Essays on the history of education in the Kalmyk ASSR]. Elista: Kalmyk Publishing House. (In Russ.)
7. Lidzhieva, I. V. (2016) *Mestnoe samoupravlenie kalmykov v XIX – nachale XX vv.: istoriko-etnograficheskij aspekt* [Local self-government of Kalmyks in the 19th – early 20th centuries: historical and ethnographic aspect]. Elista: Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016. (In Russ.)
8. Fedyunina, T. N., Vdovina, A. V. (2021). *Politika v oblasti obrazovaniya dlya nacional'nyh men'shinstvo Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka* [Educational policy for national minorities of the Russian empire in the second half of the 19th century]. *Problemy gumanitarnykh nauk i obrazovaniya v sovremennoj Rossii. Materialy Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo foruma* [Problems of the Humanities and Education in Modern Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Forum]. Voronezh: VGPU. Pp. 91–95. EDN: SKJKBG. (In Russ.)
9. Sartikova, E. V. (2010) *Sistema obrazovaniya i deyatel'nosti russkoj intelligencii v Kalmyckoj stepi v konce XIX – nachale XX vv.* [The system of education and activity of Russian intelligentsia in Kalmyk steppe in the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanij* [Scientific problems of humanitarian research]. No. 8. Pp. 114–120. EDN: MUJNCX. (In Russ.)
10. Minkeeva, I. N. (2019) *Formirovanie sistemy «obrazovaniya dlya kalmykov» v rossijskom obrazovatel'nom prostranstve XIX veka: rodovye (aimachnye) shkoly* [Formation of the system of «education for kalmyks» in the Russian educational spaces of the 19th century: generic (aimak) schools]. *Vestnik Tv.GU. Seriya «Pedagogika i psihologiya»* [Bulletin of Tver State University. Series "Pedagogy and Psychology"]. No. 1 (46). Pp. 146–152. EDN: ZEESEFF. (In Russ.)
11. Lidzhieva, I. V. (2016) *Narodnoe obrazovanie v deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya Kalmyckoj stepi* [Public education in the activities of bodies of local self-government of the Kalmyk steppe in the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk institute of humanitarian research of the RAS]. Vol. 9. No. 1 (23). Pp. 34–42. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-34-42. EDN: WXBVAH. (In Russ.)
12. Lidzhieva, I. V., Kidirmyazov, D. S. (2020) *Kochevniki stepnogo Predkavkaz'ya v period Velikih reform v Rossii* [Nomads of the steppe Caucasasia during the great reforms in Russia]. *Vestnik Rossijskogo instituta druzhiby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 20. No. 1. Pp. 74–87. DOI: 10.22363/2312-8674.2021-20-1-74-87. EDN: JAKEWZ. (In Russ.)
13. Lyubichankovskij, S. V. (2021) *Imperskaya politika akkul'turacii «inorodec» sredstvami prosveshcheniya (na materialah uralo-povolzhskih i central'no-aziatskih territorij Rossijskoj imperii)* [Imperial policy of acculturation of “foreigners” by means of enlightenment (based on materials from the Ural-Volga and Central Asian territories of the Russian empire)]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"]. Vol. 12. No. 3 (101). DOI: 13.18254/S207987840014091-9. EDN: CDZFFY. (In Russ.)
14. Lyubichankovskij, S. V. (2021) *Formirovanie kazahskoj intelligencii v uchebnyh zavedeniyah Orenburgskogo kraja: otvet na vyzovy poreformennoj modernizacii* [Formation of the Kazakh intelligentsia in educational institutions of the Orenburg region: the response to the challenges of post-reform modernization]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 4 (73). Pp. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-106-114. EDN: PEJQWW. (In Russ.)
15. Koval'skaya, S. I., Lyubichankovskij, S. V. (2018) *Rossijskaya obrazovatel'naya sistema kak kanal akkul'turacii i modernizacii soznaniya kazahov-kochevnikov XVIII – nachalo XX vekov* [Russian educational system as a channel for acculturation and modernization of consciousness of nomadic Kazakhs of the 18th – early 20th centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]. Vol. 24. No. 2. Pp. 7–15. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-7-15. (In Russ.)
16. *Imperskaya politika akkul'turacii i problema kolonializma (na primere kochevyh i polukochevyh narodov Rossijskoj imperii)* (2019) [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg: Publishing center of OGAU. EDN: NXXUIT. (In Russ.)
17. Sadvokasova, Z. (2018) *Nasledie Alashskoj intelligencii po problemam prosveshcheniya kazahskih detej (v kontekste kazahskoj gosudarstvennosti)* [Heritage of the Alash intellectuals on the problems of education of Kazakh children (in the context of Kazakh statehood)]. *Mir Bol'shogo Altaya* [World of Great Altay]. Vol. 4. No. 3. Pp. 427–437. DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-3-427-437. EDN: YNMQSD. (In Russ.)
18. Tnejbekuly, B. E., Gabdulhakovich, M. A., Sardarova, E. A., Kojshibaev, M. N., Biltekenova G. B. (2021) *Social'nye usloviya Kazahstana v razvitii obrazovaniya konca XIX – nachalo XX vekov* [Social conditions of Kazakhstan in the development of education in the late 19th – beginning of 20th centuries]. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology]. Vol. 9. No. 2. Pp. 1–13. DOI: 10.15862/59PDMN221. EDN: ZAUMUL. (In Russ.)
19. Komandzhaev, A. N., Abeeova, O. N., Amaeva, D. V. (2017) *Stanovlenie sistemy shkol'nogo obrazovaniya v Kalmykii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [The development of the system of school education in Kalmykia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. No. 36 (4). Pp. 18-23. EDN: YLNNHT. (In Russ.)
20. *Ocherki istorii Kalmyckoj ASSR. Dooktyabr'skij period* (1967) [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. Moscow, Science Publishing House. (In Russ.)
21. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1287. Op. 12. D. 471.

22. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykiya* (hereinafter – NARK) [National Archives of the Republic of Kalmykia]. F. I-2. Op. 1. D. 74.
23. NARK. F. I-9. Op. 4. D. 35.
24. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 14.
25. *Stavropol'skij istoriko-kul'turnyj i prirodno-landshaftnyj muzej-zapovednik im. G. N. Prozriteleva i G. K. Prave*. [Stavropol Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave]. F. 54. D. 1860. (In Russ.)
26. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 72.
27. *Uchenye-issledovateli Kalmykii (XVII – nachalo XX vv.). Bibliograficheskij ukazatel* (2006) [Researchers-scientists of Kalmykia (17th – early 20th centuries). Bibliographic index]. Elista: Kalmyk book publishing house. (In Russ.)
28. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 20.
29. *Nauchnyj arhiv Kalmyckogo nauchnogo centra RAN* [Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. F. 17. Op. 1. D. 4.
30. NARK. F. I-9. Op. 2. D. 56.
31. NARK. F. I-9. Op. 2. D. 74.
32. Bakaeva, E. P. (2022) *Istoriya o zajsangah Dzhova-Dordzhi i Emgen-Ubushi v kalmyckom fol'klоре: proobrazy i etnograficheskaya specifiка motiva sopernichestva* [The Story of Zaisangs Jova-Dorji and Emgen-Ubushi in Kalmyk Folklore: Prototypes and Ethnographic Specifics in the Motif of Rivalry]. *Novyj filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin]. No. 2 (61). Pp. 346–366. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-346. EDN: YATBOU. (In Russ.)
33. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 21.
34. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 44.
35. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 83.
36. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 106.
37. NARK. F. I-9. Op. 1. D. 177.

Об авторе

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: irina-lg@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5699-1021

About the author

Lidzhieva Irina V., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Humanitarian Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation; e-mail: irina-lg@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5699-1021

*Статья поступила в редакцию 07.09.2024
Одобрена после рецензирования 03.10.2024
Принята к публикации 22.10.2024*

Трансформация татарской социокультурной инфраструктуры уездного города в первой трети XX в. (на примере г. Троицка Оренбургской губернии)

Л. Р. Габдрафикова

В статье представлены этапы развития социокультурной инфраструктуры татарского населения города Троицка (Оренбургская губерния) в первой трети XX в. Подчеркивается роль общинных, самоуправленческих структур в социокультурной жизни горожан до 1917 г. (открытие школ, библиотеки, драматического кружка и т.д.), обозначены агенты модернизационных изменений: купцы, муниципальные служащие, работники торговой сферы. Выделены три этапа в социокультурном развитии татарского сообщества города (1900-е, 1910-е, после 1917 г.). Рассматривается роль купеческой династии Яшевых, в том числе их косвенное участие в преобразованиях начала XX в. Имеющаяся инфраструктура позволила Троицку и в 1920-е гг. оставаться одним из центров татарской городской культуры. При этом на начальном этапе советского периода сохранилась путаница в обозначении различных этнических групп, поэтому в статье уделяется отдельное внимание дефинициям начала XX в. («восточный», «мусульманский», «татаро-башкирский»). Основными источниками работы являются эго-документы – мемуары татар Троицка. Делается вывод о том, что негативные последствия в сфере татарской культуры Троицка были связаны с унификацией повседневной жизни народов Советской России, а также с административно-географическим расположением города.

Ключевые слова: татары, революция 1917 года, этнические меньшинства, мусульмане России, история повседневности, Троицк, Оренбургская губерния.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Трансформация татарской социокультурной инфраструктуры уездного города в первой трети XX в. (на примере г. Троицка Оренбургской губернии) // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 150–169. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_150. EDN: QQUGIR

Введение

Троицк – город на Южном Урале, возникший в 1740-е гг. Это было местом меновой торговли, а население пограничья отличалось полиэтничностью. По данным 1897 г., татары составляли 31,3 % населения Троицка (7 283 чел.) [1, с. 69], большая их часть являлась потомками переселенцев из Казанской губернии.

Сегодня все актуальнее звучат вопросы поиска этнокультурных истоков, сохранения историко-культурного наследия народов России. Поэтому важно изучение исторического опыта этнических меньшинств и их культур, а также примеров их самоорганизации и интеграции в общероссийское культурное и правовое поле в условиях фронта и общественно-политических перемен.

В начале XX в. татарская культура получила развитие в разных городских центрах Российской империи. Это было обусловлено и экономическими связями регионов: татарские купцы и опекаемое ими мусульманское духовенство сумели выстроить собственную обширную сеть. Так, исследовательница Д. Росс назвала это явление «Татарской империей» [2]. Культурная жизнь татарского населения Российской империи была довольно разнообразной не только в Казани, но и в Оренбурге, Уфе и других городах Волго-Уральского региона. До установления власти Советов это явление носило децентрализованный характер.

История татар Троицка еще в дореволюционное время была зафиксирована публицистами [3; 4]. Советское понимание национальных культур и территориальное ограничение татарскости пределами Татарской республики определили и вектор научного изучения этого наследия. Если дореволюционная культурная жизнь татар за пределами Казанской губернии освещалась в советских научных трудах [5–7], то жизнь татарской диаспоры после 1917 г. оставалась «белым пятном» в истории. Лишь на рубеже XX–XXI вв. начался новый виток в изучении истории татар Троицка. Подспорьем стал краеведческий труд о татарском Троицке [8], который можно рассматривать и как образец устной истории. Но прошлое татарского сообщества привлекало исследователей больше в рамках исламоведческих изысканий. Примечательны очерки Д. Н. Денисова о мусульманских общинах Челябинского края конца XVIII – начала XX в. [9], а также энциклопедический словарь «Ислам на Урале» [10].

Статистический анализ, представленный в шестом томе «Истории татар с древнейших времен» показывает, что татары составляли существенную часть мусульманского сообщества города [1, с. 69–70]. Исследования биографического и историко-генеалогического характера тоже это подтверждают [11; 12]. Повседневность троицких мусульман на рубеже XIX–XX вв. была вплетена в татарскую городскую культуру, опиралась на её социокультурную инфраструктуру.

В этой связи любопытны источники личного происхождения: в основном это мемуары. Они в меньшей степени введены в научный оборот, хотя есть и опубликованные документы, и рукописи. Уроженцы Троицка (Хабиб Зайни, Атилла Расих, Чингиз Ахмеров и др.), дети татарской светской интеллигенции, представляли в советских текстах город своего детства – татарский мир рубежа XIX–XX вв. [25; 13; 14]. Сведения о татарской повседневности Троицка можно найти и в материалах людей, временно живших в городе (Мажит Гафури, Лукман Аитов, Габдулла Буби и др.) [15–18].

Носители татарской культуры и жители Троицка не разделяли собственную жизнь на дореволюционную и постреволюционную. Их повседневность зависела от других доминант, в том числе от развития или упадка городской инфраструктуры. В целом жизнь татар Троицка первой трети XX в. не подвергалась научному анализу в таком ракурсе.

Целью нашей работы является изучение социокультурных доминант татарского населения в условиях одного города: от дореволюционных общинных, самоуправленческих структур до советской централизации. Мы попытаемся проследить этапы развития татарской социокультурной инфраструктуры города Троицка и отметить основных агентов её трансформации в начале XX в.

Результаты

Развитие социокультурной инфраструктуры татарского населения уездного города Троицка в начале XX в. можно разделить на несколько этапов: I – 1900-е гг., II – 1910-е гг. и III – после 1917 г. При этом нужно обозначить некоторые базовые моменты.

Первичной формой самоорганизации для татарского населения Троицка были мусульманские общины (махалля), где вы-

бирали духовного лидера (муллу), строили и содержали мечети и учебные заведения (мектебы, медресе). В начале XX в. в Троицке было семь мусульманских приходов, каждый из которых выделялся своими попечителями-купцами.

Татарское сообщество Троицка выделялось от остальных городов Волго-Уральского региона многочисленностью купечества, которое составляло более 3,6 % от общего числа татар города (264 чел.) в 1897 г. [1, с. 70]. Наиболее заметным семейством были купцы Яушевы – обладатели крупных капиталов и активные участники общественной жизни города. В начале XX в. годовой оборот Торгового дома «Братьев Яушевых» составлял 1,1 млн рублей [9, с. 78].

Многочисленной сословной группой являлись троицкие мещане: в 1897 г. в этом звании состояло 4299 татар [1, с. 70]. Поэтому татары в лице купцов и мещан, были интегрированы и в систему местной власти. Так, в 1909 г. в Троицкой городской думе число гласных-мусульман превысило допускаемую по закону 1/5 часть депутатов и составляло 1/3 [9, с. 121]. В состав Троицкой городской управы в этот период избрали мещанина Зарифа Загирова-Рахманкулова. Городское самоуправление выступало как еще один инструмент консолидации татар Троицка.

Рубеж XIX–XX вв. характеризуется ростом урбанизации, не были исключением и татары. Анализ состава татарского населения Троицка показывает, что довольно внушительным было в 1897 г. и число крестьян – 2479 чел. Все эти крестьяне-отходники были задействованы в разных сферах хозяйственной жизни [1, с. 70].

В начале XX в., помимо религиозной общины и муниципальной самоорганизации, в городе появились другие социокультурные доминанты – различные общества. Всего в 1898–1913 гг. в Троицке было зарегистрировано пять обществ, связанных с татарским населением города. Наиболее устойчивым объединением стало Троицкое мусульманское благотворительное общество, учрежденное в 1898 г. Ведущую роль в нем, играли представители купеческой династии Яушевых. Благотворительное общество охватывало разные направления деятельности: от открытия сиротского приюта до содержания библиотеки [10, с. 360–361].

В годы Первой русской революции в Троицке активизировались служащие татарских торговых заведений и организовали

«Троицкое общество приказчиков» под руководством социал-демократа К. Габитова. Общество напоминало профсоюз. Кроме того, оно выделило стипендии нескольким татарам-троичанам для обучения в высших учебных заведениях. Но в постреволюционный период союз приказчиков был закрыт. Такая же угроза нависла и над мусульманским благотворительным обществом Троицка, которое в итоге было перерегистрировано в 1912 г. В 1911 г. в уездном центре учредили сразу два новых общества: «Троицкое общество распространения просвещения» и «Троицкое общество поощрения сценического и музыкального искусства». Первое учреждение под руководством Латифа Яушева сконцентрировалось по сути на одном из направлений деятельности Троицкого мусульманского благотворительного общества – попечении школ. Вторая организация обозначила свои цели как культурно-просветительские. В её организации участвовали служащие, в том числе приказчики. В 1913 г. в честь 300-летия династии Романовых инициировано и зарегистрировано еще одно мусульманское объединение – Троицкое общество «Хайрат». Оно тоже дублировало социальное направление деятельности мусульманского благотворительного общества [10, с. 360–361]. Таким образом, с 1913 г. до установления власти Советов в Троицке работало четыре мусульманских общества.

1. 1900-е годы. Вкратце обозначим основные направления социокультурной работы дореволюционного этапа. Самой проблемной областью в татарском сообществе тогда считалось народное образование (переход от схоластики к звуковому методу обучения) и именно на решение этого вопроса были направлены ресурсы попечителей и энергия интеллигенции. Например, купцы Яушевы с 1890-х гг. начали модернизировать мужское медресе при 2-м мусульманском приходе г. Троицка, и благодаря изменениям оно стало популярным учебным заведением под названием «Мухаммадия» [9, с. 32].

К началу XX в. Троицк конкурировал с такими очагами просвещения, как Оренбург или Уфа. В уездном городе работали несколько крупных медресе, привлекавших внимание шакирдов (учеников) либо авторитетом руководителя учебного заведения (например, «Расулия» во главе с суфийским шейхом Зайнуллой Расулевым) или же богатым техническим оснащением («Мухаммадия») [15, с. 300–301].

Помимо медресе, были в Троицке и начальные школы (мектебе). Но татарские учебные заведения оставались частными, хотя и находились под контролем инспекции народных училищ Оренбургского учебного округа. Выпускники не имели права на продолжение обучения в правительственных учебных заведениях высшей ступени. Поэтому дети некоторых татар обучались, параллельно с мектебами и медресе, еще в русско-татарской школе г. Троицка, работавшей с 1901 г. Долгие годы заведовал ею учитель Лутфулла Абдулгазизов. Русско-татарская школа была организована на базе русского класса при медресе, открытого еще в 1870-е гг. Попечители класса – Яушевы в начале XX в. преобразовали класс в школу, взяв на себя часть расходов. Л. Абдулгазизов помогал Яушевым в их начинаниях: предприниматели доверяли учителю составление официальных документов, судя по всему, попросили его вести бухгалтерские курсы в Троицке и т. д. По некоторым данным в них прошли обучение более 150 мусульман [11, с. 99–100].

Троицк отличался от уездных городов еще и тем, что в нем еще с 1898 г. работала библиотека «Наджат» («Спасение») с татарскими книгами. Открытие читальни связано с Троицким мусульманским благотворительным обществом [10, с. 259]. Для рубежа XIX–XX вв. это был уникальный случай: как выразился местный житель, «отдельная для татар библиотека» [12, с. 215]. Даже в губернских центрах – Казани и Уфе – подобные учреждения появились лишь после 1905 г. Библиотеки были и при местах книжной торговли и издательствах. Например, в Троицке в 1902 г. по инициативе приказчика Габдрахмана Ахмерова возникло книготорговое товарищество «Хезмет» [15, с. 316]. Оно занималось продажей татарских, русских книг, а также изданий из Стамбула, Каира, Бейрута и т. д. Это же объединение приобрело типографию Х. Сосновского и стало выпускать собственные издания [6, с. 159], еще одна мусульманская типография открылась в 1903 г. при медресе «Расулия» [10, с. 126].

В начале XX в. в повседневности городских татар появились литературно-музыкальные вечера и театральные представления. Продвигали их молодые татары, увлеченно копируя культуру модерна и пытаясь адаптировать её образцы к собственной среде. Так, «мы не знаем веселой культурной жизни, ибо живем каждый про себя, встречаясь разве только проходя по ули-

це», – заявлял современник после первого театрального показа в здании Общественного собрания в Троицке (Городской думы) в конце 1908 г. [4, с. 239]. Под «культурной жизнью» автором понимались встречи в «обществе», клубах и собраниях. Татарские театральные представления были связаны с молодыми служащими торговой сферы и муниципальных служб. Здесь надо отметить несколько важных факторов. Во-первых, во время революции 1905–1907 гг. активизировалось общественное движение и среди татар, появилась возможность для организации новых форм публичной активности (обществ, газет и журналов, литературно-музыкальных вечеров и т. д.). Во-вторых, в городе развивалась стационарная торговля, был построен огромный пассаж купцов Яушевых и в этой связи потребовалось больше рабочих сил. В уездный центр приехала татарская молодежь – приказчики из Казани, Перми и других городов [16, с. 68]. По одним сведениям, количество приказчиков только в «Торговом доме братьев Яушевых» доходило до 125 чел. [3, с. 632]. Молодые люди занимались не только созданием собственного профсоюза, но и организовывали спектакли. В-третьих, в постреволюционный период общественные инициативы встречали различные препоны. В 1910 г. из-за подозрения в революционной пропаганде закрылось Троицкое общество приказчиков. Кроме того, среди мусульман России начались поиски «панисламизма». В 1911 г. в разных уголках Волго-Уральского региона прошли обыски и аресты, начался судебный процесс над руководителями медресе с. Иж-Бобья (Вятская губерния) и т. д. [19, с. 355.]

Татарское сообщество Троицка не было однородным и абсолютно консолидированным. Социокультурные инициативы встречали не только поддержку, но и сопротивление. Новые явления (например, театр), привнесенные извне, да еще приезжими молодыми людьми, вызывали негодование в кругах обывателей. «Старое поколение вооружилось против вечера и всем, чем только могло, старалось помешать его успеху, – общал корреспондент троицкой газеты «Степь» в 1908 г. – Но маленькой группе мусульманских приказчиков и лиц интеллигентных профессий все-таки удалось все устроить, и вечер имел большой успех» [4, с. 238].

Это недопонимание, преодоленное в течение нескольких лет, в советское время подчеркивалось как антагонизм поколений,

приравненный к борьбе традиции (старого) с новациями молодежи. В таких нарративах борьба и торжество молодых сил удачно вписывались в революционную концепцию развития татарской культуры [5, с. 219–221; 16, с. 68–69; 8, с. 151–153].

Деятельность по реформированию мусульманской системы обучения тоже вызывала критику, мотивы противников были разными. Например, некоторые троицкие мусульмане писали жалобы на новаторов даже в Министерство внутренних дел, привязывая исключительно прагматичные перемены в системе обучения с «неблагонадежными» мировоззренческими установками агентов модернизации, что звучало особенно актуально в постреволюционный период, в 1909–1910 гг. В этих разбирательствах было много межличностных конфликтов, которые прикрывались заботой доносителей о «вере отцов» и «старом порядке» [2, с. 216]. Доносы о молодых приказчиках перемежались с жалобами на молодых мугаллимов (учителей) обновленных медресе. Среди последних тоже было немало приезжих людей.

Например, в «Мухаммадии» преподавали яркие деятели своего времени – Яушевы приглашали на работу талантливых молодых людей. Среди них были историк Габдельбари Баттал, языковед Гибад Алпаров, журналист Халим Искандеров и др. Преподаватели медресе не ограничивались педагогической деятельностью, писали научные труды и составляли учебные пособия [10, с. 253–254]. Интересна история мугаллима «Мухаммадии» Ниязкулуя Максудова-Вильданова. Он приехал учиться в медресе из соседней Уфимской губернии, потом Яушевы отправили его учиться в Бейрут. Художник Б. Урманче отмечал, что из Бейрута Нияз вернулся в 1912 г. «вовсе не муллой в чалме, а в костюме аля-франка и в шляпе» и учил учащихся медресе играть в футбол [18, с. 395].

В первом десятилетии XX в. в Троицке обозначались основные направления развития социокультурной инфраструктуры города: новые школы, библиотека и типографии, а также театральное дело. В 1910-е гг. эта работа была продолжена, но появились и новые агенты модернизационных перемен в татарской культурной сфере.

2. 1910-е гг. В условиях борьбы не только с революционной молодежью, но и мифическим «панисламизмом», власти были заинтересованы в развитии управляемого «мусульманского»

сообщества. Иллюстрацией этому тезису служит учреждение осенью 1911 г. «Троицкого общества поощрения сценического и музыкального искусства» [10, с. 360]. При нем работали драматический кружок и струнный оркестр. Председателем нового общества стал троицкий фельдшер Давлетша Мухамедшин, а одним из активистов – член Троицкой городской управы З. Рахманкулов [1, с. 153]. Среди учредителей были заявлены также представители татарского купечества.

Городские татары, находившиеся в координатах русской городской культуры, ожидаемо регистрировали или просто именовали собственные клубы и вечера «восточными». Они представляли себя в рамках предлагаемой извне оценочной модели «Восток». Например, в 1907 г. в Казани появился «Восточный клуб». Мероприятия «Троицкого общества...» тоже именовались «восточными вечерами» [1, с. 155]. Журнал «Мир ислама» в 1913 г. тоже обратил внимание на «восточный» театральный опыт в Троицке [3, с. 633]. По факту в «восточных» вечерах и «клубах» показывали как татарские спектакли, так и постановки по пьесам русских и западноевропейских авторов.

Члены драмкружка участвовали и в постановках гастролирующих татарских трупп «Сайяр», «Нур», «Сайях», а струнный оркестр выступал на концертах певцов К. Мутыги, Ф. Латыпова, Г. Альмухамедова. Такие практики развивали артистические навыки местной молодежи. В Троицке появились и свои драматурги: были поставлены спектакли по пьесам Акрама Галимова и Файзрахмана Нурмави [7, с. 335].

Помимо театра, одним из каналов получения новых знаний оставались книги и периодические издания. За десять лет работы выросло число посетителей библиотеки «Наджат»: только за год её посещали более десятка тысяч читателей. В 1912 г. культурно-просветительское учреждение переехало из небольшого помещения из двух комнат в специально выкупленный для библиотеки 2-этажный дом. Мусульманская библиотека работала ежедневно, кроме пятницы.

В Троицке в начале XX в. издавались русские газеты «Троицкий листок», «Троицкий вестник» (позднее «Степь»), а в 1911 г. начали выходить два журнала: «Айкап» на казахском языке и «Акмулла» на татарском. Последнее издание было сатирическим. Издателем и редактором являлся Хабибрахман Ганиев,

который был связан со сферой торговли. Одним из активных авторов «Акмуллы» на начальном этапе стал юный А. Галимов, выбравший себе псевдоним «Чала татар». Позднее к работе подключился поэт Шайхзада Бабиц, переехавший для этого из Уфы в Троицк. Но журнал закрылся в начале 1916 г. [20, с. 10]. А. Г. Каримуллин упоминает еще одно татарское периодическое издание в Троицке под названием «Ижтихад» [6, с. 159].

В целом 1910-е гг. характеризуются зрелостью татарской социокультурной жизни. За десять лет после первой русской революции было достигнуто немало в области печати и театра, народного образования. Особое значение придавалось развитию женского просвещения. В Троицке работало несколько женских школ. Большинство из них поддерживались семьей Яушевых.

Особенно примечательны школы во 2-й махалле города. Здесь организовал женскую школу «Сююмбике» бывший приказчик и книготорговец Г.Ахмаров. «Наш отец, несмотря на то, что был ходжи, учил своих дочерей, моих сестер, в знаменитой школе для женщин, которая располагалась в Ичбуби – одном из татарских аулов, а затем отдал их в Троицкую женскую гимназию», – вспоминал его сын Чингиз Ахмаров [14, с. 11–12]. Именно в эту школу приехала работать осенью 1912 г. Мухлиса Буби, мугаллима из женского медресе Иж-Бобья, где учились ранее дочери Г.Ахмарова. Её переезду предшествовали подозрения братьев Буби в «панисламизме», арест и закрытие татарских учебных заведений в с.Иж-Бобья. М. Буби не ограничилась начальной школой, а хотела восстановить учительскую семинарию по аналогии с ликвидированным женским медресе в своем родном селе. Она привлекала для работы и других учительниц. Среди них были Рокья Юнусова, Зайтуна Мавлюдова, Марьям Черкасова и другие [14, с. 14]. Учительницы тоже не были уроженками Троицка, приехали из разных городов и селений.

В годы Первой мировой войны упростились механизмы интеграции татарских школ в общеимперскую систему народного образования. Вопрос о статусе частных учебных заведений России окончательно разрешился 1 июля 1914 г., когда были упрощены правила по реализации частными лицами различных образовательных проектов [21, с. 159–160]. Юридический акт открыл возможности и для татарских учебных заведений, которые, сохраняя содержание (главным образом, преподавание на татарском языке

ке), могли давать и более широкие права своим выпускникам. При соблюдении ряда условий, они приравнивались в правах с учащимися городских училищ или даже гимназий.

Мужское медресе «Мухаммадия» в Троицке, а также женская школа («мектеб Гайни-абыстай») Гайнии Яушевой (по имени попечительницы) стали первыми, преобразованными под требования нового закона татарскими учебными заведениями такого типа. В татарской прессе тех лет их восторженно называли дарульмугаллимин (мужская мусульманская учительская семинария) и дарульмугаллимат (женская мусульманская учительская семинария). В последней начали трудиться и М. Буби, и Р. Юнусова. Открытие татарских семинарий в Троицке в сентябре 1915 г. стало знаковым событием для образованного татарского сообщества всего Волго-Уральского региона [22, с. 308].

В «Мухаммадии» в 1913–1914 гг. обучались 150 учеников и работали 11 преподавателей. 100 учащихся были приходящими, а 50 проживали при медресе. Для них было выстроено здание во дворе учебного здания, тут же имелись и другие постройки (столовая, баня и т. д.). Само медресе размещалось в двухэтажном полукаменном просторном здании [25, л. 9].

В 1915 г. медресе было преобразовано в мусульманское пятиклассное мужское училище под названием «Вазифа». Учредителем выступал учитель Н. Максудов-Вильданов, а для руководства попечители пригласили сына казанского купца, писателя и историка Газиза Губайдуллина [26, д. 2]. Приглашение такого специалиста было обусловлено и особенностями закона о частных учебных заведениях: помимо русского языка, в них должны были преподавать «русскую историю и географию» [21, с. 159]. Г. С. Губайдуллин, выпускник историко-филологического факультета Казанского университета, начал также преподавать историю в мусульманском женском училище Г. Б. Яушевой в Троицке [26, д. 3]. Однако новые семинарии в задуманном виде проработали совсем недолго, а Г. Губайдуллин уехал из Троицка.

В мусульманских училищах имелись и внутренние конфликты. В 1917 г. в качестве заведующего пригласили педагога Габдуллу Буби, родного брата М. Буби. Но проработал в Троицке он лишь один учебный год. Сначала Г. Буби назначили заведующим дарульмугаллиматом, позднее он отказался от должности. Этот шаг учитель объяснял тем, что супруги Н. Максудов

и Р. Юнусова не особенно радостно встретили кадровое решение попечителей Яушевых. Г. Буби был разочарован программой обучения. Он считал, что в них не применялись татарские учебники, и это обучение трудно было назвать национальным («милли»). Он сетовал, что даже после Февраля 1917 г., «после достижения свободы», продолжают работать по-старому: «русская история все еще изучается на русском языке», педагог предлагал вести эти занятия на татарском языке [17, с. 410].

Изменения Февраля, а затем и октября 1917 г., коснулись сферы печати и общественных объединений. «Троицкое общество поощрения сценического и музыкального искусства» было закрыто уже в феврале 1917 г. Взамен появилось объединение «Национальная мелодия и сцена» [5, с. 221]. Но при новых условиях деятельность татарских артистов была не столь активной как раньше, ведь началась Гражданская война. Трехлетний внук покойного З. Расулева так запомнил это время: «Кажется, это случилось летом девятнадцатого года. Я, мама, папа в Троицке, сидим в подвале нашего дома в районе Амура (...) Со стороны вокзала летят снаряды и с грохотом взрываются. Я жмусь к маме. В сыром и пыльном подвале мы не одни, там много людей. С каждым взрывом они кричат что-то, молятся, просят Аллаха защитить их» [13, с. 105].

3. 1920-е гг. С осени 1919 г. татарский драмкружок и струнный оркестр Троицка вновь оказались под контролем властных структур. Театр был одним из инструментов пропаганды советских ценностей среди населения. Троицкая «мусульманская труппа» считалась с этого времени профессиональной. В отчете подотдела нацменьшинств от февраля 1920 г. сообщалось, что в месяц ставится пять спектаклей, а число артистов увеличено до 18 человек [8, с. 160–161]. Часть труппы во время голода в 1921 г. уехала в Среднюю Азию и там продолжала ставить спектакли [13, с. 138]. В Троицке театральные представления чаще всего были связаны с благотворительными сборами. Например, зимой 1923 г. прошла «Неделя помощи красному флоту». При этом на афишах этого времени указывалось о том, что «мусульманская труппа» поставит спектакль на несуществующем «мусульманском языке» [27, д. 7630]. Очевидно, ни сами артисты, ни заказчики представлений тогда не задумывались о корректном обозначении носителей этой культуры.

В 1920-е гг. продолжали устраивать «Восточные вечера» в Троицке. Они проходили в городском саду и носили театрализованный характер. Там же отмечались праздники сабантуй и джиен [8, с. 37]. В целом обозначение «народы Востока» приобрело особую актуальность в постреволюционные годы. Так и татарские артисты в Троицке в 1931 г. играли «восточную музыку». Само объединение тогда именовалось «Ансамбль татарской драмы и комедии под художественным руководством И. Г. Илялова» [27, д. 7245], т. е. дореволюционные и постреволюционные обозначения («восточный», «мусульманский») местами заменялись на «татарский».

В это время вопрос об обозначении той или иной народности за пределами национальных автономий не особо волновал проводников новой власти. С 1920-х гг. татары на территории бывшей Оренбургской губернии чаще всего назывались чиновниками как «татаро-башкиры» [28, с. 14]. Это было связано и с путаницей в этническом и сословном наименованиях (в дореволюционное время часть татар состояла в сословии «башкир»), и нецелесообразностью выделения отдельной агитационной линии для этнических башкир из-за их традиционной вовлеченности в татарскую культуру. В 1920-е гг. советское делопроизводство только определялось с разными этническими обозначениями, особенно в отношении малых этносословных групп. Так, в бывшей Оренбургской губернии проживали, например, тептяри, которых впоследствии определили и как татар, и как башкир [23, с. 191].

Объединение троицких артистов после перевода в 1931 г. в Свердловск переименовали в Уральский областной татаро-башкирский передвижной театр, но уже через два года учреждение культуры ликвидировали [5, с. 221].

Библиотека «Наджат» после 1917 г. тоже была подключена к работе по распространению установок новой власти. В 1925 г. решением Троицкого окрисполкома библиотеке присвоили имя азербайджанского революционера Н. Нариманова. Позднее учреждение стало называться татаро-башкирской библиотекой. В 1920-е гг. в ней были организованы курсы ликбеза, а в 1925 г. начала работать национальная секция комсомола [10, с. 259].

В 1920-е гг. расширялась газетная сеть на татарском языке. Вообще в этот период 37 % газетного тиража составляли

издания на языках народов СССР [24, с. 309]. В январе 1920 г. в Троицке стала издаваться татарская газета «Ирек» («Свобода»). Печатный орган РКП(б) ставил целью продвижение идей революции и советской власти. Но летом того же года издание перестало выходить. Партийное руководство связывало упадок в книгоиздательском деле «среди татаро-башкирских рабочих» как с переходом на НЭП и с голодом в Поволжье и на Урале, так и с различными реорганизациями на местах [28, с. 18, 24].

После 1917 г. наиболее серьезными были изменения в школьной системе, так как она в своей основе была связана и с религиозными институтами. В советское время были закрыты все мечети Троицка. Самым первым подлежала закрытию мечеть 2-го прихода или Яушевского. Это случилось в 1922 г. Бывшие попечители к тому времени находились далеко за пределами Троицка, часть оказалась в эмиграции. Несмотря на перемены, у оставшихся татар было ощущение, что жизнь общины сохранила дореволюционные черты. Они продолжали жить в своих кварталах, в этнической среде. Хотя мектебе и медресе сразу стали советскими учебными заведениями, учителями трудились дореволюционные педагоги. В голодный 1921 г. татарские школы в Троицке не работали [13, с. 115–116]. Остальные мечети города закрылись в 1928–1937 гг. (4-я, 1-я, 3-я, 5-я и 7-я соборная).

1920-е гг. были относительно благополучным временем для развития школьного и даже профессионального образования на родных языках [24, с. 309]. В Троицке работал татарский методический кружок для учителей [29, д. 3924]. Любопытная трансформация произошла с дарульмугаллимином и дарульмугаллиматом. В 1922 г. в Троицке открылся Татарский педагогический техникум, учебное заведение работало на базе дарульмугаллимина или Мусульманского мужского училища «Вазифа» (бывшая «Мухаммадия»). Директором назначили Х. Зайни. Еще в 1909 г. Троицкое общество приказчиков отправляло его в Стамбул для обучения в Учительской семинарии. После возвращения он работал учителем в уфимском медресе «Галия». Первый выпуск татарского педтехникума состоялся 1926 г. [29, д. 6476]. В 1927 г. татаро-башкирская школа-семилетка г. Троицка тоже выпустила первых учеников [29, д. 3929]. Это учебное заведение было организовано на базе женского училища Г. Б. Яушевой [8, с. 94]. Но постепенно татарские образовательные учреждения

в Троицке сворачивали свою деятельность и были окончательно ликвидированы в послевоенный период [8, с. 99–100].

У этих тенденций имелись и объективные причины. За годы Гражданской войны численность Троицка серьезно уменьшилась. Если в 1920 г. она составляла 36 411 чел., то в 1923 г. – 24 912 чел. [30, с. 16–17]. Убывало и татарское население. В 1926 г. татары уже не составляли вторую по численности национальность Троицкого района, уступив это место украинцам (3 562 чел.) [30, с. 32–33]. Если учесть, что в 1897 г. татар только в уездном городе проживало более 7 тыс. чел., значит к середине 1920-х гг. их численность сократилась почти в два раза.

Обсуждения и выводы

Таким образом, трансформация татарской социокультурной инфраструктуры Троицка в первой трети XX в. охватывает несколько этапов: от модернизации повседневной жизни мусульманских общин благодаря широкой деятельности общественных объединений, до инкорпорирования татарских учреждений в советскую систему культуры и образования. Агентами этих изменений выступали представители разных социальных групп. На первых этапах ведущую роль играли купцы (прежде всего семья Яушевых). При этом в некоторых направлениях (например, театральная жизнь) они сыграли косвенную роль. Открытие пассажа Яушевых спровоцировало приток новых рабочих сил в уездный город, а вместе с молодыми приказчиками были реализованы различные проекты (организованы театральные постановки, профсоюз и т. д.). Приказчики тоже были агентами модернизационных изменений и демонстрировали корпоративную солидарность, разветвленные связи и инициативность. Так, приказчиком Г. Ахмаровым в Троицке были созданы товарищество «Хезмет» и библиотека при нем, открыты женская школа «Сююмбике» и типография. Приказчики как представители «национального пролетариата» выступали опорой власти и в 1920-е гг. Аналогичной была роль муниципальных служащих (З. Рахманкулов, Д. Мухамедшин и др.), которые сочетали как служебные, так и этнические интересы. После ликвидации Оренбургской губернии и создания национальных республик, в 1920-е гг. Троицк оставался одним из центров татарской культуры Волго-Уральского ре-

гиона. Это было обусловлено имеющейся социокультурной инфраструктурой и необходимостью распространения установок советской власти среди населения. Многие элементы дореволюционной культуры татар были вплетены в агитационную политику Советского государства (татарские школы, газеты на татарском языке, татарский театр и т. д.). Но уже не было опоры на институты самоуправления и самоорганизации, встроенные ранее в повседневную жизнь татар города. Различные общественные объединения мусульман г. Троицка были заменены единым горсоветом. Гражданская война, ухудшение социально-экономической ситуации и утрата локальных доминант привели к убыли татарского населения г. Троицка, начиная с 1920-х гг. Упадок татарской социокультурной инфраструктуры Троицка был связан также с унификацией и централизацией культурно-общественной жизни народов Советской России, а также административно-географическим расположением города (вне национальных автономий). В целом история советских татар за пределами Татарской республики требует дальнейшего изучения и остается перспективным направлением научных исследований, необходимым для осмысления прошлого России и формулирования сегодняшних задач.

Список литературы

1. История татар с древнейших времен. Т. VI. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 1172 с.
2. Ross Danielle. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. – Indiana University Press, 2020. – 276 p.
3. Мусульмане города Троицка // Мир ислама. – 1913. – Т. II. – Вып. IX. С. 632.
4. Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Гасырлар авазы. – 1999. – 3/4. – С. 238–247.
5. Татар театры (1906–1926). 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. 308 с.
6. Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. Казань: Татарское книжное издательство, 1974. 319 с.
7. Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззэт Б. Октябрьгә кадәр татар театры. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1988. 399 б.
8. Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк: Типография им. Сыромолотова, 2002. 296 с.
9. Денисов Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начала XX в.). М.: Издательский дом Марджани, 2011. 256 с.
10. Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. Вып. V. М.-Нижегород: Медина, 2009. 475 с.
11. Муртазина Л. Р. «Лутфулла-учитель» (к 155-летию татарского педагога и общественного деятеля Л. К. Абдулгазизова) // Гасырлар авазы. – 2021. – № 4. – С. 96–106.
12. Габдрафикова Л. Р. Дореволюционное детство в текстах татарского педагога советского времени (на примере эго-документов Хабиба Зайни) // Вестник РУДН. Серия История России. – 2023. – Т. 22. – № 2. – С. 207–222. EDN: IOQDPH

13. Расих А. Внук ишана. Роман-воспоминание. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 270 с.
14. Ахмаров Ч. Г. На пути к прекрасному. Воспоминания. Ташкент: San'at, 2007. 280 с.
15. Гафури М. Сайланма әсәрләр. Казан: Магариф, 2010. 351 с.
16. Аитов Л. Артистның тормыш юлы // Казан утлары. – 1966. – № 7. – Б. 64–93.
17. Махмутова А. Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). Казань: Магариф, 2003. 455 с.
18. Милли-мәдани мирасыбыз. Чиләбе өлкәсе татарлары. Казан: ТӘҺСИ, 2017. 428 б.
19. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
20. Рәми И. Г., Даутов Р. Н. Әдәби сүзлек (әлекке чор татар әдәбияты һәм мәданияте буенча кыскача белешмәлек). Казан: Татар. китап нәшрияты, 2001. 399 б.
21. Гач О. Б. Правовая основа формирования негосударственного образования в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 156–161.
22. Габдрафикова Л. Р. Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в. // Вестник РУДН. Серия История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 302–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-302-319>. EDN: EFTRDX
23. Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.
24. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс, 1996. 380 с.
25. Зайни Х. Рукопись воспоминаний «Ишеткән, күргән, белгәннәрдән истә калганнар». Ч. 2 // Из личного архива И. Б. Зайни.
26. Музейный комплекс города Казань. Основной фонд (ОФ). Коллекция № 12920.
27. Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Коллекция № 310656.
28. 1-я Всероссийская конференция коммунистов татаро-башкир, не вошедших в Автономные Республики тюркских народов от 4–12 марта 1922 г. (резолуции и постановления). М.: Мосполиграф, 1922. 46 с.
29. Троицкий краеведческий музей (Челябинская область). ОФ.
30. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области. Свердловск, 1927. 138 с.

The Tatar Socio-Cultural Infrastructure Transformation in a District Town in the First Third of the 20th Century (the Case of the Troitsk Town, Orenburg Province)

Liliya R. Gabdrāfikova

The article presents the stages of development of the socio-cultural infrastructure of the Tatar population of the Troitsk city (Orenburg province) in the first third of the 20th century. Community and self-government structures, as well as their leaders, played an important role in the socio-cultural life of the townspeople until 1917 (opening schools, libraries, drama clubs, etc.). The leaders (merchants, municipal employees, trade workers) were agents of modernization changes. Three stages in the socio-cultural development of the city's Tatar community are outlined (1900s, 1910s, after 1917). The article also highlights the role of the Yaushevs merchant dynasty, including their indirect participation in the transformations of the early 20th century. Troitsk remained one of the centers of Tatar urban culture

in the 1920s. At the same time, in the first years of Soviet power there was confusion in the designation of various ethnic groups, so the article pays special attention to the definitions of the early 20th century (“Eastern”, “Muslim”, “Tatar-Bashkir”). The main sources of the article are ego-documents – memoirs of the Tatars of Troitsk. The author concludes that the negative consequences in the Tatar culture of Troitsk were associated with the unification of the everyday life of the peoples of Soviet Russia, as well as the administrative and geographical location of the city.

Key words: Tatars, 1917 revolution, ethnic minorities, Muslims of Russia, everyday history, Troitsk, Orenburg province.

For citation: Gabdrafikova, L. R. (2024) Transformaciya tatarskoj sociokul'turnoj infrastruktury uездnogo goroda v pervoj treti XX v. (na primere g. Troicka Orenburgskoj gubernii) [The Tatar Socio-Cultural Infrastructure Transformation in a District Town in the First Third of the 20th Century (the Case of the Troitsk Town, Orenburg Province)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 150–169. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_150. EDN: QQUGIR

References

1. *Istoriya tatar s drevnejshih vremen* (2013) [History of the Tatars from ancient times]. Vol. VI. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russ.).
2. Ross, Danielle. (2020) Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Indiana University Press.
3. *Musul'mane goroda Troicka* (1913) [Muslims of the city of Troitsk]. *Mir islama* [World of Islam]. Vol. 2. Iss. 9. P. 632. (In Russ.)
4. Alisov, G. (1999) *Musul'manskij vopros v Rossii* [The Muslim Question in Russia]. *Gasyrlar avazy* [Gasyrlar avazy]. No. 3–4. Pp. 238–247. (In Russ.)
5. *Tatar teatry (1906–1926)* (2003) [Tatar theatre (1906–1926)]. 2nd edition. Kazan: Məgarif. (in Tatar).
6. Karimullin, A. G. (1974) *Tatarskaya kniga nachala XX veka* [Tatar book of the beginning of the 20th century]. Kazan: Tatar book publishing house. (In Russ.)
7. Məhmytov, ħ., Ilyalova, I., Gyzžət, B. (1988) *Oktyabr'gə kadarge tatar teatry* [Pre-October Tatar Theatre]. Kazan: Tatar book publishing house. (in Tatar).
8. Abubakirova, M., Shamsutdinov, I., and Khasanzhanova, R. (2002) *Istoriyu ostavit' narodu svoemu* [Leave history to our people]. Troitsk: Printing house named after Syromolotov. (In Russ.)
9. Denisov, D.N. (2011) *Očerki po istorii musul'manskikh obshchin Cheliabinskogo kraia (XVIII – nachalo XX v.)*. [Essays on the history of the Muslim communities of the Chelyabinsk Territory (18th – early 20th centuries)]. Moscow: Marjani Publishing House. (In Russ.)
10. *Islam na Urale* (2009) [Islam in the Urals Region]. Encyclopedic Dictionary. Iss. V. Moscow – Nizhny Novgorod: Medina press. (In Russ.)
11. Murtazina, L. R. (2021) «Lutfulla-uchitel'» (k 155-letiyu tatarskogo pedagoga i obshchestvennogo deyatelya L. K. Abdulgazizova) [Teacher Lutfulla (dedicated to the 155th anniversary of the birth of a Tatar educator and public figure L. K. Abdulgazizov)]. *Gasyrlar avazy* [Gasyrlar avazy]. No. 4. Pp. 96–106. (In Russ.)
12. Gabdrafikova, L. R. (2023) *Dorevolucionnoe detstvo v tekstah tatarskogo pedagoga sovetskogo vremeni (na primere ego-dokumentov Habiba Zajni)* [Pre-revolutionary Childhood in the Texts of Habib Zaini, Tatar Teacher of the Soviet Era]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 22. No. 2. Pp. 207–222. (In Russ.). EDN: IOQDPH
13. Rasih, A. (2016) *Vnuk ishana* [Ishan's grandson]. Novel-memory. Kazan: Tatar book publishing house. (In Russ.)
14. Ahmarov, Ch. G. (2007) *Na puti k prekrasnomu* [On the way to beauty]. Memories. Tashkent: San'at. (In Russ.)
15. Gafuri, M. (2010) *Sajlanma əsərlər* [Selected Works]. Kazan: Magarif. (In Tatar.)

16. Aitov, L. (1966) *Artistnyy tormysh yuly* [Actor's life path]. *Kazan utlary* [Kazan utlary]. No. 7. Pp. 64–93. (In Tatar.)
17. Mahmutova, A. H. (2003) *Lish' tebe, narod, sluzhen'e!* (*Istoriya tatarskogo prosvetitel'stva v sud'bah dinastii Nigmatullinyh-Bubi*) [Only to you, people, service! (The history of Tatar enlightenment in the fates of the Nigmatullin-Bubi dynasty)]. Kazan: Magarif. (In Russ.)
18. *Milli-madani mirasybyz. Chiläbe ölkäse tatarlary* (2017) [Our national and cultural heritage. Tatars of the Chelyabinsk region.]. Kazan: Institute of Language, Literature and Arts publ. (In Tatar.)
19. Geraci, Robert P. (2013) *Okno na Vostok: Imperija, orientalizm, nacija i religija v Rossii* [Window on the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
20. Rəmi, I.G, Dautov, R.N. (1988) *Ədəbi syzlek (elekke chor tatar ədəbiyaty həm mədəniyate buencha kyskacha beleshmälek)* [Literary Dictionary (A Brief Guide to Tatar Literature and Culture of the Past Era)]. Kazan: Tatar book publishing house. (In Tatar.)
21. Gach, O.B. (2010) *Pravovaya osnova formirovaniya negosudarstvennogo obrazovaniya v dorevolyucionnoj Rossii* [Legal Basis of a Formation of Non-Governmental Education in Pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Tomsk State Pedagogical University]. No. 9. Pp. 156–161. (In Russ.)
22. Gabdräfikova, L. R. (2019) *Mugallima: novaja social'no-professional'naja rol' tatarskoj zhen-shhini nachala XX v.* [Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century]. *Vestnik RUDN. Serija Istoriya Rossii* [RUND Journal of Russian History]. Vol. 18. No. 2. Pp. 302–319. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312–8674–2019–18–2–302–319
23. Hirsch, Francine. (2022) *Imperija nacij: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Sojuza* [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
24. Kapeller, Andreas (1996) *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall*. Moscow: Progress publ. (In Russ.)
25. Zəjni H. *Rukopis' vospominanij «Ishetkən, kyrgən, belgännördən ista kalgannar»* [Manuscript of memoirs "From what was heard, seen, and remained in memory"]. Part. 2. Personal archive of Iskander B. Zaini. (In Tatar.)
26. *Muzejnij kompleks goroda Kazan'* [Museum complex of the city of Kazan]. OF. Collection no. 12920. (In Russ.)
27. *Gosudarstvennyj central'nyj teatral'nyj muzej im. A. A. Bahrushina* [State Central Theatre Museum named after A. A. Bakhrushin]. Collection no. 310656. (In Russ.)
28. *1-ya Vserossijskaya konferenciya kommunistov tataro-bashkir, ne voshedshih v Avtonomnye Respubliki tyurkskih narodov ot 4–12 marta 1922 g. (rezolyucii i postanovleniya)* (1922) [1st All-Russian Conference of Tatar-Bashkir Communists who were not part of the Autonomous Republics of Turkic Peoples, March 4–12, 1922 (resolutions and decrees)]. Moscow: Mospoligraf press. (In Russ.)
29. *Troickij kraevedcheskij muzej* [Troitsk Museum of Local History]. OF. (In Russ.)
30. *Predvaritel'nye itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1926 g. po Ural'skoj oblasti* (1927) [Preliminary results of the All-Union Population Census of 1926 in the Ural Region]. Sverdlovsk. (In Russ.)

Об авторе

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, профессор АН РТ, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация; e-mail: bahetem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-9097

About the author

Gabdrāfikova Liliya R., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Tatarstan Academy of Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation; e-mail: bahetem@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-9097

*Статья поступила в редакцию 08.09.2024
Одобрена после рецензирования 25.10.2024
Принята к публикации 30.10.2024*

Праздник культуры как форма агитационно-просветительской работы среди национальных меньшинств Красноярского округа в 1928–1929 гг.

К. А. Тишкина

В статье рассматривается тема организации и проведения праздника культуры для национальных меньшинств Красноярского округа – латышей и эстонцев – в 1928–1929 гг. Торжественные мероприятия проходили в разных населенных пунктах Уярского и Манского районов, т. е. в местах компактного проживания национальных меньшинств. Обращается внимание на низкий уровень агитационно-просветительской работы среди латышей и эстонцев. В связи с этим главной целью праздника культуры являлось политпросвещение крестьянского населения. Для решения организационных вопросов формировались специальные комиссии, которые разрабатывали планы мероприятий, закупали подарки, приглашали специалистов в области сельского хозяйства и т. д. В заранее установленные торжественные дни, на специальной территории, рядом с населенным пунктом, организовывались выставки, устраивались концерты, демонстрировались театральные постановки, проводились тематические лекции и т. д. Население могло проконсультироваться со специалистами по вопросам ведения сельского и животноводческого хозяйств. Сделан вывод, что праздник культуры носил больше развлекательный, чем агитационно-пропагандистский характер.

Ключевые слова: Сибирь, Красноярский округ, латыши, эстонцы, национальные меньшинства, праздник, политпросвещение.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках реализации проекта № 22-78-00160.

Для цитирования: Тишкина К. А. Праздник культуры как форма агитационно-просветительской работы среди национальных меньшинств Красноярского округа в 1928–1929 гг. // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 170–182. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_170. EDN: UKQWMW

Введение

Проведение политико-просветительской работы среди населения играло значительную роль для Советского государства. Основное внимание уделялось тем категориям граждан, которые в силу разных обстоятельств были более подвержены «чуждому» влиянию. Низкий уровень грамотности существенно влиял на восприятие подаваемой государством информации и требовал проведения разъяснительной работы, которую реализовывали политинструкторы. В Сибири после восстановления советской власти в конце 1919 – начале 1920 г. требовалось усиление агитационной работы, особенно среди крестьянства, которое являлось наиболее многочисленным социальным слоем в регионе. Коренные жители и национальные меньшинства также являлись важными категориями населения для проведения среди них политико-просветительской работы.

Тема положения в первые годы советской власти в Сибири национальных меньшинств нашла отражение в ряде современных публикаций. Значительный вклад в изучение вопроса внес исследователь И. В. Лоткин [1–4]. Рассматривая положение латгальцев и сету в Сибири, он отмечал низкий уровень грамотности среди данных народов, что отразилось на их политической пассивности [3, с. 23]. Проведение агитационно-политической работы среди молодежи из национальных меньшинств Сибири и процессу формирования ячеек РКСМ освещалось в исследовании Р. В. Рыбакова [5]. Место национальных меньшинств Сибири в строительстве советского государства определено в работе С. Н. Корусенко [6]. Хозяйственное и общественное положение немцев в Сибири в период НЭПа рассмотрено в монографии П. П. Вибе [7] и статье В. Н. Шайдурова [8]. Исследователь М. Н. Колоткин подготовил монографию «Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 – середина 1930-х гг.)», в которой упоминает о проходивших в Красноярском и Тарском округах «праздниках культуры». Он отмечает участие членов организации «Союз воинствующих безбожников» в устройстве для этих мероприятий антирелигиозных выставок [9].

Целью данного исследования является рассмотрение процесса организации и проведения праздника культуры на территории Красноярского округа. Задачи работы заключаются в выявле-

нии степени политпросвещенности среди населения (латышей, латгальцев, эстонцев, сету); демонстрации вовлеченности национальных меньшинств в организацию праздничных мероприятий; определении влияния праздников культуры на продвижение идей Советского государства. Методологическую основу исследования составляет теория модернизации, благодаря которой можно проследить трансформацию общественной жизни под влиянием политических преобразований в стране.

В научный оборот вводятся ранее неопубликованные материалы, выявленные в ходе работы с документами Государственного архива Красноярского края (П-10 Красноярский ОК ВКП(б); Р-1205 Исполком Красноярского окрсвета (Красноярский окрисполком)) и представляющие собой преимущественно отчеты окружного комитета ВКП(б) о хозяйственной, общественной и политической жизни эстонского и латышского населения Красноярского округа.

Результаты

Согласно данным на 1927 г. из 367 753 жителей Красноярского округа (без учета Туруханского края) 4289 чел. составляли латыши, 980 – латгальцы, 2596 – эстонцы, 1891 чел. – сету [10, л. 244]. Основными территориями их компактного проживания являлись Партизанский, Уярский и Манский районы Красноярского округа. Здесь находились населенные пункты (хутора), основанные ссыльными и переселенцами с прибалтийских территорий Российской империи. Главным занятием национальных меньшинств было сельское хозяйство. Так, секретарь латышской секции окружного комитета ВКП(б) тов. Ирбин в своем отчете отмечал, что основными источниками доходов для латышей является скотоводство (свиноводство и молочные продукты) и пивоварение: «... спрос на латышское пиво чрезвычайно велик и конкурирует с пивом Госзаводов, которое стоит в 3,5 раза дороже» [11, л. 1]. Продажи зерна были незначительными. Местом реализации сельскохозяйственной продукции являлся Клюквенский рынок, куда приезжали за покупками не только со всего Красноярского округа, но и из Иркутска.

Во второй половине 1920-х гг. руководителями политпросветительской работы Красноярского округа была обозначена проблема слабого взаимодействия с национальными меньшин-

ствами [12, с. 4]. В 1926 г. для привлечения внимания к проблеме образования среди «нерусского» населения в Красноярском округе была проведена акция «Неделя просвещения национальных меньшинств» [см. подр.: 13].

В 1925 г. обследование жизни латышей в округе показало, что основной контингент населения составляли крестьяне-середняки (55–65 % населения). За период с 1 марта по 15 сентября 1925 г. среди латышей наблюдался высокий показатель – 93 % вступивших в партию, преимущественно из числа батраков и служащих. Если ранее партийным в ячейке был один батрак, то теперь их состояло восемь. В начале 1927 г. в Красноярском округе действовало латышские ячейки ВКП(б) Сухонайская, Каменно-Горновская, Островская (смешанная), Борисовская (смешанная), а также кандидатские группы Никитинская и Черниговская. Лучшее из всех работ было поставлено в Сухонайской ячейке [11, л. 4].

В 1927–1928 г. обследование латышских и эстонских населенных пунктов показало слабую агитационную работу. Среди крестьян желающих лиц вступить в партию было очень мало. Ставка на бедняцкое население также не приносила успехов. Многие латыши высказывали желание уехать из округа в климатически более благоприятные регионы [11, л. 34]. В политшколы поступала молодежь, преимущественно комсомольцы. Однако ячейки ВЛКСМ в селах и деревнях были малочисленными. Так, в смешанной русско-эстонско-латышской д. Островки в конце 1927 г. комсомольцев было 42 чел., по национальному составу преобладали эстонцы. Как отмечалось в отчете ячейки, собрать комсомольцев на собрание было сложно, поэтому приходилось привлекать молодежь танцами [14, л. 142]. Пионерские отряды также были небольшими по численности. В начале января 1927 г. количество пионеров в отряде им. Ленина д. Островки составляло 27 чел. (19 эстонцев, 5 русских и 3 латыша), преимущественно из семей середняков [15, л. 3].

Слабая агитационная работа объяснялась ответственными лицами отсутствием тематической литературы на языках национальных меньшинств. Согласно «Отчету работы по политобразованию среди латышей в Красноярском округе за 1928–29 учебный год», издание «Азбука Ленинизма» на латышском языке поступило в кружки политсамообразования Манского

и Уярского районов только в конце января 1928 г. Лица, работавшие с указанным учебником, отмечали, что в тексте очень много «... непонятных слов, перевод с русского на латышский не удачный...» [11, л. 63]. В д. Хайдак, где проживали преимущественно сету, литпункт работал на русском языке.

В связи с этим организация и проведение таких праздников, как Сабантуя и культуры¹ должны были привлечь внимание руководящих органов к проблеме работы с национальными меньшинствами на местах. Торжества являлись также средством популяризации достижений сельского хозяйства и коллективизации; военизации, через проведение спортивных соревнований; антирелигиозной и общеполитической пропаганды.

Впервые праздник культуры для национальных меньшинств прошел 5–6 августа 1928 г. на участке близ д. Каменно-Горновка Уярского района. Он был организован «...по инициативе партийных, культурных и общественных организаций К. Гарновской, Сухоновской, Борисовской, Томнинской и З. Имбежской латколоний» [10, л. 93]. Задачами мероприятия являлось: «а) Разъяснение политики партии и соввласти в области сельского хозяйства; б) популяризацией применений научных достижений в области с/хоз.; в) вовлечением трудящихся масс в культурном строительстве» [10, л. 93]. Праздник был единым для проживавших в районе латышей, латгальцев и эстонцев.

В июле 1928 г. секретарь латышской секции окружного комитета ВКП(б) К. Спаринский получил письменный отчет о результатах подготовительной работы. В рамках праздника планировалась организация обширной культурной программы для всех возрастных категорий населения. На мероприятие приглашался агроном для проведения консультации по вопросам сельского хозяйства [16, л. 147 об.]. Участие в организации выставок принял Осовиахим, предоставивший часть экспонатов.

Для координации праздника все мероприятия были разделены по отделам. Так, в научный отдел вошли лекции по профилактике различных заболеваний; выставка по борьбе с алкоголизмом; демонстрации различных физических и химических экспериментов и т. д. В сельскохозяйственном отделе проводились лекции по животноводству, демонстрировались работа

¹ Праздник не имеет четко зафиксированного названия. В документах встречается как «культурные праздники западников», «праздник культуры», «праздник Культуры» и т. д.

транспорта и процесс анализа молока. В рамках праздника планировалось устройство спортивных соревнований и состязаний по стрельбе. Для детей школьного возраста организовывалась работа детской площадки. Художественную часть праздника включали выступления хоровых и драматических кружков, коллективная и индивидуальная декламация. Музыкальная часть сопровождалась игрой военного духового оркестра 78-го полка.

Праздник посетило около 800 чел. Большое впечатление на собравшихся оказало выступление оркестра. Прибывшие на праздник не только принимали участие в официальных мероприятиях, но и общались друг с другом, обменивались сельскохозяйственным опытом. Некоторые участники делились своими воспоминаниями о жизни до революции в Прибалтийском крае, отмечая, что только «... при Советской власти...» чувствуют «...свободу и равноправие» [10, л. 93 об.].

Устройство мероприятия обошлось в 288 р. Часть средств были выделены окружным исполнительным комитетом и районным исполнительным комитетом, а другую составили поступления от продажи билетов на театральные постановки. В отчете инструктора окружного исполнительного комитета по работе среди национальных меньшинств тов. Тимерман отмечалось, что на мероприятии отсутствовали представители от местного райкома ВКП(б) и районного исполнительного комитета, которые «... повидимому не интересовались культурным праздником национальных меньшинств» [10, л. 93]. В отчете давалась рекомендация, что подобные мероприятия следует проводить среди других народов Красноярского округа.

Весной 1929 г. на заседании совета по работе среди национальных меньшинств при окружном исполнительном комитете обсуждался вопрос о проведении праздников национальных меньшинств Сабантуй и культуры. Было предложено организовать специальную комиссию, в состав которой вошли представители от окружного исполнительного комитета – тов. Карпов (председатель), от окружного отдела народного образования – инспектор национальных меньшинств А. Д. Церпин¹ (зам. председателя), от Енисейского союза кооператоров – тов. Рак, эстонский инструктор окружного комитета ВКП(б) – тов. Ханк, тов. Меделец, тов. Андер-

¹ В документах встречается разное написание фамилии – Церкин, Церпинь.

сон и тов. Персиков. На членов комиссия возлагалась задача по разработке проектов праздников и сметы [17, л. 42].

На первом заседании членов комиссии обсуждали план мероприятий национальных праздников Сабантуй и культуры, нацеленный на просвещение национальных меньшинств округа по политическим вопросам, сельскому хозяйству, коллективизации и т. д. В связи с этим в организационную работу по проведению праздников включались в первую очередь государственные и партийные органы управления. Торжества должны были устраиваться в городах и сельской местности в начале лета, после окончания посевных работ. На праздник приглашались все желающие лица, но участвовать в различных соревнованиях, например связанных с достижениями животноводства (лучшая корова, лучший конь и т. д.), не могли «... злостно укрывающие свои хлебные излишки, нездающий их государству в целях спекуляции, злостно сокращающие посевные площади, кулаки, муллы, спекулянты, барышники и т. д.» [17, л. 46 об.]. Официальный язык мероприятий установлен не был. Тексты листовок, лозунги, таблички и т. д. составлялись на языках национальных меньшинств с дублированием на русском.

В результате обсуждения было установлено, что праздник культуры для латышей пройдет 15–16 июня 1929 г. на участке близ с. Сухоной Уярского района, а для эстонцев – 23–24 июня 1929 г. на участке близ д. Островки Манского района. По предварительному подсчету, в мероприятиях должно было участвовать около 7 тыс. чел. латышей и эстонцев. Корректировки программ торжеств поручалась А. Д. Церпину (для латышей) и тов. Ханку (для эстонцев).

Общая предварительная смета на проведение праздников Сабантуй и культуры составила 1523 р. Большую часть средств планировалось получать от окружных общественных и хозяйственных организаций. Члены комиссии считали важным привлечь к участию в праздниках специалистов окружного отдела здравоохранения, которые могли бы подготовить передвижные выставки с лекциями о развитии медицины в стране, а также организовать участие в качестве консультантов районных врачей. Помимо этого, по примеру прошлого года было принято решение обратиться в военное ведомство для

приглашения военного оркестра 26-й дивизии¹, с полной оплатой труда музыкантов, и предоставления лошадей для участия в соревнованиях [17, л. 44–45].

В марте 1929 г. состоялось заседание красноярского партактива латышей, на котором была сформирована комиссия по подготовке и проведению единого праздника культуры для всех жителей латышских поселений. В состав комиссии вошли: инструктор окружного комитета ВКП(б) тов. О. Миллер (председатель), тов. Кун, тов. Циммерман, от партшколы – тов. Кунц, от окружного отдела народного образования – инспектор национальных меньшинств А. Д. Церпин. Комиссией была разработана предварительная программа мероприятий, а среди ее членов распределены обязанности.

Предполагалось, что театральные постановки и музыкальные номера подготовят творческие коллективы латышей Красноярского округа. Члены комиссии одобрили для хорового исполнения песни «На штыки», «Ковачи», «Размахнись и приударь», «Мы, комсомол». Перед началом выступлений, тов. Циммерман должен был провести репетицию хора. Кроме этого, каждая латколония готовила свою стенгазету, которую заранее направляла в с. Сухоной [19, л. 34].

Члены комиссии занимались приглашением специалистов по вопросам сельского хозяйства, устройством детской площадки, спортивных соревнований для взрослых и детей (эстафета, стрелковые состязания, бросание гранаты), организацией различных выставок и т. д. Сухонойский сельсовет должен был подготовить безалкогольный буфет, обеспечить подводы для доставки к месту праздника участников мероприятий (музыкантов и приглашенных специалистов) и их проживание. Информация о мероприятии была опубликована 1 мая 1929 г. в газете «Sibirijas Siņa», издававшейся в Сибири на латышском языке.

В рамках праздника проводилась продажа различной литературы, преимущественно на тему сельского хозяйства, на латышском языке. Издания были заказаны в Москве, в книжном магазине латышского просветительного общества «Прометей». Благодаря устроенной кинопередвижки осуществился

¹ В начале мая 1929 г. О. Миллер выписал справку на имя командующего 78 полка о том, что на празднике в 1928 г. музыканты не были пьяными и в целом на мероприятии «... не было ни одного пьяного человека...» [18, л. 35].

показ фильма «У позорного столба» (1923 г.). Для всех желающих была устроена лотерея.

В июле 1929 г. комиссия подвела итоги праздника. По предварительной смете на организационные мероприятия выделялось 495 р., но фактически было истрачено 952 р. 52 к. Однако благодаря работе буфета и лотереи, удалось выручить 138 р. 03 к., которые были направлены в культурный фонд латышской секции окружного комитета ВКП(б) [11, л. 117].

Программа праздника культуры для эстонцев была аналогичной. Тов. Ханк также предлагал проведение лекций, выставок, соревнований, лотерей, продажу литературы и т. д. По его подсчетам предварительная смета составила 328 р. [20, л. 188]. Штаб-квартирой праздника являлась Островская семилетняя школа.

В начале июня 1929 г. состоялось заседание эстонского партактива, на котором тов. Ханк выступил с сообщением о необходимости усиления среди батрачества и бедноты агитационной работы в пользу коллективизации, а также антирелигиозной пропаганды. Обращалось внимание на необходимость включения молодежи в процессы продвижения идей советского правительства. Вовлечение в деятельность государства населения виделась в организации культурных праздников в «отсталых деревнях» Красноярского округа, в которых проживал высокий процент эстонцев и сету. Особенно отмечалась необходимость работы в д. Хайдак [20, л. 187 об.].

Обсуждение и выводы

В 1920-е гг. в стране шел процесс закрепления советской власти. Пропаганда основных идей государства, а также активный призыв вступать в ряды ВКП(б) имели большое значение для усиления политического режима и продвижения выбранного экономического курса. Крестьянство являлось той категорией населения, к которой требовалось наибольшее внимание со стороны различных органов власти, особенно в Сибири, где процент жителей сельской местности был значительно выше по отношению к городскому. Кроме этого, советское правительство искало поддержку своей деятельности среди представителей коренного населения и национальных меньшинств. При окружном комитете ВКП(б) создавались различные секции для работы с преобладающими в регионе национальностями.

Обращение особого внимания на латышей и эстонцев со стороны парторганов Красноярского округа было во многом связано со слабой агитационной работой, которая велась среди них. Политический контроль за национальными меньшинствами осуществлялся плохо из-за отсутствия актуальной литературы на национальных языках, отдаленности населенных пунктов от крупных центров, инструкторы приезжали туда нечасто, а на местах отсутствовали политически грамотные агитаторы. Кроме этого, из-за незнания языка у специалистов возникали трудности общения с населением. Ежегодные проверки констатировали неразвивающуюся работу существовавших ячеек ВКП(б).

Одной из форм агитационной работы стал проводившийся в 1928–1929 гг. праздник культуры. Данное мероприятие являлось средством продвижения достижений сельского хозяйства и идей коллективизации, а также способом проведения антирелигиозной и общеполитической пропаганды. Несмотря на широкие задачи, на практике праздник носил развлекательный характер. Участников мероприятий в первую очередь привлекала культурная программа. Так, например, большое впечатление на собравшихся оказывали выступления военного оркестра. Проведение агитационных работ не повлияло на увеличение численности партячеек и членов ВКП(б). Основным контингентом вступавших в партию продолжали оставаться служащие учреждений. В конце 1920-х г. в связи с усилением борьбы с кулачеством работа партячеек национальных меньшинств в Красноярском округе подверглась критике, так как с их стороны якобы оказывалась поддержка «кулацких настроений» [11, л. 32].

Список литературы

1. Лоткин И. В. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920–1930-е годы): аспекты этносоциальной истории. Омск: Наука, 2006. 347 с. EDN: QPFFHX
2. Лоткин И. В. Становление прессы на языках балтийских народов в Сибири в 1920–1925 гг. // Омский научный вестник. – 2006. – № 2 (35). – С. 123–128. EDN: HUMRPX
3. Лоткин И. В. Латгалцы и сету Сибири в 19251–930 гг. (опыт социальной адаптации и межнациональных контактов локальных субэтнических групп) // Омский научный вестник. – № 6 (62). – 2007. – С. 22–25. EDN: KNWSDD
4. Лоткин И. В. Культурное просвещение прибалтийских поселенцев в Сибири в 1920–1925 годах: проблемы и пути их решения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 34(135). – С. 160–171. EDN: KTUTXN
5. Рыбаков Р. В. Национальные союзы молодежи в условиях распространения коммунистической идеологии в Сибири в начале 1920-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 34(288). – С. 76–82. EDN: PVLIIUT

6. Корусенко С. Н. Советская власть и национальные меньшинства в середине 1920-х гг. (на примере Тарского округа Сибирского края) // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4(4). – С. 91–102. EDN: TBZUCR

7. Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Издательский дом «Наука», 2007. 368 с. EDN: XXUADF

8. Шайдуров В. Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х – 1920-х гг. // Журнал Фронтирных Исследований. – 2021. – № 4 (6). – С. 155–178. DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339. EDN: PYBEDK

9. Колоткин М. Н. Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири. (1917 – середина 1930-х гг.). Новосибирск: СГГА, 2010. 316 с. EDN: QPRAAL

10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 122.

11. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 672.

12. Политпросветработа среди нацмен // Красноярский рабочий. – 1929. – № 249. – С. 4.

13. Тишкина К. А. «Неделя просвещения национальных меньшинств» в Красноярском округе в 1926 г. // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». – М.: Издательство «Перо», 2023. – С. 1263–1266.

14. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 217.

15. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 372.

16. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 556.

17. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 674.

18. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 676.

19. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 677.

20. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 551.

The Festival of Culture as a Form of Agitation and Educational Work Among National Minorities of the Krasnoyarsk District in 1928–1929

Ksenia A. Tishkina

The study is devoted to the theme of organization and holding of the Culture holiday for national minorities of the Krasnoyarsk district – Latvians and Estonians – in 1928–1929. The festive events were held in different settlements of Uyarsky and Mansky districts, i.e. in the places of compact residence of national minorities. The article draws attention to the low level of propaganda and educational work among Latvians and Estonians. In this connection, the main goal of the Culture holiday was the political education of the peasant population. To solve organizational issues, special committees were formed to develop plans of events, purchase gifts, invite agricultural specialists, etc. On pre-determined festive days, exhibitions, concerts, theatre performances, thematic lectures, etc. were organized in a special area near the settlement. The population could consult specialists on agricultural and livestock farming. It is concluded that the Holiday of Culture was more entertaining than agitation and propaganda.

Key words: Siberia, Krasnoyarsk District, Latvians, Estonians, national minorities, holiday, political education.

Acknowledgements: The research was financially supported by RNF under the project No. 22-78-00160.

For citation: Tishkina, K. A. (2024) Prazdnik kul'tury kak forma agitacionno-prosvetitel'skoj raboty sredi nacional'nyh men'shinstv Krasnoyarskogo okruga v 1928–1929 gg. [The Festival of Culture as a Form of Agitation and Educational Work among National Minorities of the Krasnoyarsk District in 1928–1929]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 170–182. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_170. EDN: UKQWMW

References

1. Lotkin, I. V. (2006) *Pribaltijskie diaspory v Sibiri (1920–1930-e gody): aspekty etnosocial'noj istorii* [Baltic Diasporas in Siberia (1920–1930s): aspects of ethnosocial history]. Omsk: Nauka. (In Russ.). EDN: QPFHNX
2. Lotkin, I. V. (2006) *Stanovlenie pressy na yazykah baltijskikh narodov v Sibiri v 1920–1925 gg.* [The formation of the press in the languages of the Baltic peoples in Siberia in 1920–1925]. *Omskij nauchnyj vestnik*. [Omsk Scientific Bulletin]. No. 2 (35). Pp. 123–128. (In Russ.). EDN: HUMRPX
3. Lotkin, I. V. (2007) *Latgal'cy i setu Sibiri v 1925–1930 gg. (opyt social'noj adaptacii i mezhnacional'nyh kontaktov lokal'nyh subetnicheskikh grupp)* [Latgalian and the Set of Siberia in 1925–1930 (experience of social adaptation and interethnic contacts of local subethnic groups)]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. No. 6 (62). Pp. 22–25. (In Russ.). EDN: KNWSDD
4. Lotkin, I. V. (2008) *Kul'turnoe prosveshchenie pribaltijskikh poselencev v Sibiri v 1920–1925 godah: problemy i puti ih resheniya* [Cultural enlightenment of the Baltic settlers in Siberia in 1920–1925: problems and solutions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. No. 34 (135). Pp. 160–171. (In Russ.). EDN: KTUTXN
5. Rybakov, R. V. (2012) *Nacional'nye soyuzы molodezhi v usloviyah rasprostraneniya kommunisticheskoy ideologii v Sibiri v nachale 1920-h godov* [National youth unions in the context of the spread of communist ideology in Siberia in the early 1920s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. No. 34 (288). Pp. 76–82. (In Russ.). EDN: PVLUT
6. Korusenko, S. N. (2014) *Sovetskaya vlast' i nacional'nye men'shinstva v seredine 1920-h gg. (na primere Tarskogo okruga Sibirskogo kraja)* [The Soviet government and national minorities in the mid-1920s (on the example of the Tarsky District of the Siberian Territory)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. No. 4 (4). Pp. 91–102. (In Russ.). EDN: TBZUCR
7. Vibe, P. P. (2007) *Nemeckie kolonii v Sibiri: social'no-ekonomicheskij aspekt* [German colonies in Siberia: socio-economic aspect]. Omsk: Izdatel'skij dom "Nauka", 2007. (In Russ.). EDN: XXUADF
8. Shaidurov, V. N. (2021) *Nemeckoe naselenie Sibiri v usloviyah obshchestvennykh transformacij 1900-h – 1920-h gg.* [The German Population of Siberia in the Conditions of Social Transformations of the 1900s – 1920s]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovanij* [Journal of Frontier Studies]. No. 4 (6). Pp. 155–178. (In Russ.). DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339. EDN: PYBEDK
9. Kolotkin, M. N. (2010) *Social'no-politicheskaya istoriya baltijskikh poselencev Sibiri. (1917 – seredina 1930-h gg.)* [Socio-political history of the Baltic settlers of Siberia (1917 – mid-1930s)]. Novosibirsk: SGGA, 2010. (In Russ.). EDN: QPRAAL
10. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja* (hereinafter – GAKK) [State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)]. F. R-1205. Op. 1. D. 122.
11. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 672.
12. *Politsprosvetnaya sredi nacmen* (1929) [Political enlightenment among national minorities]. *Krasnoyarskij rabochij* [Krasnoyarsk worker]. No. 249. P. 4. (In Russ.)
13. Tishkina, K. A. (2023) «*Nedelya prosveshcheniya nacional'nyh men'shinstv v Krasnoyarskom okruge v 1926 g.* [The Week of education of national minorities" in the Krasnoyarsk district in 1926]. *X Mezhdunarodnyj Sibirskij istoricheskij forum "Sibir' i Rossiya: istoriya i kul'tura"* [X International Siberian Historical Forum "Siberia and Russia: history and culture"]. Moscow: Izdatel'stvo "Pero". Pp. 1263–1266. (In Russ.)
14. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 217.
15. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 372.
16. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 556.
17. GAKK. F. P-10. Op. 1. D. 674.

18. ГАКК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 676.
19. ГАКК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 677.
20. ГАКК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 551.

Об авторе

Тишкина Ксения Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, офис развития научной деятельности, Сибирский федеральный университет, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: ksetishkina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2342-0548

About the author

Tishkina Ksenia A., Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Office for the Development of Scientific Activity, Siberian Federal University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: ksetishkina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-2342-0548

*Статья поступила в редакцию 01.09.2024
Одобрена после рецензирования 23.09.2024
Принята к публикации 08.10.2024*

Фотографирование бурятскими учеными в экспедициях в Центральную Азию начала XX в. (по дневникам Базара Барадийна)

Н. А. Станулевич, С. С. Сабрукова

Этнокультурный потенциал бурятских проводников и ученых позволил осуществить географические и этнографические исследования, начиная с приглашения их в качестве сопровождения для экспедиций Н. М. Пржевальского в Центральную Азию во второй половине XIX в. Новаторской являлась также идея использовать их в качестве фотографов. Представители национальной интеллигенции фиксировали в своих экспедиционных дневниках данные о съемках, сюжеты контактирования с жителями исследуемых территорий на предмет их фотографирования. В ходе исследования записи, отражающие фотографическую деятельность Базара Барадийна в экспедициях 1903–1907 гг., были проанализированы и сравнены как материалы с ежегодной динамикой фотографического и дипломатического мастерства ученого-путешественника. Влияющими на фотосъемку были определены региональный, климатический и религиозный факторы. Рассмотрение дневников Барадийна позволило выявить дополнительные детали этноконфессионального аспекта истории повседневности. Представитель национальной интеллигенции успешно справился с задачей не только научного изучения региона Центральной Азии, но и фотофиксации культурной и религиозной жизни Монголии и Тибета, в том числе с обучением буддийских лам обращению с фотоаппаратом и последующими операциями по получению фотографий.

Ключевые слова: буряты, приграничная территория, фронтир, контакты, съемка, экспедиционные дневники, Далай-лама XIII, Петр Козлов, Барадийн.

Для цитирования: Станулевич Н. А., Сабрукова С. С. Фотографирование бурятскими учеными в экспедициях в Центральную Азию начала XX в. (по дневникам Базара Барадийна) // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 183–205. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_183. EDN: WPDXCQ

Введение

Дневниковые записи все чаще становятся предметом исследования исторических дисциплин. Обычно результаты работы отражают либо отдельный документ, либо хронологический период. Сравнение записей одного героя дает возможность проследить его деятельность или какой-либо связанный с ним феномен в динамике.

В дневниках ученых-путешественников начала XX в. можно встретить записи о фотосъемках, так как данный исторический период связан с появлением доступности фотографических материалов для использования вне стен фотостудий и особым статусом фотографии как инструмента изучения мира. Каждый выполненный кадр в первой половине века воспринимался как важный и уникальный материал, особенно в полевых условиях. При этом дневниковые записи в совокупности с фотографиями рассматриваются чаще в форматах изданий-альбомов, где нет места анализу контекста создания фотографий или важности фотосъемки в повседневной экспедиционной практике.

С начала 2000-х гг. особое внимание привлекают материалы исследователей азиатского региона, в частности Монголии и Тибета. Особым успехом в плане фотосъемок территорий недружественных к фотографии отличались экспедиции «представителей национальной интеллигенции» [1, с. 125]. А именно О. М. Норзунова, Г. М. Цыбикова, отснявших впервые столицу Тибета – Лхассу в 1900–1901 гг., и Б. Барадийна, фотографировавшего территорию Монголии и Тибета, в частности монастырь Лавран, в 1905–1907 гг. Фотографии последнего до недавнего времени были известны только по его отчету для Императорского Русского географического общества в 1908 г. Более чем через 100 лет после поездок началась работа по расшифровке дневников Барадийна [2–4] и атрибуции его негативов [5] и фотографий¹.

Для описания феномена фотографирования бурятскими и калмыцкими учеными-путешественниками территорий Забайкалья, Монголии и Тибета, а также особенностей документирования этих процессов необходим комплексный анализ дневниковых записей с учетом лингвистических особенностей

¹ Станулевич Н. А. Фотографическое наследие Базара Барадийна в российских архивах и музеях. Двенадцатые петербургские тибетологические чтения (программа). [Текст]. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=14924&Itemid=0 (дата обращения: 10.10.2024).

описания фотографических процессов и технических деталей фотопрактик начала XX в.

Цель статьи – на основе дневниковых записей Базара Барадийна выявить особенности фотографирования районов Центральной Азии в начале XX в. Исходя из цели, были поставлены исследовательские задачи: провести внешний и внутренний анализ источника; проанализировать текст дневников и выделить записи о фотографических процессах; выявить практики, отличающие экспедиционную съемку по региональному признаку; реконструировать процессы фотосъемки на территории Забайкалья, Монголии и Тибета в начале XX в.

В данной статье будут представлены результаты исследования четырех путевых дневников и черновых записей Базара Барадийна в его поездках по Забайкалью в 1903–1904 гг., а также Монголии и Тибету в 1905–1907 гг. В первой части статьи будут сформулированы причины привлечения представителей этнических меньшинств в роли исследователей и фотографов. Далее будут приведены характеристики дневниковых записей Базара Барадийна с точки зрения повседневной фиксации фотографических съемок в путешествии. В качестве приложения к статье приведены наиболее ценные для истории фотографии дневниковые записи исследователя.

Анализ записей, охватывающих первые эксперименты с фотографированием, а также признанные профессиональным сообществом результаты¹ поездок, позволит охарактеризовать повседневные фотографические практики ученых-путешественников. В основе анализа – принцип системного подхода к изучению фактов на примере конкретных историко-бытовых явлений. В работе были использованы следующие методы: компаративный, дающий возможность провести сравнительно-исторический анализ разных стадий работы ученых-путешественников над фотосъемками в экспедициях; исторический – для оценки роли привлечения бурятских ученых к фотосъемкам в Центральной Азии, а также типологический метод исторических исследований.

¹ За путешествие в Лавран Барадийн был удостоен премии имени Пржевальского от Императорского Русского географического общества. Перечень награжденных знаками отличия русского географического общества (1845–2012). [Электронный ресурс]. URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/upload/spisok-nagrazhennyh_8.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

Материалами для данного исследования стали дневники Базара Барадийна из фондов Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее ИВР РАН), документы Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии (далее РКСВА) из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН (далее СПбФ А РАН).

Представители «инородцев» были участниками экспедиционных групп по изучению азиатского приграничных районов. В ходе исследований (и в том числе фотосъемок) им было легче находить общий язык и выстраивать коммуникацию с представителями этносов исследуемых территорий. Так, Н. М. Пржевальский отмечал, что «для монгольского языка наилучшие переводчики из наших забайкальских казаков» [6, с. 55–56]. Преимущества бурятских и калмыцких паломников в Тибет при задаче изучить образ жизни территории и отснять ее в условиях негативной реакции местного населения были подмечены уже современными исследователями истории изучения Центральной Азии.

Тенденция в разработке темы дневников исследователей региона обусловлена обработкой материалов в учреждениях и доступностью рукописей в архивах. С начала 2000-х гг. стали активно публиковаться дневники исследователей Монголии и Тибета [7–9]. Некоторые дневники так и неопубликованы целиком из-за сложностей с распознаванием почерка учено-путешественника [9, с. 50]. При этом сведения о фотосъемках не выделялись редакторами при составлении предметных и тематических указателей. Лишь сами фотографии могли сопровождать текст дневника. Дневниковые записи не анализировались как феномен повседневной практики. В предисловиях к изданиям дневников указывается роль ежедневных записей [7, с. 7; 8, с. 6], тем не менее, работы о подготовке экспедиций не содержат сведений о принципах ведения дневников [10, с. 93–98].

Источником информации об инструкциях, которые имелись для бурятских ученых, может стать одно из изданий Н. М. Пржевальского. Он рекомендовал использовать карманную книжку для записей в моменте и в тот же день, в конце дневного перехода переносить всю информацию в дневники [6, с. 101]. Нужно отметить, что исследователями не обнаружено малых форм черновых записей Барадийна. Размеры черновики сопоставимы с размерами чистовых вариантов.

Инструкций по фотосъемке Пржевальский не публиковал, так как в его экспедиции громоздкая фототехника XIX в. не использовалась. Тем не менее, о враждебных условиях, в которых позднее приходилось делать фотографии, можно узнать следующее:

«Съемку [здесь топографическая съемка – прим. авт.] я всегда производил сам и притом маршрутно-глазомерную. В населенных местностях Центральной Азии такую работу, как наиболее подозрительную, следует, по возможности, держать в секрете от туземцев. В особенности необходимо было это делать при первом моем путешествии. Теперь же номады несколько приобвыкли к нашим странствованиям, а китайцы, по свидетельству позднейших путешественников, даже довольно равнодушно смотрят на съемку, как на неминуемое со стороны "ян-гуйзов" зло» [6, с. 57].

Что касается известных исследователям реакций буддистов на фотосъемку в конце XIX – начале XX в., нужно отметить, что даже посланнику Далай-ламы XIII Агвану Доржиеву пришлось разбить использованную им камеру перед двором Далай-ламы, когда его уличили в фотосъемках лам в Париже летом 1889 г. [11, с. 194]. Последующим путешественникам в Тибет приходилось скрывать свои намерения фотографировать, пряча камеру в одежде при съемке, а негативные пластины при перевозке [12, р. 46, 57].

Базар Барадиевич Барадийн (Барадин) (1878–1937) – бурятский востоковед (монголовед, тибетолог, санскритолог, буддолог), научно-педагогический и общественный деятель Бурятии, переводчик, писатель и поэт. После школьного курса в аге и Чите он обучался в Санкт-Петербурге в гимназии П. А. Бадмаева. В 1900 г. в течение трех месяцев путешествовал по Западной Европе в качестве переводчика-слуги бурятского купца. В 1903–1907 гг. привлекался РКСВА для экспедиций в Центральную Азию в качестве полноценного исследователя и фотографа.

В 1903 г. Базар Барадийн осуществил научную поездку по дацанам Забайкалья с целью их изучения, сбора информации о письменных и скульптурных памятниках, и иконах-танках. Бурятские ламы и местные жители, которые встречались ему в дацанах достаточно лояльно относились к фотографической съемке. Скорее всего это связано с относительно широким распространением фотографии в Бурятии в начале XX в. как терри-

тории Российской империи. Некоторые иконописцы – зурачины даже сами имели фотоаппараты и учились снимать на них [3, с. 93; 18, л. 29]. Реакция иконописцев и служителей дацанов Забайкалья также может быть обусловлена тем, что Барадийн являлся их земляком и вызывал доверие. В случае с путешествием 1905–1907 гг. по местностям Монголии и Тибета отношение встречавшихся Барадийну людей было иное. Данные территории были в меньшей степени охвачены фотосъемкой в плане частоты появления фотографов-путешественников.

Результаты

Дневники Барадийна начали расшифровывать в конце 1990-х и готовить к публикации сначала дневник путешествия в Лавран [2]. Далее был издан дневник двух экспедиционных сезонов 1903 и 1904 гг. [3]. Дневник пребывания Барадийна в Ван-Курен при дворе Далай-ламы публиковался фрагментарно [4], иногда без соответствующих ссылок [14], поэтому в данном исследовании его части по фотосъемкам приводятся с большим объемом цитирования.

Для экспедиции 1903 г. РКСВА закупил для Барадийна следующее оборудование: камеру «Универсал» для размера пластин 13 x 18 см с объективом панастигматом «Фос»; аксессуары для камеры, принадлежности для проявки и печати фотографий всего на сумму 214 р. 95 к. [15, л. 1–1 об.]. Этот объем финансирования оборудования равнялся трети годового содержания Барадийна от РКСВА [16, с. 164] и показывает нам значимость фотосъемок для научных изысканий Комитета.

Сама экспедиция состоялась в последние два летних месяца 1903 г. Путевые заметки стали частью собрания Архива востоковедов ИВР РАН. Исследуя бурятские дацаны, он делал почти ежедневные записи не только об исследуемых объектах, но и об истории их создания и организации, внутренней жизни монастырей, фиксируя дополнительно исследования буддийской иконографии. Данные особенности дневника отмечались исследователями деятельности Барадийна [3, с. 6], тогда как факт фотосъемок не упоминается в предисловии или комментариях к изданию этого дневника.

Дневник этой экспедиции состоит из трех тетрадей [13], озаглавленных как «Дневник поездки, совершенной летом 1903 г. вольнослушателем С[анкт]-Петербуржского Университета Б. Ба-

радиным в Забайкальскую область по поручению Императорской Академии наук для собирания материала по буддийской иконографии», и датируется промежутком 5 июля – 22 августа. Таким образом, общая продолжительность его ведения полтора месяца. Подсчет записей по опубликованной версии дневника [3] дал результат в 32 фрагмента по одному дню или промежутку более одного дня. Как уже упоминалось, Барадийн вел дневник практически ежедневно. Он проставлял не только день, но и место – дацан, в котором был, что позволит в дальнейших исследованиях очертить круг отснятых им объектов.

Таблица 1

Сравнение разнообразия и количество слова, использовавшихся
Б. Барадийным для описания его фотографической деятельности

Слова и словосочетания	Число употреблений в дневниках				
	1903	1904	1905–1906	1906–1907	Черновики 1906–1907
Аппарат	5	-	9	19	4
Фотографирование/ фотографические работы	9	7	11	4	5
Фотографировать/ фотограф/ сфотографировать/ занятия по фото	-				-
Фотография	-	-			-
Фотографические съемки		-			1
Снял/ снять/ съемки/ снимав/	4	-	8	8	13
Снимков/ снимки	1	2	-	7	-
Фотографические снимки	-	-	1	3	-
Фотографический аппарат	-	-	1	1	-
Снял аппаратом	-	-	1	-	-
Портрет	-	-	-	7	-
Пластин/ дюжина пластин	-	-	-	3	2
Проявлять пластинки/ проявление	-	-	-	2	-
Печатание снимков	-	-	-	1	2
Копия с человеческого облика	-	-	-	1	-
Искусство светописи	-	-	-	1	-
Заряд	-	-	-	-	1
Всего словосочетаний	19	9	30	57	28

Таблица 2

Датировка записей о фотографической деятельности Б. Барадийна

Месяцы с учетом мин. и макс. продолжительности экспедиций	Датировки дневников и даты записей о фотографической деятельности			
	5.07–22.08.1903	8.07–5.09.1904	9–13.09.1905–6–7.06.1906	24.06.1906–25.01.1907
Июнь	-	-	-	Нет записей о фото
Июль	6, 7, 12, 13, 14, 18	20, 21	-	Нет записей о фото
Август	1, 2, 3, 16, 19	3, 4, 5, 6, 10, 14, 19	-	18, 28–30, 31
Сентябрь	-	-	Нет записей о фото	4, 5, 8, 9, 11, 15, 21, 22–23
Октябрь	-	-	5–9, 16, 28	13, 22
Ноябрь	-	-	15, 25, 29 ноября – 2 декабря	4
Декабрь	-	-	14, 15 декабря – 18 января	1, 3–8, 12, 17–18, 24, 26
Январь	-	-		6–7, 12–14
Февраль	-	-	25	-
Март	-	-	5	-
Апрель	-	-	Нет записей о фото	-
Май	-	-	Нет записей о фото	-
Июнь	-	-	6–7	-

Работа с дневниковыми записями по поиску упоминаний о фотосъемках была затруднена разнообразием слов и оборотов речи, которые употреблялись для описания фотографических процессов на рубеже веков. Данная проблема была обозначена нами в исследовании дневника поездки Барадийна в монастырь Лавран [5, с. 130]. Для возможности сравнения ежедневных практик Барадийна как фотографа на протяжении нескольких лет и разных экспедиций был выполнен отбор дневниковых записей о фотографических работах во всех доступных дневниках, черновых записях и очерках. Анализ дневника 1903 г. показал использование небольшого числа вариаций основных

словосочетаний с употреблением слов типа «аппарат», «фотографирование», «снять» (табл. 1). Благодаря предварительной осведомленности о разнообразии слов, которые Барадийн мог употребить вместо самого популярного варианта с модификациями корня «фото», нами выявлено 11 записей в дневнике 1903 г. (табл. 2), посвященных фотографической деятельности.

Первая запись о фотографии была сделана 6 июля 1903 г. и объясняет одну из причин отмены съемки – плохие погодные условия: «Сегодня день совсем пасмурный и дождливый, потому отложив работу аппаратом до следующего дня, решил впервые иметь дела с здешними зурачинами» [3, с. 16; 13, л. 7]. Вечером того же дня Барадийн зафиксировал в дневнике подготовку к работе, зарядку пластин, которая происходила предварительно, согласно технологиям начала XX в.: «когда настала темнота, закрыв ставни, я стал заряжать кассеты и готовиться к предстоящей завтрашней работе [с] аппаратом» [3, с. 17; 13, л. 11].

Первая запись от 6 июля в Гусиноозерском дацане дает нам и информацию о том, что Барадийн получал одобрение буддистов на съемки во время своих путешествий. Таким человеком 6 июля 1903 г. стал художник-иконописец Цырен Чернинов [3, с. 16; 13, л. 8], съемки которого за работой произошли 7 июля [3, с. 17; 13, л. 12].

Нужно отметить, что упоминание имени ламы или зурачина рядом с фактом съемки может не означать получения фотографического портрета на фото. Например, в Ацагатском дацане Соржи Лама по имени Ёндон Од Намсараев участвовал в съемках и Барадийн записал 12 июля «При работе моей [с] аппаратом он с большой любезностью показывал иконы» [3, с. 26; 13, л. 34].

Наиболее интересным с точки зрения истории фотографии в регионе буддизма является сообщение, записанное 14 июля в Анинском дацане о том, что бурят по имени Отцор Очировым «... нигде в русской школе не получил образования, но интересуется чудесами европейской науки. Он имеет аппарат и усердно занимается фотографией» [3, с. 34; 13, л. 53]. Тем не менее, Барадийн сталкивался с отказом сфотографировать своего собеседника. 13 июля он зафиксировал, что зурачин Шойнпыл Аюшиев уклонился от съемки [3, с. 30; 13, л. 45].

В середине своего путешествия, 31 июля 1903 г. из Агинского дацана Барадийн пишет письмо одному из своих учителей – востоковеду Ф. И. Щербатскому [17, л. 1], отмечая, что

он активно занимается фотографией, проявляет пластины и не всегда удачно, что фиксирует динамику его практик, и активное обсуждение фотографии в переписках между учеными-путешественниками начала XX в.

Условия съемок в большей степени прослеживаются через вторую часть путешествия 1903 г. Так, 3 августа Барадийн пишет о темноте внутри помещений и о том, что он просил на следующий день помощников, которые могли бы вынести образа на двор, на свет [3, с. 52; 13, л. 95–96]. Одной из наиболее обстоятельных записей относительно процесса съемок в дацане стал фрагмент дневника от 16 августа:

«Через час после обеда, я выпросил у Ширетуя одного из его учеников хувараков, чтоб он мне помог при фотографировании и ходил со мною в Сокченский дацан. Мы пошли в дацан, который оказался запертым. Я послал за ключником, а тем временем фотографировал дацан снаружи. <...> После этого я взял свой аппарат поднялся наверх вместе со своим помощником хуваракком, которого все время осаждали многочисленные подобные ему хураки, шепотом, расспрашивая обо мне. Здесь в среднем этаже, я видел по обеим сторонам двери (направо) рисунок общего вида Лхасы <...> Я снял их, хотя они находятся весьма невыгодном в световом отношении положении и удачность результата весьма сомнительна. Они были громадной величины и крепко гвоздем закреплены к стене и не было возможности поставить их на выгодной позиции» [3, с. 65–66; 13, л. 130–132].

Объем отснятых материалов в экспедиции можно косвенно оценить по записям о расходе негативных пластин в процессе. 16 августа Барадийн записал: «Был уже вечер, когда я израсходовав все заряженные пластинки вернулся домой» [3, с. 66; 13, л. 133]. Через три дня 19 августа оставлена запись: «<...> я вместе с хуваракком вышел на работу аппаратом <...> Израсходовав все свои заряженные пластинки, послал своего хуварака домой с аппаратом, а сам пошел к ксилографистам, чтоб узнать готовы ли мои заказы» [3, с. 74; 13, л. 153].

Вторая экспедиция 1904 г. была зафиксирована в одном дневнике [18] и отдельных тематических записях. Основной для нашего исследования документ озаглавлен как «Дневник Бадзара Барадийна, командированного Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Забайкалье. 1904 г. 8 июля –

5 сентября». Подсчет и сопоставление данных производились нами по изданному варианту материалов [3]. Общее количество записей – 47, записи сделаны были почти ежедневно и записей по фотографии – 9. С точки зрения используемых слов в дневнике 1904 г. не было обнаружено словосочетаний со словом «аппарат».

В Цугольском дацане в 1904 г. Барадийн 21 июля познакомился с группой зуранчинов, среди которых были Балдан Цыдыпов и Дава Бархуев «(последний даже фотограф)» [3, с. 93; 18, л. 29].

Дневник 1904 г. содержит более короткие записи о фотографировании по сравнению с 1903 г. Это записи по типу – сегодня провел все время в главном храме в фотографических работах. Тем не менее, информация из дневника позволяет узнать о разнообразии снимаемых объектов. В 1904 г. Барадийн в записях помимо архитектуры дацанов и буддийских икон указывает еще фотосъемку бурханов, например, 6 августа [3, с. 104; 18, л. 57] и 8 августа [3, с. 106; 18, л. 60].

Третий дневник – это фиксация [19] поездки в ставку Далай-ламы XIII в 1905–1906 гг. с маршрутом Ага – Синин с основным проживанием в Ван-Курене. Дневник назван «Амдо-Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника – буряты по Халха-Монголии, Алашани и северо-восточной окраине Тибета – Амдо. 1905–1907». Практически все записи были сделаны им в Ван-Курене, за исключением первой 9–13 сентября 1905 г. в Урге и последней 6–7 июня 1906 г. в Синине. Общее количество записей – 120 за 9 месяцев повествования, записи сделаны были почти ежедневно и тематически по фотографии – 11 при подсчете дат. В дневнике этого периода Барадийн использовал 30 словосочетаний для описания фотографической деятельности.

Определяя цель своей поездки на страницах путевых заметок, Барадийн в том числе очень точно определяет преимущества, которыми он обладал как буддист. Он пишет следующее:

«<...> для выполнения этой главной нашей задачи, помимо попутного наблюдения местностей в политико-экономическом, социально-бытовом и в географическом отношениях, нам, как буддисту и по виду одному из многих паломников доступнее всего было то, что я беспрепятственно мог затеряться в местной толпе, стараясь проникнуть в жизнь и психологию людей данной местности, – изучить их религию, язык и литературу. А где найдет удобную минутку, этот

паломник, робко озираясь вокруг, вынуть из-за грязной пазухи свой «чудодейственный ящик» – аппарат, снимать, что ему нужно было, и после этого кладет его обратно за пазуху – мешок, чтобы другие ему подобные братья не захотели посмотреть на любопытный ящичек и испортить его, а самого хозяина – обидеть, или даже побить до смерти» [19, л. 5].

В дневнике этой поездки Барадийн впервые указывает на экспедиционные сборы, а точнее их отсутствие, так как фотографическую камеру ему пришлось ждать в Урге, откладывая свое прибытие в Ван-Курень. В записи от 5–9 октября 1905 г. он указывает, что ему «нужно было получить определенное известие и фотографический аппарат с принадлежностями, но не знал, когда их получу» [19, л. 28].

Многообразие описываемых сюжетов, связанных с фотосъемкой, приводит нас к необходимости сгруппировать их по темам, важным для истории фотографии, тем самым местами сбивая последовательность повествования по дневнику, которая соблюдалась нами при описании материалов 1903–1904 гг. Далее в тексте мы будем рассматривать общение с Далай-ламой XIII и его свитой на предмет осуществления съемок, детали взаимодействия двора Далай-ламы с фотографией, отказы от съемок и агрессивное поведение местного населения по отношению к фотографу, нечастые разрешения на съемку и желание некоторых людей учиться фотографическому делу.

Самая важная съемка с участие Далай-ламы XIII не состоялась, несмотря на ознакомление его двора с преимуществами фотографии в фиксации действительности. В 1905–1906 гг. Далай-лама отказал в фотосъемке многочисленным путешественникам с фотоаппаратами и Барадийну в том числе, о чем тот сделал запись в дневнике от 16 октября 1905 г.: «К сожалению, впоследствии нам не удалось добиться разрешения Далай-Ламы снять его портрет» [19, л. 55]. В тексте дневника наш путешественник фиксирует позицию Далай-ламы насчет его собственного фотопортрета: «по воле ДЛ было установлено правило, чтобы никто не смел снимать его особу» [19, л. 114]. Данный запрет ограничил возможность Барадийна снять 14 декабря 1905 г. процессию Далай-ламы на пути к соборному храму.

Перед отъездом из Ван-Курени в марте 1906 г. Барадийн посетил местного ученого ламу по имени Аграмба-Дандар, который

на предложение о фотосъемке ответил: «На что изображение моего брэнного тела» [19, л. 158]. Такой ответ наиболее кратко описывает отношение буддистов к фотопортретам.

При этом Барадийн всячески пытался продемонстрировать новые технологии двору Далай-ламы и помимо традиционных подношений в октябре 1905 г. он собирался преподнести «некоторые фотографические снимки своей работы по буддийской иконографии¹» [19, л. 74]. При общении со свитой Далай-ламы 25 ноября 1905 г. он выяснил в итоге, что Эмчи-Хамбо² изъявил желание выучиться фотографическому делу по настоянию самого Далай-ламы. Причина такого интереса к фотографии, несмотря на запрет поначалу, в дневнике описывается следующим образом:

«Уже давно летом того года по желанию ДЛ [Далай-лама – прим. авт.] был выписан аппарат из Петербурга. На днях из Урги пришел аппарат с принадлежностями. ДЛ приказал Эмчи-хамбо и Канчен-Сойбону, чтобы один из них научился у меня фотографировать. Первый взялся за исполнение приказа Далай-Ламы, поэтому он и пригласил меня, чтобы я посвятил его в тайны фотографии» [19, л. 89].

По нашему мнению, к заказу фотоаппарата ко двору Далай-ламу побудило активное общение его с другими русскими учеными-путешественниками П. К. Козловым, Ф. И. Щербатским, Г. М. Цыбиковым, которые не только практиковали фотографию, но и демонстрировали свои работы Далай-ламе летом 1905 г. [14].

Назначение же фотоаппарата лучше всего описывается в дневнике Барадийна и подчеркивает в очередной раз уклонение от портретирования лам. В своем дневнике от 25 ноября 1905 г. он зафиксирует:

«Я спросил у лейб-медика, для чего именно выписан аппарат. На это он ответил, что аппарат понадобится при путешествии ДЛ для фотографирования его стоянок, чтобы потом скопировали с них рисунки для иллюстрирования «Путешествия Далай-Ламы». Аппарат, по его выражению, выписан для избавления от лишнего труда зурачинов рисовать с руки стоянки ДЛ, как до сих пор де-

¹ Скорее всего, Барадийн имеет в виду фотографии, отснятые им во время поездок по дацанам Забайкалья в 1903–1904 гг.

² Лейб-медик Далай-ламы XIII.

лали. При этом лейб-медик не без некоторой гордостью заметил, что кроме этого назначения аппарат им не нужен» [19, л. 90].

Позднее, в конце ноября 1905 г. Эмчи-хамбо делегировал обучение фотографии своему ученику, приехавшему из Тибета [19, л. 103]. Интерес к фотографии как к отдельному мастерству проявлял княжеский сын, о чем Барадийн пишет в период с 15 декабря 1905 г. по 18 января 1906 г. [19, л. 120].

Зуранчины, с которыми Барадийн познакомился в Ван-Курени 15 ноября, дали свое согласие на фотосъемку, но с ограничением «чтобы никто из тибетцев об этом не знал. Снять мне их так и не удалось, потому что невозможно было найти место, где не было бы свидетелей» [19, л. 82].

Примером наиболее агрессивной реакции на фотосъемку в Монголии и Тибете может служить событие, описанное Барадийным в дневнике от 25 февраля 1906 г. При посещении службы в одном из дацанов он преследовался группой молодых монгольских лам с угрозами расправы [19, л. 144]. Спасся он на территории постоялого двора Далай-ламы. Данная запись является наиболее обширной и касающейся фотосъемок, она приводится нами в тексте данной статьи полностью (прил. 1).

Как и основное число записей, так и упоминания о съемках в дневнике 1905–1906 гг. территориально относятся к Ван-Курени. Лишь один фрагмент о фотографии непосредственно относится к перемещению через Амдо к Лаврану. В повествовании от 6–7 июня 1906 г. Барадийн указывает, что «сняв аппаратом храм издали, я с некоторыми товарищами с трудом добрались до храма» [19, л. 315–316].

Одним из объяснений отсутствия путевой фотосъемки могут быть погодные условия. В работе Барадийна с архивным названием «Амдо» есть запись от периода 17–23 июня 1906 г. о том, что они «ехали все время под проливным дождем» [20, л. 16], что не способствовало проведению съемок на оборудовании начала XX в.

Четвертый дневник относится к части путешествия после территории Амдо и жизни Барадийна в монастыре Лавран в 1906–1907 гг. [21]. Озаглавлен он как «Жизнь в Тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника. 1906–1907 гг.» и включает записи периода с 24 июня 1906 г. по 25 января 1907 г. Барадийн делал записи почти ежедневно. Нами всего насчитано было 140 однодневных и групповых фиксации разных событий.

Групповые записи стали чаще появляться в этом дневнике, чем в трех предыдущих материалах. Поэтому требуется дополнительное разделение текста на блоки для дальнейшей атрибуции описываемых событий по времени. Обобщение записей больше чем за недельный период может говорить об интенсивности происходивших событий и увлеченности путешественника, доминировании ярких событий над обыденными практиками.

Ранее опубликованные исследования дневника на предмет изучения истории фотографии [5] были дополнены подсчетом количества упоминаний фотографических практик и сравнением записей с черновиком дневника [22].

Было установлено, что за 9 месяцев почти ежедневных записей Барадийн упомянул в разных словосочетаниях свою фотографическую деятельность 22 раза. Чаще всего для этого он использовал вариации слова «аппарат» (табл. 1).

В тексте дневника появляются и более литературные описания фотографическим занятиям или самой фотографии: «искусство светописи» [21, л. 477], «копия с человеческого облика» [21, л. 277].

Также можно отметить появление в тексте слова «портрет» для описания фотографий лам и зурачинов. Скорее всего, это связано с тем, что съемки проходили в спокойной обстановке, когда Барадийн мог подготовиться сам и подготовить модель для лучших кадров. Именно в Лавранском дневнике мы можем увидеть, как Барадийн научился общаться с местными жителями в условиях непонимания и отрицания фотосъемки [21, л. 276–278], как выросли его дипломатические навыки при общении с ламами [21, л. 439–449, 475–478]. Тем не менее, не стоит забывать, что Барадийн был не первым путешественником, которому разрешили снимать лам в Лавранском монастыре. Август Иванович Скасси (1843–?) в экспедиции Г. Н. Потанина по Монголии, Китаю и Тибету в 1884–1886 гг. делал фотографии настоятеля монастыря Джамьян Шепы и его приближенных [23, с. 253]. «Ламы в Лавране отнесли к фотографии без всякого предрассудка» [24, с. 234]. Тем не менее, Базар Барадийн был первым путешественником, прожившим в монастыре продолжительное время, и доставившим в Петербург не менее 200 негативов из путешествия по Монголии и Тибету. В 1908 г. фотографические негативы стали частью нынешнего Музея

антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), став коллекцией под номером МАЭ № 1235.

Записи указанного выше чернового варианта Лавранского дневника [22] отличаются краткостью, однообразием речевых конструкций при описании фотографических практик. Тем не менее, эти черновые записи имеют указание дат и места записи, и тем самым дополняют информацию о времени и объектах съемки. Этот черновой вариант дневника охватывает период с 11 июня 1906 г. по 22 января 1907 г. Ввиду хаотичности записей и наличия разных помет мы не делали общий подсчет записей. Из рассмотренных фрагментов можно выявить наиболее часто употребляемую конструкцию с вариантами слов «снять» и «съемки» (табл. 1). А также появление слова «заряд» для обозначения количества пластин, заряженных для съемки в фотокамеру. Здесь нужно отметить, что увеличение в текстах дневников количества слов «аппарат» в дневнике 1906–1907 гг. можно связать с тем, что Барадийн производил съемки в этот период на две камеры и часто снимал окрестности Лаврана, что сопровождалось трудностями с перемещением аппаратуры.

Обсуждение и выводы

Выделенные из общего массива записи позволяют увидеть наиболее яркие эпизоды, связанные с фотосъемками, и выявить повторяющиеся процессы и явления. Анализ дневников показал следующие особенности фотосъемок Базара Барадийна в его путешествиях по Забайкалью, Монголии и Тибету.

Число записей примерно одинаково в трех чистовых дневниках, что может говорить об определенной последовательности упоминания фотографии в период первых фотосъемок в Центральной Азии бурятскими и калмыцкими учеными.

Проявка негативов упоминается считанные разы, что соответствует общей практике проявки после путешествия [16, с. 163], и в силу отсутствия у путешественника возможности создать лабораторные условия, проявка происходила в ночное время. Фотографическую съемку останавливали погодные условия на месте или сложности в пути, связанные с погодой.

Дневники 1903–1904 гг. содержат больше записей о согласии иконописцев и лам на съемку, чем монгольская часть путешествия 1905–1907 гг.

Имеющаяся у Барадийна техника не позволяла снимать в условиях темных помещений дацанов, при этом в 1903–1904 гг. в забайкальских дацанах у него было больше возможностей перемещать артефакты для фотосъемки.

К приезду Барадийна в Ван-Курен осенью 1905 г. ко двору Далай-ламы XIII был доставлен фотоаппарат для съемок путешествий Далай-ламы, без съемок портретов лам, и Барадийн занимался обучением фотосъемке приближенных Далай-ламы.

В Лавранском монастыре Барадийн как фотограф скрытых съемок проявил наибольшее рвение, скорее всего, он чувствовал себя там спокойнее, хотя дневники в меньшей степени содержат личную информацию [2, с. 5; 3, с. 7].

В 1906–1907 гг. Барадийн проводил беседы с ламами, чтобы получить разрешение не только на случайных портрет, но и заснять их в разных костюмах.

Дневник о жизни в Лавране содержит информацию о дальнейшей циркуляции отснятых в путешествии материалов, печати снимков для лам.

Тексты дневников и описание фотографических практик меняется от экспедиции к экспедиции. Сказывается и развитие фотографических навыков Б. Барадийна, и его исследовательской природы. Количество записей о фотографировании зависело от реакции населения исследуемого региона. Чем ближе герой находился к территории Тибета, тем больше получал отказов в съемке или испытывал агрессивное отношение к фотографии. Исключением являются некоторые съемки в монастыре Лавран, ламы которого еще с экспедиции Г. Н. Потанина в 1884–1886 гг. были знакомы с желанием западных путешественников сделать их портреты. Рассмотрение дневников Барадийна позволило выявить дополнительные детали этноконфессионального аспекта истории повседневности¹.

Приложение 1

«Амдо-Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника – буряты по Халха-Монголии, Алашани и северо-восточной окраине Тибета – Амдо. 1905–1907». Архив востоковедов. Ф. 87. Оп. 1. Д. 28.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 232–233.

25 ноября [1905 г.].

Л. 89–90.

Меня пригласил к себе Эмчи-Хамбо. Он хотел учиться у меня делу фотографии. Уже давно летом того года по желанию ДЛ был выписан аппарат из Петербурга. На днях из Урги пришел аппарат с принадлежностями. ДЛ приказал Эмчи-хамбо и Канчен-Сойбону, чтобы один из них научился у меня фотографировать. Первый взялся за исполнение приказания Далай-Ламы, поэтому он и пригласил меня, чтобы я посвятил его в тайны фотографии. Слуги Эмчи-Хамбы раскупили ящик, в котором был отправлен из Петербурга аппарат с принадлежностями. Я привел их в порядок и <90> в виде первого урока я дал Эмчи-Хамбо объяснения каждого предмета. Аппарат оказался картридж кодак № 5 (13x18) с объективом Боуш и Ломб. Выписан из петербургской фирмы Joxima. После этого урока я спросил у лейб-медика, для чего именно выписан аппарат. На это он ответил, что аппарат понадобится при путешествии ДЛ для фотографирования его стоянок, чтобы потом скопировали с них рисунки для иллюстрирования «Путешествия Далай-Ламы». Аппарат, по его выражению, выписан для избавления от лишнего труда зурачинов [художников] рисовать с руки стоянки ДЛ, как до сих пор делали. При этом лейб-медик не без некоторой гордостью заметил, что, кроме этого назначения, аппарат им не нужен. Я спросил его, нельзя ли видеть заготовленные рисунки путешествия, на что он дипломатично выразил свое «да», что, де не торопясь можно достать от «Кьамгона» на рассмотрение. Это мое желание не было исполнено, так как лейб-медик очень стеснялся перед своим владыкой, а я не стал его беспокоить.

25 февраля [1906 г.].

Л. 143–145.

Сегодня тоже должно было состояться в гудском дукане продолжение вчерашнего празднества. Поэтому многие поспешили в дукан, чтобы пораньше занять свои места, а я, предвидя, что

сегодня будет лишь простое продолжение вчерашнего, счел за лучшее взять аппарат и снимать уличные сцены молящихся. Большинство моих приятелей бурят и еще несколько русских вошли в дуکان; а я один с аппаратом вращался среди многочисленной толпы монгольских лам – молодежи. Я уже успел снять несколько сцен и прошло порядочное время, как толпа ховараков, – из хулиганствующей ламской молодежи, стала мне надоедать сначала своим любопытством и приставанием, а потом уже перешли к дерзостям, хулиганским выходкам. Я со всем тактом вежливого безобидного человека стал тихонько пробираться из толпы, что вполне мне удалось. Но не тут-то было: толпа опять обогнала меня и окружила тесным кольцом, отдалив меня от нескольких моих бурят, которые наблюдали за мной и к которым я старался присоединиться. Теперь я оказался в критическом положении одинокого чужеземца, окруженного <Л. 144> со всех сторон враждебно-настроенной ему толпой хулиганов. Тем временем толпа уже наступала на меня, угрожая отобрать и уничтожить мою вещь – аппарат, а меня самого избить и искалечить. При наступлении хулиганы перекрикивались, что нужно остерегаться от ножика русского бурята. Я только тут сообразил, что единственное мое спасение заключается в трусости самих халхаских хулиганов. С этим проблеском соображения я стремительно бросился вперед сквозь толпу, выхватив свой маленький финский ножичек, купленный мной в одном из петербургских магазинов. Расчет мой на психологию моих противников был настолько точен, что толпа, увидев в моей руке нож, в ужасе подняла дикий крик; – «xotaga bariala!» (Выхватил нож) и быстро отступила назад. Перед мной моментально открылся свободный путь. Выбравшись, таким образом, из своего опасного положения, я пустился бежать, чтобы скорее добраться до ворот двора ДЛ. За мной погналась бесчисленная рать хулиганов, поднимая во всем монастыре ужасный шум и крик. До ворот мне нужно было добежать до 100 сажень. Я был одет очень тяжело, да еще на боку моем волочился аппарат, так что авангард моих неприятелей легко догоняли меня. Но один из них не смел дотронуться до меня из-за моего «страшного» ножа в 2 вершка (без рукояти).

<Л. 145> Я добежал до ворот, где стояло несколько монголов из таких же хулиганов, и хотели меня вытолкнуть обратно

к настигающей меня огромной толпе. В этот критический для меня момент выбежала на шум со двора ДЛ масса тибетцев из низшей придворной прислуги. Они тотчас же узнали меня и к моему счастью, – быстро сообразив в чем дело, стремительно отразили нападавших при помощи своих нагаек. Я был спасен, но страшно потрясен душевно. Меня тотчас же повели к секретарю ДЛ. При секретаре оказался один монгольский лама, которого я застал предупреждающим секретаря о происшествии с явной целью покровительствовать своим соплеменникам-хулиганам, что я де собирался снять особу ДЛ. Секретарь коротенько расспросил меня в чем дело. Я объяснил ему: «Как вы знаете меня, – я никогда не позволю себе снять Кьямгонга (т. е. ДЛ) без его разрешения, а что касается снимания молящихся, – я ни от кого не спрошу».

Список литературы

1. Полянская О. Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 7. – С. 123–130. EDN: QJAKXV
2. Барадин Б. Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: дневник буд. паломника (1906–1907 гг.) / подг. к изд., предисл., коммент. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 244 с.
3. Дневник вольнослушателя Санкт-Петербургского университета Базара Барадина по бурятским дацанам (1903–1904 гг.) / подг. к публ., предисл., коммент., указатель Д. С. Жамсуевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 238 с.
4. Хижняк О. С. Б. Б. Барадин о Далай-ламе XIII Тубтене Гьяцо (по материалам дневника путешествия 1905–1907 годов) // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. III. «Петербургец путешествует». Материалы конференции 3–4 апреля 1997 г. – СПб.: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 1998. – С. 130–141.
5. Станулевич Н. А. Коллекция негативов Базара Барадина в собрании МАЭ РАН // Кунсткамера. – 2020. – № 4(10). – С. 129–139. DOI: 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-129-139. EDN: HSQPFS
6. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 537 с.
7. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 / ред.-сост. Т. И. Юсупова, сост. А. И. Андреев, отв. ред. А. В. Постников. СПб.: Наука, 2003. 1037 с.
8. Козлов П. К. Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 / ред.-сост. Т. И. Юсупова, сост. Т. Ю. Гнатюк, отв. ред. А. И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2015. 424 с.
9. Ургинский дневник Ф. И. Щербатского (1905) / предисловие и комм. А. И. Андреева // Письменные памятники Востока. – 2017. – № 28. – С. 48–67.
10. Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг.: сборник статей / под ред. А. И. Андреева. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 332 с.
11. Андреев А. И. Фотография в русских экспедициях по Центральной Азии XIX – начала XX в.: Г. Цыбиков и О. Норзунов – первые фотографы Тибета // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: материалы Вторых Доржиевских чтений. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – С. 189–199.

12. Andreyev A. Tibet in the earliest photographs by Russian travelers. – New Delhi: Studio Orientalia, 2013. – 212 p.
13. Архив востоковедов. Ф. 87. Оп. 1. Д. 26.
14. Ломакина И. И. Великий Беглец. Документальная повесть. М.: «Дизайн. Информациа. Картография», 2001. 288 с.
15. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФА РАН). Ф. 148. Оп. 1. Д. 21.
16. Станулевич Н. А. Особенности получения первых фотографий буддийских монастырей Тибета // Культура Центральной Азии: письменные источники. – 2023. – № 16. – С. 157–169. DOI 10.31554/2304–1838–2023–16–157–169. EDN: KOOMLL.
17. СПбФА РАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 34.
18. Архив востоковедов. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27.
19. Архив востоковедов. Ф. 87. Оп. 1. Д. 28.
20. Архив востоковедов. Ф. 87. Оп. 1. Д. 29.
21. Архив востоковедов. Ф. 87. Оп. 1. Д. 31.
22. Голев И. А. Коллекция экспедиционных фотографий А. И. Скасси в собрании отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 46. – С. 250–255. DOI: 10.17223/22220836/46/21. EDN: BVSPYUW.
23. Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия Путешествие Г. Н. Потанина, 1884–1886. Т. 1. СПб.: Имп. Рус. геогр. о-во, 1893. 567 с.
24. Архив востоковедов. Ф. 87. Оп. 1. Д. 30.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
65/35 %

Photographing by Buryat Scientists in the Early 20th Century Expeditions to Central Asia (based on the Diaries of Bazar Baradiin)

Nadezhda A. Stanulevich, Svetlana S. Sabrukova

The ethnocultural potential of Buryat guides and scientists allowed geographical and ethnographic research to be carried out, starting with inviting them to accompany N. M. Przhevalsky's expeditions to Central Asia in the second half of the 19th century. The idea of using them as photographers was also innovative. Representatives of the national intelligentsia recorded the data on the surveys and the subjects of contact with the inhabitants of the explored territories in their expedition diaries for photographing them. During the study, we conducted a linguistic analysis of the entries reflecting Bazar Baradiin's photographic activities. We compared the records by year to outline. Then, we defined the peculiarities of each journey and the photographic practices. The region, climatical conditions and ideology influenced on photography. Examination of diaries revealed additional details of the ethno-religious aspect of the history of everyday life. Representative of the national intelligentsia successfully coped with the task of not only scientific but also photographic recording of cultural and religious life in Mongolia and Tibet.

Key words: Buryats, border area, frontier, contacts, photography, expedition notes, 13th Dalai Lama, Petr Kozlov, Baradiin.

For citation: Stanulevich, N. A., Sabrukova, S. S. (2024) Fotografirovanie buryatskimi uchenyimi v ekspeditsiyah v Centralnuyu Aziyu nachala XX v. (po dnevnikam Bazara Baradijina) [Photography by Buryat Scientists in the Early 20th Century Expeditions to Central Asia (based on the Diaries of Bazar Baradiin)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 183–205. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_183. EDN: WPDXCQ

References

1. Polyanskaya, O. N. (2013) *Mongolovednye napravleniya v issledovaniyah Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednej i Vostochnoj Azii* [Mongolian Studies Trends in the Researches of the Russian Committee for Study of Middle and Eastern Asia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific journal Dorji Banzarov Buryat state University]. No 7. Pp. 123–130. (In Russ.). EDN: QJAKXV
2. Vanchikova, C. P. (2002) (ed.) Baradin B. B. *Zhizn' v Tangutskom monastyre Lavran: dnevnik bud. palomnika (1906–1907 gg.)* [Life in the Tangut Lavran Monastery: the Diary of a Buddhist pilgrim (1906–1907)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN. (In Russ.)
3. Zhamsueva, D. S. (2013) (ed.) *Dnevnik vol'noslushatelya Sankt-Peterburgskogo universiteta Bazara Baradijina po buryatskim datsanam (1903–1904 gg.)* [Diaries of the Saint-Petersburg free-lance student Bazar Baradin during his staying in Buryat datsans in 1903–1904]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN. (In Russ.)
4. Hizhnyak, O. S. (1998) *B. B. Baradijn o Dalaj-lame XIII Tuptene G'yaco (po materialam dnevnika puteshestviya 1905–1907 godov)* [B. B. Baradin about Dalai Lama (from a travel diary of 1905–1907)]. Proceedings of the Conference, 3-4 April 1997, Saint Petersburg. "Saint Petersburg citizen travelling". State Museum of the History of Saint-Petersburg]. Iss. III. Saint Petersburg. Pp. 130–141.
5. Stanulevich, N. A. (2020) *Kollekciya negativov Bazara Baradijina v sobranii MAE RAN* [Bazar Baradiin's collection of negatives in MAE RAS]. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. No. 4 (10). Pp. 129–139. (In Russ.). DOI: 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-129-139. EDN: HSQPF5
6. Przheval'skij, N. M. (1888) *Ot Kyahty na istoki ZHeltoj reki, issledovanie severnoj okrainy Tibeta i put' cherez Lob-Nor po bassejnu Tarima* [From Kyakhta to the headwaters of the Yellow River, exploring the northern edge of Tibet and traveling through Lob-Nor along the Tarim basin]. Saint Petersburg: Tip. V.S. Balasheva. (In Russ.)
7. Yusupova, T. I., Andreev, A. I., Postnikov, A. V. (2003) *Dnevnik Mongolo-Tibetskoj ekspedicii 1923–1926* [Diaries of the Mongol-Tibetan Expedition 1923–1926]. Saint Petersburg: Nauka.
8. Yusupova, T. I., Gnatyuk, T. Yu., Andreev, A. I. (2015) (eds.) *Kozlov P. K. Dnevnik Mongolo-Sychuan'skoj ekspedicii, 1907–1909* [Diaries of the Mongol-Sichuan Expedition, 1907–1909]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
9. Andreev, A. I. (2017) *Urginskij dnevnik F. I. Shcherbatskogo (1905)* [Diary of F. I. Shcherbatskoi in Urga in 1905]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East]. No. 28. Pp. 48–67. (In Russ.)
10. Andreev, A. I. (2017) (ed.) *Rossijskie ekspedicii v Central'nuyu Aziyu: Organizaciya, polevye issledovaniya, kolekcii. 1870–1920-e gg.* [Russian Expeditions to Central Asia: Organization, Field Studies, Collections. 1870–1920] Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
11. Andreev, A. I. (2008) *Fotografiya v russkikh ehspeditsiyakh po Tsentral'noi Azii XIX – nachala XIX v.: G. Tsybikov i O. Norzunov – pervye fotografy Tibeta* [Photography in Russian expeditions in Central Asia of the 19th – early 20th century: G. Tsybikov and O. Norzunov – the first photographers of Tibet]. Proceedings of the Second Dorzhiev Conference. Buddhist Culture: History, Source Studies, Linguistics and Art. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. Pp. 189–199. (In Russ.)
12. Andreyev, A. (2013) *Tibet in the earliest photographs by Russian travelers*. New Delhi: Studio Orientalia.
13. *Arkhiv vostokovedov* [Orientalist Archive in the Institute of Oriental Studies] (hereinafter – AV IVR RAS). F. 87. Op. 1. D. 26.
14. Lomakina, I. I. (2001) *Velikij Beglec. Dokumental'naya povest'* [The Great Fugitive. A Documentary Narrative.]. Moscow: "Dizajn. Informaciya. Kartografiya". (In Russ.)

15. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk* [Saint-Petersburg Branch of the Russian Academy of Science Archive] (hereinafter – SPbB ARAS). F. 148. Op. 1. D. 21.

16. Stanulevich, N. A. (2023) *Osobennosti polucheniya pervykh fotografij buddiiskih monastyrej Tibeta* [Features of Obtaining the First Photographs of Buddhist Monasteries in Tibet]. *Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki* [Central Asian culture: written sources]. No. 16. Pp. 157–169. (In Russ.). DOI 10.31554/2304-1838-2023-16-157-169. EDN: KOOMLL.

17. SPbB ARAS. F. 725. Op. 3. D. 34.

18. AV IVR RAS. F. 87. Op. 1. D. 27.

19. AV IVR RAS. F. 87. Op. 1. D. 28.

20. AV IVR RAS. F. 87. Op. 1. D. 29.

21. AV IVR RAS. F. 87. Op. 1. D. 31.

22. Golev, I. A. (2022) *Kollekciya ekspedicionnykh fotografij A.I. Skassi v sobranii otdela rukopisej i knizhnykh pamyatnikov Nauchnoj biblioteki TGU* [A Collection of Expedition Photographs by A. I. Skassi in the Collection of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Scientific Library of TSU]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. No. 46. Pp. 250–255. (In Russ.). DOI: 10.17223/22220836/46/21. EDN: BVSPYW.

23. Potanin G. N. (1893) *Tangutsko-Tibetskaya okraina Kitaya i Central'naya Mongoliya Puteshestvie G. N. Potanina, 1884–1886* [Tangut-Tibetan margin of China and Central Mongolia Journey of G. N. Potanin, 1884–1886]. Vol. 1. Saint Petersburg: Imperial Russian Geography Society. (In Russ.)

24. AV IVR RAS. F. 87. Op. 1. D. 30.

Об авторах

Станулевич Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: nstanulevich@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5726-9690

Сабрукова Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов, Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ssabrukova@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7983-4291

About the authors

Stanulevich Nadezhda A., Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Laboratory of museum technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: nstanulevich@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-5726-9690

Sabrukova Svetlana S., Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Laboratory of museum technologies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: ssabrukova@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7983-4291

Статья поступила в редакцию 25.10.2024

Одобрена после рецензирования 14.11.2024

Принята к публикации 18.11.2024

Личные истории германских граждан и бывших военнопленных Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Новосибирской области)

Е. А. Скоп

В статье рассматриваются некоторые общие аспекты положения военнопленных Первой мировой войны, сложившаяся историография вопроса. Делается акцент на личных историях германских граждан и бывших военнопленных Первой мировой войны сибирского региона на основе материалов Государственного архива Новосибирской области. Содействие в решении многих вопросов как российских подданных, оставшихся после окончания военных действий за пределами России, так и подданных иностранных государств, взяло на себя Германское консульство в Новосибирске, открытое в городе в начале 20-х гг. XX в. Активная работа первого германского консула в Новониколаевске (Новосибирске) оказала значительное влияние на судьбы многих бывших пленных и членов их семей. Описывается деятельность В. Гросскопфа по розыску соотечественников и содействию их выезду на родину, оказанию помощи в разрешении различных брачно-семейных и других сложных вопросов.

Ключевые слова: Первая мировая война, бывшие военнопленные, Сибирь, германское консульство в Новосибирске, Германия, Австро-Венгрия, источники личного происхождения.

Для цитирования: Скоп Е. А. Личные истории германских граждан и бывших военнопленных Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Новосибирской области) // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 206–230. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_206. EDN: YLXKHG

Введение

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война полностью изменила привычное течение жизни людей во всей Европе. Впервые стали применяться новые виды вооружений и тактики ведения боевых действий, в результате чего – колоссальное количество жертв, военнопленных, беженцев, разрушенных судеб и империй. Как итог противостояния, длившегося более четырех лет – исчезновение с карты мира четырех империй (Российской, Османской, Германской и Австро-Венгерской), появление множества более мелких государств, значительное количество нерешенных межнациональных, территориальных проблем и вспыхнувшие революционные движения.

Тема Первой мировой войны, пожалуй, первого глобального военного конфликта в истории человечества, стала особенно активно изучаться с середины 1990-х гг., когда открылись многочисленные архивы, и по сей день вызывает большой интерес у историков как в России, так и за ее пределами. В настоящее время проводятся тематические конференции¹, семинары, круглые столы. На основе исследований таких специалистов, как С. Н. Васильева [1], А. Г. Кугуелов [2], Д. И. Люкшин [3], Е. Ю. Сергеев [4], Е. С. Синявская [5; 6], группы авторов, в составе: Н. В. Ростиславлевой, А. Бауэркемпера, Х. Бока, Г. Вурцера (не так давно опубликовавших комплексную монографию) [7], появляется большое количество публикаций, позволяющих восполнить еще существующие пробелы в истории рассматриваемого вопроса, вводятся в оборот новые архивные документы.

Региональные аспекты жизни военнопленных и интернированных на конкретных территориях Российской империи освещается в трудах Р. В. Ильязовой [8], Т. В. Котюковой [9], Е. В. Мироновой [10], В. А. Пылькина [11], Г. В. Рокиной [12], Л. Н. Созы [13], Е. Г. Тимофеевой [14], А. В. Тихоновой [15] и многих других.

Историография о положении военнопленных Первой мировой войны, находившихся в разных частях Сибири, также обширна и многообразна. Данной проблематике посвящены работы сибирских историков и краеведов.

¹ Например, Международная конференция «Первая мировая война в исторической памяти России и Европы: документальные свидетельства и исторические нарративы», проходившая 9 ноября 2023 г. на базе РГГУ.

Так, К. А. Голодяев в своем исследовании подробно рассматривает вопросы размещения и содержания военнопленных, этапированных на территорию Новониколаевска (Новосибирска), послевоенного устройства бывших военнопленных и их роль в революционных событиях страны, доклады официальных международных миссий о положении плененных лиц иностранных государств, их воспоминания [16].

Н. В. Греков приводит географию расселения прибывающих военнопленных, их количественный состав, особенности нахождения в плену. Он подробно описывает некоторые наиболее острые проблемы, возникшие перед местными органами власти в Сибири, требующие оперативного решения [17].

И. И. Шлейхер анализирует не только положение военнопленных Первой мировой войны на территории Сибири, но и немцев-колонистов, рассматривая их статус в постреволюционный период в ракурсе заключенных с Германией, Австрией и Венгрией первых послевоенных соглашений о возвращении на родину их граждан. На основе архивных данных историк раскрывает некоторые моменты их повседневной жизни [18].

Большой спектр вопросов о судьбе военнопленных в Сибири (описываются контингенты, условия их пребывания, содержания, труда и применяемая система учета) стал предметом изучения в работе Н. М. Маркдорф. В своей статье автор проводит сравнительный анализ режимов содержания и отношения к военнопленным Первой и Второй мировых войн [19].

Различные стороны жизни военнопленных в Западно-Сибирском регионе (их размещение, использование труда и порядок его организации, взаимоотношение с местными жителями, формирование из пленных славян – чехов и словаков – воинских частей для участия в боевых действиях против Германии), затрагиваются в исследовании И. А. Еремина, специалиста по истории Сибири в годы Первой мировой войны [20].

Дальнейшая послевоенная судьба всего региона и его жителей, в том числе бывших плененных, налаживание контактов с международными организациями для решения важнейших вопросов находит отражение в публикациях других авторов. Так, история появления Германского консульства в Новосибирске, его работа в регионе и консульские отношения с Германией

в период 1920–1930-х гг. стали предметом исследования новосибирских историков Л. П. Белковец и С. В. Белковец [21–24].

Проблемы экономического сотрудничества Новосибирска (Новониколаевска) с другими странами и международными компаниями в начале XX в. затрагивает в своих работах О. Л. Чернобай [25; 26].

В целом можно утверждать, что в изучении истории Первой мировой войны были достигнуты значительные успехи. Однако осталось большое количество вопросов, которые нуждаются в более подробном анализе и поиске необходимых ответов. В частности, до настоящего времени остается малоизученной тема повседневной жизни военнопленных, условий их быта, вопросы досуга, религии каждой конфессиональной группы. Требуют более пристального изучения источники личного происхождения, созданные в период ведения боевых действий, в плену и в послевоенное время. В фондах отечественных и зарубежных архивов в большом количестве сохранились документальные свидетельства, отражающие отношение местного населения к военнопленным противоборствующих сторон, устройство их частной жизни (отправка на историческую родину, вступление в брак, рождение совместных детей, изменение подданства или страны проживания), которые также требуют обстоятельного анализа.

В истории Первой мировой войны одними из наименее изученных остаются вопросы сохранения исторической памяти, ухода за местами захоронений, поиск родственниками сведений о своих предках. В настоящее время отсутствует единый справочный ресурс, способный облегчить поисковую работу о судьбе военнопленных.

Цель данной статьи – показать положение немецких граждан и бывших пленных в Сибири в послевоенное время через призму семейных отношений и их частной жизни. Данная тема не была достаточно освещена в литературе и сохраняет актуальность в изучении немецкого анклава.

В Государственном архиве Новосибирской области (далее – ГАО) хранятся уникальные документальные свидетельства, которые вызывают особый научный интерес. В них прослеживается судьба обычных людей, оказавшихся в эпицентре исторических событий. Их анализ позволяет установить весь

объем кропотливой работы, осуществляемой Германским консульством в 1920-е гг. в Новосибирске по решению вопросов соотечественников и бывших военнопленных из других европейских стран, которые не смогли выехать на родину. Многие из них остались в Сибири, где ранее содержались в лагерях военнопленных. Несмотря на все испытания, люди продолжали жить, создавать семьи, устраивать свою судьбу в местах нового проживания уже в мирное время.

Были изучены такие документы, как официальная переписка Германского консульства с уполномоченными органами Сибири при решении проблем немецких граждан. Зачастую к таким материалам приобщались личные запросы, копии писем или биографические данные, воссоздающие этапы жизни или профессиональной деятельности (например, об этнографе О. Иден-Целлере, сибирских промышленниках Крюгерах). Некоторые списки иностранных подданных, сохранившиеся в фондах ГАНО, дают возможность в некоторых случаях узнать адреса, национальность и вероисповедание перечисленных в них лиц.

Фотоматериалы, кроме прочего, обладающие дарственной надписью, позволяют определить характер взаимоотношений отправителя и адресата, раскрыть дополнительную информацию: установить принадлежность к роду войск, чину, указать на умение писать и грамотность человека, передать другие косвенные факты о нем.

Перечисленные виды источников из фондов ГАНО не только содержат богатейший фактический материал, но и позволяют узнать о различных сторонах общественной жизни той эпохи, не фиксируемых в официальных документах, и передают персональное отношение очевидцев к происходящему.

На основе рассматриваемых документов предпринята попытка дополнить уже известные науке данные о бывших военнопленных Первой мировой войны в Западной Сибири. Письма, записи и фотографии как источники личного происхождения способствуют лучшему пониманию истории конкретного человека, способны объяснить мотивы его поступков или бездействий в контексте происходящих мировых событий.

При подготовке материала использовались хронологический, биографический и нарративный (описательный) методы. Хронологический метод дает возможность рассказать о происходя-

щих событиях в их временной ретроспективе. Биографический метод позволяет провести жизнеописания личности и воссоздать его психологический портрет. С помощью нарративного метода происходит анализ письменных источников для соединения повествования в единое целое.

Результаты

Согласно данным Н. В. Грекова, во время Первой мировой войны в русском плену оказались 2 104 146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167 082 военнослужащих германской армии. Военные власти России при регистрации пленных отмечали только их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных весьма сложно. По подсчетам российских историков, австрийцы и немцы составляли примерно 20–22 % всех военнопленных Габсбургской армии, т. е. приблизительно 400–500 тыс. человек. Вместе с пленными германской армии немцы и австрийцы составляли примерно 24–28 % военнопленных государств Центрального блока [17, с. 154].

В то же время несколько иные факты приводит алтайский историк И. И. Шлейхер – 2 322 378 офицеров и солдат Германии и ее союзников оказались в русском плену. К началу 1917 г., по данным Главного управления Генштаба русской армии, на территории Омского и Иркутского военных округов было размещено более 240 тыс. военнопленных, подавляющее большинство (99,4 %) составляли военнослужащие армий Австро-Венгрии (223,7 тыс.) и Германии (18,2 тыс.). Кроме того, из 250 тыс. граждан Германии и 80 тыс. граждан Австро-Венгрии, живших на момент начала войны в России и интернированных, и из 11 100 гражданских лиц, депортированных из Восточной Пруссии, часть была сослана в Сибирь [18, с. 205].

Не только Первая мировая война, но и последовавшие за ней революционные события в России прервали все связи Сибири с границей: консульские, экономические, политические, культурные. После заключения 16 апреля 1922 г. Рапалльского договора Германия и Россия, установив дипломатические отношения, возобновили довоенные традиции и вновь открыли на территориях друг друга консульские учреждения, тогда называвшиеся представительствами. С их помощью восстанав-

ливались торгово-экономические связи и регулировалось правовое положение многочисленных подданных, в силу разных причин оказавшихся отторгнутыми от своей родины [22, с. 142].

Это были германские и австрийские военнопленные – тысячи из них не смогли выехать на родину во время массового интернирования в 1920–1921 гг. Значительная часть их осела в Сибири, где в годы Первой мировой войны находились многочисленные лагеря военнопленных [27, с. 69].

В августе 1923 г. на территории Новосибирска (Новониколаевска) было открыто консульское учреждение Германии во главе с консулом Георгом Вильгельмом Гросскопфом, «именовавшим себя в России Вильгельмом Фридриховичем» [22, с. 161].

В своем исследовании Л. П. Белковец и С. В. Белковец приводят факты из автобиографии В. Гросскопфа, составленной им на русском языке 31 октября 1920 г.: «Я, прусский подданный, родился 18-го ноября 1884 г. в г. Вендене, Лифляндской губ. Отец мой – ученый садовник Фридрих Гросскопф, мать Матильда ур. Штейнбаум. Родители мои умерли» [22, с. 161].

И далее: «Раннее сиротство заставило юношу после окончания в 1901 г. Рижского городского реального училища поступить на коммерческую службу в экспедиторские и корабельные конторы Риги, в которых Гросскопф провел почти пять лет. В 1905–1907 гг. он состоял студентом Рижского политехнического училища (института) по политическо-экономическому и коммерческому отделению. В марте 1906 г., с должности канцеляриста в германском консульстве в Риге, началась дипломатическая служба студента Гросскопфа, которая в 1909 г. привела его в Москву, на должность секретаря германского консульства. В 1913 г. он стал драгоманом (переводчиком) в германском посольстве столичного Петербурга. Во время Первой мировой служил в штабе 84 пехотного полка, исполнял должность коменданта и переводчика, был награжден военными наградами, в том числе Железным крестом I-й степени. В марте 1918 г. Гросскопф вышел в отставку в чине обер-лейтенанта и вернулся в Аусамт (МИД). С 1 января 1920 г. в звании канцлера Гросскопф возглавил в Финляндии канцелярию германского посольства. В 1921 г. он успешно сдает консульский экзамен и защищает сочинение (своего рода "диссертацию") на тему "Выбытие Советской России

из мирового хозяйства и последствия, вызванные этим для народных хозяйств России и Германии". 12 мая 1922 г. следует его назначение вице-консулом в генеральное консульство Германии в Петрограде. Не проходит и года, и он нужен ведомству уже в качестве консула в создаваемое в Сибири представительство» [22, с. 161, 162].

Германское консульское учреждение было расположено в самом центре города в «бывшем купеческом двухэтажном кирпичном особнячке по Октябрьской улице, № 47» [22, с. 144]. В настоящее время данное здание сохранилось, находится под охраной государства как памятник архитектуры, а внутри располагается гомеопатический центр и аптека¹.

Консульство обслуживало обширную территорию, «это был самый большой в мире консульский округ, в 20 раз превышавший размеры территории самой Германии. В него вошли губернии: Новониколаевская, Омская, Томская, Енисейская, Иркутская, Алтайская, объединенные в 1925 г. в Сибирский край; две автономные республики, Якутская и Бурятская; две автономные области, Ойротская и Хакасская, три восточных округа Киргизской (Казахской) республики: Семипалатинский, Акмолинский и Кустанайский, а также восточные округа Тюменской, Тобольской и Челябинской губерний» [22, с. 144].

Учитывая большое количество германских граждан, проживающих на территории консульского округа, наличие у них множества нерешенных проблем, а также задачи нового времени, поставленные перед консульством Германии, функционал В. Гросскопфа был достаточно обширен.

Одним из направлений его деятельности было налаживание экономических связей между Сибирью и европейскими, прежде всего немецкими, компаниями.

Сибирский исследователь О. Л. Чернобай приводит слова В. Гросскопфа, относительно этого: «Я стремлюсь узнать, в каких областях Сибири Германия могла бы предложить свои богатые технические знания и возможности и в каких областях труда возможна и желательна совместная работа, в особенности земледельческой, а также добывающей и обрабатывающей промышленности» [25, с. 124].

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 234–236.

При непосредственном участии самого консула Гросскопфа в процессе налаживания торговых отношений, в Сибири стали открываться представительства многих коммерческих фирм [27–31].

Приведем только несколько примеров его деятельности: так консул сообщал уполномоченным органам в Ново-Николаевске, что институт пчеловодства при сельхозакадемии в Берлине интересуется положением пчеловодства в Сибирском регионе, включая меры государственной поддержки, статистические данные, употребляемые орудиями пчеловодства, применением практики «замораживания» и его результатами, наименованием полевых трав в отдельных регионах, на которых базируется пчеловодство [32, л. 134].

О возможности организации экспорта из Сибири в Германию яиц, битой дичи и птицы сообщает в Германское консульство Сибсельхозсоюз 11 февраля 1924 г. за исх. № 123 [32, л. 169].

Одним из актуальных вопросов оставалось сотрудничество в сфере издательского дела, например предложение немецкой стороны о распространении медицинского журнала в городах Сибири.

Согласно обращению консула Гросскопфа от 16 октября 1923 г. за № 134 в адрес Сибирского революционного комитета (далее – Сибревком): «по приглашению Советского Правительства в СССР приехал известный германский ученый профессор медицины Брауер из Гамбурга. Профессор Брауер посетил Москву, Петроград, Харьков и другие университетские города, где читал доклады на медицинские темы и устанавливал связи между научным медицинским миром Германии и Советской России.

Во время пребывания профессора... в Петрограде возникла мысль об издании ежемесячника медицины на русском языке с целью сближения германской и русской науки и всестороннего осведомления русских ученых и врачей о результатах исследований и опытов не только германской, но и всемирной наукой... Издатели, редакторы и сотрудники ежемесячника будут состоять наполовину из германских, наполовину из русских ученых... В ежемесячнике в особых статьях намечено опубликование результатов исследований английских, американских, испанских и других университетов. Равным образом в каждом номере будут отпечатаны научные статьи русских ученых... Честь имею покорнейше просить, не отказать в уведомлении

меня о том, находит ли Сибревком распространение ежемесячника ...желательным».

Далее следует просьба указать кто имеет возможность взять на себя распространение журнала, их адреса, количество требуемых экземпляров и стоимость подписки: 4 доллара за полгода и 7 долларов за год [33, л. 93, 93 об.].

Имеются документы, свидетельствующие о продаже в Берлине журнала «Жизнь Сибири» (с указанием конкретных берлинских адресов) [32, л. 159, 163, 164].

Или другой пример – в фондах архива сохранилось обращение представителя издательства настольной книги «Пушная Сибирь» (гражданина Алимова), адресованное германскому консулу В. Гросскопфу с предложением о сотрудничестве в сфере популяризации специализированного издания. В письме не только подробно описывается положение торговых отношений между Германией и Россией в области пушного дела и охотничьего хозяйства, но и приводятся характеристики самого издания журнала, коллектива авторов, а также следуют просьбы об оказании содействия в сборе необходимых статистических данных для публикаций, информирования заинтересованных кругов в Германии о начинаниях сибирских авторов по изданию и распространению самого журнала и наличию возможности разместить в нем рекламные объявления и статьи [34, л. 118, 118 об., 119].

Сотрудничество на взаимовыгодных условиях для иностранных коммерческих организаций и их местных партнеров продолжалось короткое время (с учетом внешних и внутренних факторов, происходивших в Советской России). Но этот период показал, насколько огромен интерес на мировом рынке к сырью, товарам и продуктам, произведенным в Сибири.

Отмечая задачи консула, нельзя не упомянуть об организованной им работе по поиску и установлению мест захоронений военнопленных, а также достижении договоренности с местными органами власти об осуществлении ухода за могилами. Как указывает Л. П. Белковец, «с этой целью он предпринял личные поездки в места расположения бывших лагерей» [27, с. 71].

Также В. Гросскопф активно интересовался списками умерших и похороненных военнопленных. «По имеющимся в Германском консульстве сведениям в Ново-Николаевске похо-

ронены около семи сот солдат германских военнопленных, скончавшихся в местном военном госпитале» [16, с. 26].

Осуществляя розыскные мероприятия, он писал: «Выражая Отделу Управления Сибревкома свою благодарность за сообщенные Консульству сведения о месте погребения германских военнопленных, умерших в Ново-Николаевске при Колчаке, Консульство честь имеет покорнейше просить...не отказать в наведении справок о том, где похоронены германские военнопленные, умершие в Ново-Николаевском военном госпитале при бывшем царском правительстве...» [33, л. 79].

Однако на свои запросы консул получал ответы (*пунктуация сохранена – Е. С.*): «с приходом Советской власти все концентрационные лагеря бывш. военнопленных были распущены и всем им было предоставлено свободное проживание на территории РСФСР на одинаковых с русскими гражданами основаниях. Поэтому установить место погребения умерших при Советской власти указанных граждан не представляется возможным. Что же касается места погребения бывш. военнопленных при Колчаке, то из произведенного тщательного расследования выяснилось, что военнопленные вообще и германские подданные в частности хоронились в...концентрационном лагере военнопленных в Закаменском районе за военным городком в конце Артиллерийский улицы, а также и на новом общем городском кладбище в Ипподромском районе в конце улицы Крылова и Карамзина по Каменской дороге» или «вымирание германских или других военнопленных в гор. Н-Николаевске происходило во время Колчаковщины, а потому, где таковые похоронены Губотделу Управления не известно» [33, л. 80, 81].

Несмотря на содержание получаемых ответов, германский консул продолжал обращаться с поисковыми ходатайствами и о выдаче свидетельств о кончине германских подданных. Например, один из таких запросов был направлен в Административный отдел Сибревкома 3 мая 1924 г. (№ Н 3) в отношении военнопленного запасного пехотного полка № 222 Ивана Блунтцера, умершего в г. Омске [34, л. 6].

Таким образом, поскольку для установления юридических фактов о смерти своих близких в консульство продолжали поступать письма родственников умерших германских граждан, В. Гросскопф предпринимал всевозможные действия, направ-

ленные на получение необходимой информации путем обращения в уполномоченные органы Сибири.

Другим приоритетным направлением в работе консула стал розыск бывших военнопленных и содействие их выезду на этническую родину зачастую совместно с русскими супругами, оказание помощи в разрешении различных брачно-семейных вопросов, а также поиск немецких женщин, вступивших в брак и приехавших в Россию с русскими военнопленными по просьбе их родителей (германских подданных).

В фондах архива имеется массив документов¹ по истории революционного движения и о борьбе с контрреволюцией в Сибири, где содержатся некоторые сведения об австрийских, германских и турецких подданных, проживавших в пределах Томской области. Данные списки представлены не в полном объеме, только малая часть внесенных иностранных граждан (в некоторых случаях и членов их семей), например, по г. Томску, Новониколаевску, Колывани, Мариинскому, Щегловскому, Тогучинскому и Кузнецкому уездам. В поименных списках указывается: полное имя, подданство, место жительства, национальность лица, редко – вероисповедание (например, «Христофор Пенса – турецкий подданный правосл. вер.») [35, л. 1 об.; 36].

Германский консул не раз обращался в уполномоченные органы Новониколаевска для получения выездных виз в порядке эвакуации бывших военнопленных и членов их семей. Такой запрос был составлен в отношении германского подданного Фрица Сюттерлина и его жены Зинаиды (урожденной Горчаковой) и дочери Веры. Также в запросе сделана отметка, что в имеющихся документах была ошибочно написана фамилия «Сибеленко» вместо «Сюттерлин» [32, л. д. 248].

При некоторых обстоятельствах германское консульство могло самостоятельно отозвать ранее выданные бывшим военнопленным документы для выезда на родину. Например, такое решение было принято по документам бывшего германского пленного Эдуарда Миллера, «хотя заявление Миллера о службе в германской армии и пленении его в сентябре месяце 1917 г. под Барановичами сомнения не вызывают, ... удостоверение на право выезда за границу у него отобрано консульством, в виду

¹ Некоторые данные по венгерским военнопленным (проживавшие в селениях Каменского района Новосибирского округа) можно найти в фонде Р-1899 Государственного архива Новосибирской области.

наведения дальнейших справок о нем и его гражданстве на родине по месту его последнего жительства в Берлине, так дела о Миллере в Консульстве не имеется и помимо удостоверений о его прежней службе в Ново-Николаевской милиции и в железнодорожной охране регистрационная карточка является единственным документом о том, что он бывший военнопленный. Поэтому Консульство прекратило впредь до подробного выяснения всех обстоятельств дело об эвакуации Миллера» [34, л. 14].

Интересен один из ответов консульства, направленный в адрес Сибирского революционного комитета 10 августа 1924 г., в котором указывались не только обстоятельства, по которым другой гражданин Германии, некто Вильгельм Леман, не воспользовался возможностью выезда, но и причины многочисленных запросов консульского учреждения о судьбе бывших военнопленных – своих сограждан, направляемые в соответствующие органы власти в регионе.

Как следует из материалов архивного дела, гражданин Леман не убыл в Германию, поскольку отбывал наказание за самогоноварение (т. е. за действия, противоречащие законам РСФСР). А консульские запросы делаются «не из любопытства, а в силу государственных соображений, имеющих значение не только для германских властей в фискальном отношении для привлечения репатриантов к уплате за проезд, если они пропустили сроки эвакуации 1920–1922 гг. по своей вине, ... но и Союза СССР, так как за границей от времени до времени упорно распространяются слухи, что в Сибири все еще задерживаются советскими властями сотни германских военнопленных, томящихся на принудительных работах. Источником подобных слухов были в некоторых случаях военнопленные, не желавшие сознаться своим родным в действительных причинах, задержавших их в Сибири». Однако такие «слухи неоднократно опровергались Германским Правительством в печати и парламенте» [34, л. 39].

В 1924 г. консульством по всем имеющимся каналам было распространено извещение, адресованное бывшим немецким военнопленным, состоящее из пяти пунктов. В документе говорилось о последней возможности бесплатно репатрироваться на родину, приводился алгоритм необходимых действий, сроки обращения и требующиеся документы на себя

и членов семьи. Сообщалось о последствиях принятия решения остаться в «Советской России», а также о том, что необходимо предпринять немецким гражданам для легального нахождения на территории России [34, л. 331].

Понимая важность принимаемых решений, каждый германский гражданин самостоятельно вершил свою судьбу. Оставаясь в России, где у многих уже были семьи, налаженные бытовые условия и работа, необходимо было менять гражданство, забывать свое прошлое и становиться «советским» человеком. Однако уже через несколько лет многим из них пришлось пожалеть о поспешности своего выбора в связи с началом репрессивной политики государства.

Одним из важных направлений, которое не осталось без внимания консульства, стало оказание содействия в сфере брачно-семейных отношений соотечественников. В архивных документах сохранилось обращение Вильгельма ф. Шенинга (датированное 22 февраля 1924 г. и проживающего в Германии), с просьбой к отделу совершения брачных союзов г. Семипалатинска прислать копию документа «о брачном союзе с Ядвигой, урожденной Шуберт (разведенной Геймендаль), совершённого в сентябре 1920 года...и сообщить, имеет ли теперь силу брак, заключенный в 1920 г.» (с приложением «заадресованного конверта»). В ответ уполномоченный орган в адрес заявителя направил утвердительный ответ [32, л. 230, 230 об., 231].

Вполне вероятно, что такие документы могли быть переданы через представителей консульского учреждения заявителю, либо о данной ситуации консульство было проинформировано.

В деле сохранился запрос В. Гросскопфа к Сибревкому от 10 декабря 1923 г. об оказании помощи германскому гражданину Людвигу Еске (*предположительно, бывшему военнопленному – Е. С.*) из Гельзенкирхена в выезде его русской жены, Гульды Еске из Тобольской губернии в Германию при ее непосредственном согласии. В утвердительном случае консул выражал просьбу содействовать ей в получении загранпаспорта на выезд в облегченной форме [32, л. 245].

Другая германская работница, Эрнестина Павлина Новак вступила в брак в д. Альтгофнасс с гражданином Игнатом Пироговым, бывшим русским пленным в Германии. Во время обмена военнопленными, она поехала с мужем в Россию. По

прибытии на местожительство ее мужа в д. Павловка Семипалатинской губернии, она узнала, что ее муж уже женат, вследствие чего она возвратилась в Германию и намерена обратиться в суд о признании брака с Пироговым недействительным. Для этой цели Э. Новак необходима «выпись из актов о браке относительно вступления в брак Игнатия Пирогова с его теперешнею женою», о чем также составлено ходатайство по месту нахождения уполномоченного органа [32, л. 238].

Нередки были обращения немецких родителей, пытавшихся узнать о местонахождении в России своих дочерей, не имея о них никаких сведений. Такие запросы направлялись, например, в отношении Вильгельмины Нэгер, приехавшей с бывшим русским военнопленным Григорием Николаевичем Симеричом, с которым она вступила в брак (проживавшие в деревне Глебовске/Гедавке, Нагибинской волости, Тюкалинского уезда) [34, л. 53]. И гражданки Германии Анны Мейер, приехавшей в Советскую Россию с Романом Волковым, «с которым она намеревалась вступить в брак». Роман и Анна проживали «в деревне Ильинке (почта: Ушар) Лшинского уезда, Енисейской губернии» (*вероятно, в документе речь идет об Ачинском уезде Енисейской губернии – Е. С.*) [34, л. 209].

Показательна история другой немецкой девушки, Анны Бейелшмидт из г. Ротт, к которой были привлечены не только сотрудники консульства, но и другие уполномоченные органы на местах.

Фрау Анна разыскивала адрес гражданина Павла Ивановича Стабровского из поселка Лопушки, станции Пресново Акмолинской области. Данный гражданин (*предположительно бывший военнопленный – Е.С.*) является отцом незаконнорожденного ребенка просительницы. В связи с чем гражданка просит оказать содействие не только в розыске П. И. Стабровского, но и «выслушать его о том, согласен ли он платить гр-ке Бейелшмидт на содержание ребенка». Она находится в бедственном положении, служит поденщицей у крестьянина, не имеет родственников, «которые могли бы ей помочь необходимыми средствами» [34, л. 242, 244, 260].

В архивном деле сохранилось фотоизображение гражданина Стабровского с его подписью и дарственной надписью (*данное фотоизображение вполне могло быть подарено им А. Бейелшмидт, которое позже было предоставлено в консульство в качестве подтверждения существовавших интимных отношений – Е. С.*).

Кроме того, в деле содержится протокол дознания, в котором Павел Иванович указывает, что «женат, имеет членов семьи 7 душ», перечисляет места службы на территории России, Монголии и полностью отрицает факт знакомства с Анной. «Ребенка ни с кем не приживал, а потому платить на содержание незаконно рожденного ребенка... категорически отказывается, так как фамилия Бейелшмидт для меня является совершенно чужой» [34, л. 248, 248 об., 249, 249 об.].

В фондах ГАНО нам не удалось найти документы, из которых прослеживается окончание приведенных историй, возможно в связи с их отсутствием.

Вопросы повседневной жизни немецких подданных также находились в фокусе внимания В. Гросскопфа. Так, в одном из архивных дел ГАНО находим документы на имя Бернгарда Оскара Германовича, 31 сентября 1877 г. рождения, германского подданного, владевшего оружием (револьвером системы «Браунинг»), разрешение на которое выдано советскими органами при непосредственном содействии консула Гросскопфа. Согласно анкете, О. Бернгард был коммерсантом, представителем иностранной фирмы, прибывшим из заграницы (Манчжурии) 7 декабря 1923 г. Вероятно, после убытия гражданина Бернгарда на родину соответствующее разрешение было возвращено консульством в орган, выдавший его [33, л. 70–72, 74, 75].

Еще один случай, произошедший с указанным гражданином в момент его пребывания в Новониколаевске, упоминается в материалах другого дела. В Сибгосопере «Рабочего Дворца» в конце представления при получении шинели из жилетного кармана купца Бернгард карманником украдены «серебряные часы с позолоченным краем и арабскими цифрами вместе с лентой, тканной из серебряных нитей, длиной 7 см и шириной 2 см, к которой были прикреплены часы... Цена часов... составляет около пятидесяти рублей золотом».

Несмотря на все предпринятые действия и розыскные мероприятия, Административный отдел Сибревкома вынужден был проинформировать консульство о судьбе ценностей, что «таковые обнаружены не были, и личность преступника осталась невыясненной» [37, л. 41–50].

Другой пример, когда Гросскопф ходатайствовал о разрешении ситуации в пользу германского подданного, – дело граж-

данина Аля, имущество (постройки) которого было муниципализировано Комиссией по рассмотрению дел о конфискации, муниципализации, национализации и реквизиции недвижимых имуществ в г. Камне в 1919 г. для нужд совучреждения. Взамен изымаемого имущества 19 ноября 1921 г. комиссия постановила передать гражданину Алю дом, ранее принадлежащий гражданке Свидинской (также муниципализированный вышеупомянутой комиссией), расположенный по соседству, стоимостью 800 р.

Однако передача имущества так и не была произведена. По утверждению комиссии, гражданин Аль отказался от принятия дома «как ему не принадлежащий, несмотря на сделанное ему своевременное предложение Коммуноотдела и своевременного вручения выписки постановления комиссии, вследствие чего дом Свидинской был внесен в список муниципализированных строений».

Консул, желая оказать содействие Алю, на протяжении долгого времени (около трех лет) вел переписку с уполномоченными органами «по вопросу о неприведении в жизнь постановления Комиссии» от 19 ноября 1921 г. В результате направления многочисленных ходатайств, консулом был получен мотивированный отказ, со ссылкой на нормы законодательства РСФСР, а «постановление Каменской Комиссии (от 1921 г. – Е. С.) о предоставлении гр. Аль дома Свидинской лишено всякого законного основания. Не открывают никаких оснований к передаче дома Свидинской гр-ну Аль ни вводный закон к Гражданскому кодексу, ни Раппальский договор Германии с РСФСР. Вследствие этого к удовлетворению ходатайства гр. Аль не представляется возможности» [32, л. 274, 283–286].

Или запрос консула в отношении Павла Раутенберга, выезжающего из г. Иркутска на родину и желающего вывести коллекцию бабочек, «собранную им лично, начиная с 1909 г., которую он намерен взять с собой в Германию. Я был бы весьма признателен Сибирскому Областному Управлению НКВД – сообщение о том, допускается ли вывоз такой коллекции и какие формальности должен соблюдать при вывозе г-н Раутенберг». На что был получен ответ, согласно которому «органы НКВД безусловно возражать к вывозу... коллекции бабочек не будут. Так как разрешений на вывоз в Германию Сибвнешторгом не выдаются, то таковые необходимо получить в Москве в Наркомвнешторге (Отдел Лицензий)» [38, л. 8, 9].

Нельзя не упомянуть о содействии консула в розыске немецкого исследователя, ученого с мировым именем – Оскара Иден-Целлера, автора нескольких известных публикаций о Сибири, вышедших в разное время, в том числе в Саксонии (г. Лейпциге) [39; 40] и Франкфурте-на-Майне [41].

В. Гросскопф писал: «Небезызвестный германский гражданин, этнограф Оскар Иден-Целлер, 42 лет, начальник Таймырской сухопутной экспедиции 1913 г., был задержан царским правительством в 1914 году при начале войны и сослан в Якутск, где содержался в плену с 1915 до 1920 г. В 1920 году он отправился во Владивосток, где занимал должность уполномоченного Германского и Австрийского Красного Креста, а после ликвидации этих дел занимался там же пушной торговлей.

В конце июля 1922 г. Иден-Целлер в сопровождении своей жены отправился с меновым товаром из Владивостока в местечко Ола, Охотского уезда, откуда намеревался ехать в Средне-Колымск, где у него был знакомый Холбасе, по имени Гончарук.

Родственники Иден-Целлера получили последние сведения о нем в ноябре 1922 г. По одной версии, его тогда убили бандиты... Родственники ...разыскивают его...». К запросу прилагалось фотоизображение из книги этнографа.

После долгих разбирательств и запросов, в конце 1924 г. консулу удалось получить некоторые сведения о судьбе немецкого ученого, согласно которым в 1922 г. Иден-Целлер высадился в с. Ола Охотского уезда с товарами, которые намеревался за зиму перевести в верховья Колымы на Семчан и сплавить в Калым. Осенью 1922 г. в Олу явился известный бандит и реквизировал у ученого значительное количество груза. По зимнему пути с грузом и свой отрядом он переехал в с. Гижину Камчатской области. Весной 1923 г. Иден-Целлер на собаках выехал из Олы в Гижину в надежде получить от бандитов хоть часть платы за отобранные товары. Однако удалось ему предпринять эти действия или нет, в документе не говорится.

Далее, в архиве мы находим еще один документ – ответ НКВД Якутской АССР, в котором указывается другая версия: О. Иден-Целлер в «1922 г. уехал в Иркутскую губернию на жительство, но, по последним сведениям, он был назначен Заведующим сельскохозяйственной фермой в деревне Манзурке в 50-ти

верстах от г. Иркутска по Якутскому тракту. После того о нем сведений не имеем» [34, л. 261, 262, 276, 277].

В материалах фонда Р-19. Оп. 1. Д. 19 также больше нет информации о судьбе этнографа. Доподлинно известно, что он вернулся в Германию, где скончался в 1925 г. в Берлине. Жизненный путь и исследовательская работа Оскара Иден-Целлера до настоящего времени остаются неизученными в полном объеме и являются предметом последующих исследований.

Помимо прочего, консул Гросскопф оказывал содействие германским гражданам в получении вида на жительство в РСФСР, о чем не раз направлял соответствующие прошения. Он писал в адрес Сибревкома: «Имею честь уведомить, что германским гражданам, получившим в Консульстве матрикульные свидетельства, вменяется в обязанность регистрироваться в Отделах Управления Губисполкомов для получения установленных для иностранцев видов на жительство. Ввиду того, что некоторыми германскими гражданами, это было упущено из виду, на точное соблюдение существующих паспортных правил и постановлений будет обращено внимание всех лиц, получивших в Консульстве матрикульные свидетельства».

Так, в ноябре 1924 г. Гросскопф ходатайствовал о «снабжении установленном для иностранцев видом на жительство» сибирских предпринимателей, пивоваров, германских граждан Вальдемара и Карла Крюгеров, проживающих в Барнауле по Бийской улице, дом № 11; гражданина Карла Николаевича Грютцнера (проживающего в с. Малое Кривошеково Бугринской волости Ново-Николаевского уезда); а также Ивана, Марты, Андрея, Анны Янке, «при этом Германское Консульство покорнейше просит приписать несовершеннолетних Андрея и Анну Янке на вид на жительство брата Ивана, так как они находятся у него на иждивении. Родители умерли, и дети находятся в очень бедственном положении, так как имеют всего только 7 десятин арендованной земли» [42, л. 4–6, 10–12, 38, 39, 57, 58].

Обсуждение и выводы

Исследователь истории немецкого консульства в Новосибирске Л. П. Белковец указывала, что «в течение всего своего 13 летнего пребывания в Сибири Гросскопф неустанно изучал свой огромный консульский округ. С этой целью он предпри-

нимал многочисленные поездки по краю, знакомился с ним и его обитателями. Некоторые поездки были достаточно длительными, как, например, двухмесячное участие в Карской экспедиции по Енисею к побережью Ледовитого океана летом 1925 г. За эти годы он приобрел в Сибири широчайший круг знакомых и доверенных лиц в местном истеблишменте, в советской и партийной элите, среди хозяйственников, интеллигенции, врачей, инженеров и профессуры» [27, с. 71].

В целом, несмотря на сложности в начале своей деятельности и очевидные проблемы в конце существования консульского учреждения, Гросскопфом была проведена большая работа по защите интересов и оказанию всесторонней помощи гражданам Германии, находившихся в Сибири, по укреплению торгово-экономических связей между немецкой стороной и Советской Россией (создание представительств многих коммерческих организаций, Карская экспедиция, личное участие в судьбе соотечественников и многое другое). Однако изменение ситуации в мире не могло вновь не отразиться на взаимоотношениях двух стран, сделав заложниками последующих событий тысячи немцев-колонистов, а также иностранных граждан и их потомков, оставшихся в Сибири.

В представленном исследовании нашла отражение только некоторая часть большого массива документов о повседневной жизни германских граждан, с одной стороны, и рабочей деятельности консула, а также всего аппарата консульского учреждения, с другой.

Корреспонденция из архивных дел, рассматриваемая в совокупности с другими источниками личного происхождения (воспоминаниями, дневниковыми записями, письмами военнопленных, их послевоенными мемуарами), составляют единый комплекс источников для изучения и понимания общей исторической панорамы повседневности первого послевоенного десятилетия после Первой мировой войны.

Список литературы

1. Васильева С. Н. Организация труда военнопленных Четверного союза на территории Западной Сибири // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Коричко. – Нижневартовск: ФГБОУ ВО НВГУ, 2013. – С. 89–91. EDN: SWHRFP

2. Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы первой мировой войны // Запад-Восток. – 2008. – № 1. – С. 91–97. EDN: RIEMNF
3. Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – № 10. – С. 24–27.
4. Сергеев Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 65–78. EDN: QJBQON
5. Синявская Е. С. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Вестник РУДН. Серия «История». – 2009. – № 4. – С. 111–127.
6. Синявская Е. С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. Серия «История». – 2013. – № 1. – С. 64–83.
7. Феномен гражданского плена в России и Германии в годы Первой мировой войны / отв. ред. Н. В. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. М.: РГУ, 2023. 481 с.
8. Ильязова Р. В. Условия содержания Австро-венгерских и германских военнопленных в концентрационных лагерях России и русских военнопленных в Германии во время Первой мировой войны по документам архивов Ульяновской области // Гуманитарный научный журнал. – 2014. – № 1. – С. 20–24. EDN: TAEZQZ
9. Котюкова Т. В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. – 2017. – № 3 (96). – С. 47–64. EDN: ZKBBPR
10. Миронова Е. В. Повседневная жизнь интернированных Казанской губернии в 1917 г. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «История России». – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 210–222. EDN: WQVPFQ
11. Пылькин В. А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы Мировой войны и революции. М.: Горячая линия – Телеком, 2013. 236 с.
12. Рокина Г. В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – № 1 (9). – С. 12–21. EDN: YMZGJN
13. Соза Л. Н. Военнопленные австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии (1916–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и исторические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3–2 (77). – С. 166–171. EDN: YGSUNN
14. Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В., Болотова Е. Ю. Иностранцы военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны и Российской революции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22. – № 6. – С. 110–121. EDN: ZXNTOF
15. Тихонов А. В. Условия содержания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний // Вестник Пермского университета. История. – 2016. – № 2 (33). – С. 60–69. EDN: WFLSPD
16. Голодяев К. А. Военнопленные Первой мировой войны на территории Ново-Николаевска // Сибирский архив. Новосибирск. – 2022. – № 11. – С. 11–28. EDN: RXVHAO
17. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сборник статей. – Омск: БУК ОГИК музеев, 1997. – С. 154–180. EDN: ZBDIBB
18. Шлейхер И. И. Пленные первой мировой войны и немцы-колонисты // Российский немцы. Историографии и источниковедение. Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. – М.: Готика, 1998. – С. 205–228.
19. Маркдорф Н. М. Военнопленные первой и второй мировых войн // Aus Sibiria – 2015. Научно-информационный сборник материалов, VIII Международной научно-практической конференции, Региональной научно-практической конференции, тезисов Международной научной конференции – Тюмень: ТюмГУ, 2015. – С. 98–102. EDN: JVVZBE
20. Еремин И. А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 310. – № 1. – С. 259–263. EDN: HZNIIVF
21. Белковец Л. П., Белковец С. В. От любви до ненависти... Германская дипломатия в России (СССР). 1918–1941: монография. Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2013. 426 с. EDN: FBHKVZ

22. Белковец Л. П. История германского консульства в Новосибирске // Сибирские огни. – 2013. – № 6. – С. 142–162. EDN: QETFED
23. Белковец Л. П. История германского консульства в Новосибирске: [продолжение] // Сибирские огни. – 2013. – № 7. – С. 165–179. EDN: YSJDGO
24. Белковец Л. П., Белковец С. История германского консульства в Новосибирске: [окончание] // Сибирские огни. – 2013. – № 8. – С. 170–186. EDN: GUXOFM
25. Чернобай О. Л. Международные связи Новосибирска в начале XX века // Вестник ТГУ. История. Томск. – 2009. – № 3(7). – С. 122–126. EDN: LSQOJB
26. Чернобай О. Л. Международные связи Новосибирска в 1930-е – 1950-е годы // Власть. – 2009. – № 6. – С. 141–144. EDN: KTVBSF
27. Белковец Л. П. Консульские отношения Германии и Сибири в 1920–1930-е гг. // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. – 1999. – Вып. 1. – С. 68–79.
28. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1.
29. ГАНО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 60.
30. ГАНО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 75.
31. ГАНО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 96.
32. ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16.
33. ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 14.
34. ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19.
35. ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 40.
36. ГАНО. Ф. Р-1899. Оп. 1. Д. 91.
37. ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 23.
38. ГАНО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 156.
39. Zwölftausend Kilometer durch Sibirien. Iden-Zeller, Oskar. – Leipzig: Reclam, 1914. – 93 s.
40. Der Weg der Tränen. Iden-Zeller, Oskar. Leipzig: Ph. Reclam jun., 1926. – 520 s.
41. Sibirische Skizzen. Iden-Zeller, Oskar. – Frankfurt a. M.: M. Diesterweg, 1928. – 32 s.
42. ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 30.

Personal Histories of German Citizens and Former First World War Prisoners (on the State Archive of the Novosibirsk Region Materials)

Evgenia A. Skop

The article discusses some general aspects of the situation of prisoners of the First World War, the established historiography of the issue, and emphasizes the personal histories of German citizens and former prisoners of the World War in the Siberian region, based on the materials of the State Archive of the Novosibirsk Region. The German Consulate in Novosibirsk, which was opened in the city in the early 1920s, assisted in solving many issues of both Russian subjects who remained outside Russia after the end of hostilities and subjects of foreign countries. The active work of the first German consul in Novonikolaevsk (Novosibirsk) had a significant impact on the fates of many former prisoners and their families. The material describes the activities of W. Grosskopf to search for compatriots and facilitate their departure to their homeland, assist in resolving various marriage and family and other complex issues.

Key words: World War I, former prisoners of war, Siberia, German Consulate in Novosibirsk, Germany, Austria-Hungary, personal sources.

For citation: Skop, E. A. (2024) Lichnye istorii germanskih grazhdan i byvsih voennoplennyh Pervoj mirovoj vojny (po materialam Gosudarstvennogo arhiva Novosibirskoj oblasti) [Personal Histories of German Citizens and Former First World War Prisoners (on the State Archive of the Novosibirsk Region Materials)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 206–230. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_206. EDN: YLXKHG

References

1. Vasil'eva, S. N. (2013) *Organizaciya truda voennoplennyh CHetvernogo soyuza na territorii Zapadnoj Sibiri* [Organization of labor of prisoners of war of the Fourth Union on the territory of Western Siberia]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, science, education: problems and prospects]. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Editor-in-chief A. V. Korichko. Nizhnevartovsk: FGBOU VO NVGU. Pp. 89–91. (In Russ.)
2. Kugelov, A. G. (2008) *Problema voennoplennyh v gody pervoj mirovoj vojny* [The problem of prisoners of war during the First World War]. *Zapad–Vostok* [West–East]. No. 1. Pp. 91–97. (In Russ.)
3. Lyukshin, D. (2002) *Da za nashimi babami v'yutsya. Voennoplennye v krest'yanskoj Rossii* [Yes, they follow our women. Prisoners of war in peasant Russia]. *Rodina* [Rodina]. No. 10. Pp. 24–27. (In Russ.)
4. Sergeev, E. Yu. (1996) *Russkie voennoplennye v Germanii i Avstro-Vengrii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian prisoners of war in Germany and Austria-Hungary during the First World War]. *Novaya i novejšaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. No. 4. Pp. 65–78. (In Russ.)
5. Sinyavskaya, E. S. (2009) *Narody Avstro-Vengrii v Pervoj mirovoj vojne glazami russkogo protivnika* [Peoples of Austria-Hungary in the First World War through the eyes of the Russian enemy]. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya»* [Vestnik RUDN. Series “History”]. No. 4. Pp. 111–127. (In Russ.)
6. Sinyavskaya, E. S. (2013) *Polozhenie russkih voennoplennyh v gody Pervoj mirovoj vojny: ocherk povsednevnoj real'nosti* [The situation of Russian prisoners of war during the First World War: a sketch of everyday reality]. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya»* [Vestnik RUDN. Series “History”]. No. 1. Pp. 64–83. (In Russ.)
7. *Fenomen grazhdanskogo plena v Rossii i Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny* (2023) [The Phenomenon of Civilian Captivity in Russia and Germany during the First World War]. Edited by N. V. Rostislavleva, A. Bauerkemper. Moscow: RGGU. (In Russ.)
8. Il'yazova, R. V. (2014) *Usloviya sodержaniya Avstro-vengerskih i germanskih voennoplennyh v koncentracionnyh lageryah Rossii i russkih voennoplennyh v Germanii vo vremya Pervoj mirovoj vojny po dokumentam arhivov Ul'yanovskoj oblasti* [Conditions of detention of Austro-Hungarian and German prisoners of war in concentration camps in Russia and Russian prisoners of war in Germany during World War I according to the documents of the archives of the Ulyanovsk region]. *Gumanitarnyj nauchnyj zhurnal* [Humanitarian Scientific Journal]. No. 1. Pp. 20–24. (In Russ.)
9. Kotyukova, T. V. (2017) *Turkestanskij plen: nemeckie i avstro-vengerskie voennoplennye v russkom Turkestane v gody Pervoj mirovoj vojny* [Turkestan captivity: German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russian Turkestan during the First World War]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World]. No. 3 (96). Pp. 47–64. (In Russ.). EDN: ZKBBPR
10. Mironova, E. V. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' internirovannyh Kazanskoj gubernii v 1917 g.* [Daily life of the internees of Kazan province in 1917]. *Vestn. Ross. Un-ta druzhby narodov. Ser. «Istoriya Rossii»* [Bulletin of RUDN. Series "History of Russia"]. Vol. 16. No. 2. Pp. 210–222. (In Russ.)
11. Pyl'kin, V. A. (2013) (ed.) *Voennoplennye Avstro-Vengrii, Germanii i Osmanskoj imperii na Ryazanskoj zemle v gody Mirovoj vojny i revolyucii* [Prisoners of war of Austria-Hungary, Germany and the Ottoman Empire in the Ryazan land during the World War and the Revolution]. Moscow: Goryachaya liniya. (In Russ.)
12. Rokina, G. V. (2017) *Avstro-vengerskie plennye Pervoj mirovoj vojny v uezdnyh gorodah Kazanskoj gubernii* [Austro-Hungarian prisoners of the First World War in the district towns of Kazan province]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. YUridicheskie nauki»* [Bulletin of Mari State University. Series “Historical Sciences. Legal Sciences”]. No. 1 (9). Pp. 12–21. (In Russ.)
13. Soza, L. N. (2017) *Voennoplennye avstro-vengerskoj i germanskoj armij na territorii Bronnickogo uezda Moskovskoj gubernii (1916–1917 gg.)* [Prisoners of war of the Austro-Hungarian and German armies on the territory of Bronnitsky uyezd of Moscow province (1916–1917)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i istoricheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*

[Historical, philosophical, political and historical sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]. No. 3–2 (77). Pp. 166–171. (In Russ.)

14. Timofeeva, E. G., Lebedev, S. V., Bolotova E. YU. (2017) *Inostrannyye voennoplennyye na territorii Astrahanskoy gubernii v gody Pervoy mirovoj vojny i Rossijskoj revolyucii* [Foreign prisoners of war on the territory of Astrakhan province during the First World War and the Russian Revolution]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International relations.]. Vol. 22. No. 6. Pp. 110–121. (In Russ.)

15. Tihonov, A. V. (2016) *Usloviya sodержaniya inostrannykh voennoplennykh v gody Pervoy mirovoj vojny na primere Kaluzhskoy i Tul'skoj gubernij* [Conditions of foreign prisoners of war during the First World War on the example of Kaluga and Tula provinces]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Perm University. History]. No. 2 (33). Pp. 60–69. (In Russ.)

16. Golodyaev, K. A. (2022) *Voennoplennyye Pervoy mirovoj vojny na territorii Novo-Nikolaevska* [Prisoners of War of the First World War on the territory of Novo-Nikolaevsk]. *Sibirskij arhiv. Novosibirsk* [Siberian Archive. Novosibirsk]. No. 11. Pp. 11–28. (In Russ.)

17. Grekov, N. V. (1997) *Germanskije i avstrijskie plennyye v Sibiri (1914–1917)* [German and Austrian prisoners in Siberia (1914–1917)]. *Nemcy. Rossiya. Sibir': sb. statej* [Germans. Russia. Siberia: collection of articles]. Omsk: BUK OGK Museum. Pp. 154–180. (In Russ.)

18. SHlejher, I. I. (1998) *Plennyye pervoj mirovoj vojny i nemcy-kolonisty* [Prisoners of the First World War and the Germans-colonists]. *Rossijskij nemcy. Istoriofografiya i istochnikovedenie. Migracionnyye processy sredi rossijskikh nemcev: istoricheskij aspekt* [Russian Germans. Historiography and source study. Russian Germans. Historiography and source study. Migration processes among Russian Germans: historical aspect]. Materials of the International Scientific Conference. Moscow: Gotika. Pp. 205–228.

19. Markdorf, N. M. (2015) *Voennoplennyye pervoj i vtoroj mirovykh vojn* [Prisoners of War of the First and Second World Wars]. *Aus Sibiria – 2015* [Aus Sibiria – 2015]. Scientific and information collection of materials, VIII International Scientific and Practical Conference, Regional Scientific and Practical Conference, thesis of the International Scientific Conference. Tyumen: TyumSU. Pp. 98–102. (In Russ.)

20. Eremin, I. A. (2007). *Voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri* [Prisoners of the First World War in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Izvestia Tomsk Polytechnic University]. Vol. 310. No. 1. Pp. 259–263. (In Russ.)

21. Belkovec, L. P. (2013) *Ot lyubvi do nenavisti... Germanskaya diplomatiya v Rossii (SSSR). 1918–1941* [From love to hate... German diplomacy in Russia (USSR). 1918–1941]. Novosibirsk: OOO "Al'fa-Porte". (In Russ.)

22. Belkovec, L. P. (2013) *Istoriya germanskogo konsul'stva v Novosibirskje* [History of the German Consulate in Novosibirsk]. *Sibirskie ogni* [Sibirskie Ognny]. No. 6. Pp. 142–162. (In Russ.)

23. Belkovec, L. P. (2013) *Istoriya germanskogo konsul'stva v Novosibirskje: prodolzhenie*. [History of the German Consulate in Novosibirsk: continued]. *Sibirskie ogni* [Sibirskie Ognny]. No. 7. Pp. 165–179. (In Russ.)

24. Belkovec, L. P. (2013) *Istoriya germanskogo konsul'stva v Novosibirskje: okonchanie*. [History of the German Consulate in Novosibirsk: ending]. *Sibirskie ogni* [Sibirskie Ognny]. No. 8. Pp. 170–186. (In Russ.)

25. CHernobaj, O. L. (2009) *Mezhdunarodnyye svyazi Novosibirska v nachale XX veka* [International relations of Novosibirsk in the early 20th century]. *Vestnik TGU. Istoriya. Tomsk* [TSU Bulletin. History. Tomsk]. No. 3 (7). Pp. 122–126. (In Russ.)

26. CHernobaj, O. L. (2009) *Mezhdunarodnyye svyazi Novosibirska v 1930-e – 1950-e gody* [International relations of Novosibirsk in the 1930s – 1950s]. *Vlast'* [Vlast']. No. 6. Pp. 141–144. (In Russ.). EDN: KTVBSF

27. Belkovec, L. P. (1999) *Konsul'skie otnosheniya Germanii i Sibiri v 1920–1930-e gg.* [Consular relations between Germany and Siberia in 1920–1930s]. *Nemeckij etnos v Sibiri* [German ethnos in Siberia]. An almanac of humanitarian studies. Issue 1. Pp. 68–79.

28. *Gosudarstvennyy arhiv Novosibirskoj oblasti* (hereinafter – GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region]. F. R-1.

29. GANO. F. R-41. Op. 1. D. 60.

30. GANO. F. R-41. Op. 1. D. 75.
31. GANO. F. R-41. Op. 1. D. 96.
32. GANO. F. R-19. Op. 1. D. 16.
33. GANO. F. R-19. Op. 1. D. 14.
34. GANO. F. R-19. Op. 1. D. 19.
35. GANO. F. D-144. Op. 1. D. 40.
36. GANO. F. R-1899. Op. 1. D. 91.
37. GANO. F. R-19. Op. 1. D. 23.
38. GANO. F. R-41. Op. 1. D. 156.
39. (1914) Zwölftausend Kilometer durch Sibirien. Iden-Zeller, Oskar. Leipzig: Reclam.
40. (1926) Der Weg der Tränen. Iden-Zeller, Oskar. Leipzig: Ph. Reclam jun.
41. (1928) Sibirische Skizzen. Iden-Zeller, Oskar. Frankfurt a. M.: M. Diesterweg.
42. GANO. F. R-19. Op. 1. D. 30.

Об авторе

Скоп Евгения Александровна, аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: skopevgenia22@gmail.com; ORCID ID: 0009-0001-2754-5620

About the author

Skop Evgenia A., Postgraduate, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: skopevgenia22@gmail.com; ORCID ID: 0009-0001-2754-5620

*Статья поступила в редакцию 05.09.2024
Одобрена после рецензирования 17.10.2024
Принята к публикации 22.10.2024*

Калмыцкое училище. Большедербетовский улус
Из альбома «Инородческие школы Ставропольской губернии»

Калмыцкое училище. Большедербетовский улус
Из альбома «Инородческие школы Ставропольской губернии»

К статье И. В. Лиджиевой

Барадийн (Барадин) Б.Б. Групповой портрет монахов с собаками у стены одного из храмов Лаврана. 1906-1907 гг.
Негатив на стеклянном носителе. МАЭ № 1235-8.

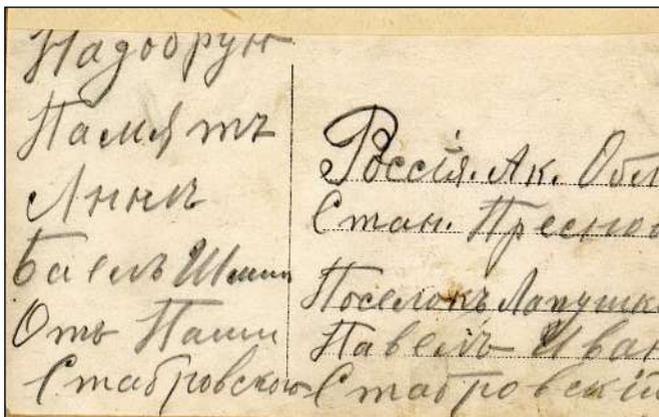
Барадийн (Барадин) Б.Б. Трое монахов-иконописцев расписывают буддийские «иконь» танки. 1906-1907 гг.
Негатив на стеклянном носителе. МАЭ № 1235-8.

К статье Н. А. Станулевич, С. С. Сабруковой

Базар Барадиевич Барадийн (Барадин) (1878-1937)
ГАУК РБ Республиканская детско-юношеская библиотека

К статье Н. А. Станулевич, С. С. Сабруковой

Дарственная надпись на фотозображении П. И. Стабровского
 ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19. л. д. 248 об.

Удостоверение, выданное гр. О. Бернгард от 10 декабря 1923 г.
 ГАНО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 14. л. д. 75

К статье Е. А. Скоп

Фотоизображение П. И. Стабровского
ГАНУ. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19. л. д. 248

Фотоизображение этнографа О. Иден-Целлера
ГАНУ. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19. л. д. 277

К статье Е. А. Скоп

Здание бывшего Германского консульства в Новосибирске (Октябрьская, 47).
Фото автора

К статье Е. А. Скоп

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен одним файлом:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Original article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: *Everyday Life of Murmansk Women and the Beginning of the Women's Movement on the Kola Peninsula During the "Perestroika" Years.*
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи. В таком случае слово "результаты" опускается, а прописываются только авторские рубрики.
- **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).
- **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:
 - ФИО (полностью);
 - Ученая степень;
 - Ученое звание;
 - Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
 - Город;
 - Страна;
 - Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
 - E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах: TIFF (300 dpi), PNG, JPG/ JPEG.

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 4 (32)

2024

Редактор **Т. Г. Захарова**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 16.12.2024. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 15.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 1998

На обложке размещена картина В. В. Верещагина

«Голова зырянина», 1894 г.,

Государственный Русский музей, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru